Восточный архив

№ 1 (33), 2016

Восточный архив
Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет
В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия
В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление
С.И. Потабенко

Вёрстка
Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Подписано в печать 17.03.2016
Объем 12,0 п. л.
Тираж 110 экз.
Отпечатано в издательстве МБА.
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2016
© Институт востоковедения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора …….. **3**

К 75-летию со дня рождения профессора В.И. Шеремета **4**

Кадырбаев А.Ш. О присяге Абулхаира – хана младшего жуза казахов «на верность России» в 1742 году …….. **5**

Бухерт В.Г. «Если бы я захотел резни, то она была бы». Письмо К.П. фон Кауфмана А.А. Киреева. 1876 г. **17**

Лисицына Н.Н. О мифологизации исторических личностей. Лорд Дафферин – «чиновник-романтик»?..... **23**

Хохлов А.Н. Исайя Поликин: миссионер, переводчик, филолог **29**

Лапин П.А. Первый куратор китайских студентов в России Чжан Цзушэнь и его доклад в Пекин (1910 г.) **41**

Беляков В.В. Дружба, скреплённая Египтом. Письма С.П. Юрицына, Е.Н. Чирикова и И.Я. Билибина А.А. Яблоновскому **51**

Шмидт Вальдемар. Пастор Розенберг и переселение российских немцев в немецкие колонии в Восточной Африке …….....…. **55**

Котюкова Т.В. «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» В.П. и М.В. Наливкиных. Неопубликованные рецензии …….... **62**

Беляков В.В. У истоков советско-египетских культурных связей. Отчёт представителя ВОКС в Каире за 1944 год .....……..... **67**

Лысенков Н.А. Приезд Назыма Хикмета в Советский Союз в 1951 году ……..... **75**

К 200-летию Института востоковедения РАН

Хазанов А.М. Из воспоминаний востоковеда **88**

Памяти коллег

Александр Николаевич Хохлов (1929–2015) **93**

Дмитрий Юрьевич Арапов (1943–2015) **94**

Наши авторы ……... **96**

Oriental Archive

No. 1 (33), 2016

CONTENTS

Editor's notes …… **3**

75th anniversary of Prof. Vitaly Sheremet ……..... **4**

Kadyrbaev, Alexander. On swear allegiance to Russia by Kazakh Khan Abulkhair in 1742 ……..... **5**

Buhert, Vladimir. General Von Kaufmann on situation in Khiva. 1876 ……..... **17**

Lysytsina, Natalia. On mythologisation of historical personalities. Was Lord Dufferin a "bureaucrat-romantic"? ……..... **23**

Khokhlov, Alexander. Isaya Polikin: missioner, translator and philologist ……..…….. **29**

Lapin, Pavel. Chjan Zushen, the first curator of Chinese students in Russia ……..... **41**

Belyakov, Vladimir. Their friendship crystallized in Egypt. Letters by Russian cultural figures to novelist Alexander Yablonovsky ……..... **51**

Schmidt, Waldemar. Pastor Rosenberg and his role in relocation of Germans from Russia to German colonies in East Africa ……..……..... **55**

Kotyukova, Tatiana. On the book "Life of local woman of Fergana" by Nalivkins. Unpublished reviews ……..……..... **62**

Belyakov, Vladimir. Establishment of cultural relations between the USSR and Egypt. 1944 …… **67**

Lysenkov, Nicolas. Flight to the USSR of the Turkish poet Nazim Hikmet. 1951 ……. **75**

To the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies

Khazanov, Anatoly. From memories of an Orientologist ……..... **88**

Obituaries

Dr. Alexander Khokhlov (1929–2015) …..……..... **93**

Prof. Dimitry Arapov (1943–2015) …..……..... **94**

Contributors …… **96**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Наш журнал выходит уже почти два десятилетия, и за это время у нас сложились определённые традиции. Например, открывать очередной номер статьёй, посвящённой наиболее далеко отстоящим от нашего времени событиям. Или представлять авторов «Восточного архива». И то, и другое относится и к нынешнему номеру. Но есть в нём и новшество. Дело в том, что через два года, в 2018 году, наш Институт востоковедения РАН будет отмечать своё 200-летие. В честь предстоящего юбилея мы начинаем публикацию воспоминаний ветеранов института. Первому из них слово предоставлено Анатолию Михайловичу Хазанову, проработавшему в Институте востоковедения более полувека.

Ну, а тематика статей традиционна. Больше всего внимания в нынешнем номере уделено истории Центральной Азии. Это статьи А.Ш. Кадырбаева, В.Г. Бухерта, Т.В. Котюковой. Разброс во времени немалый – от середины XVIII до начала XX века.

Из Центральной Азии переместимся в Восточную Африку. Молодой исследователь из Германии Вальдемар Шмидт показывает в своей статье, что заселение немецких колоний в Восточной Африке в начале прошлого века происходило в немалой степени за счёт российских немцев – потомков переселенцев из Германии во времена Екатерины Великой.

Интересную пару составили материалы А.Н. Хохлова и П.А. Лапина. Первый из них рассказывает о русском миссионере в Китае, прославившемся также как переводчик и филолог, а второй – о кураторе китайских студентов в России. К великому сожалению, это последняя статья Александра Николаевича, публикуемая уже после его кончины. Памяти А.Н. Хохлова посвящён специальный материал. Увы, это не единственная потеря, понесённая коллективом авторов «Восточного архива» за последние полгода. Ушёл из жизни также профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Дмитрий Юрьевич Арапов, неизменный участник конференций «Архивное востоковедение». Его памяти тоже посвящён отдельный материал.

Мы никогда не забудем покинувших нас коллег и друзей, их образы и труды остаются с нами. В честь 75-летия со дня рождения первого главного редактора «Восточного архива» профессора Виталия Ивановича Шеремета в Отделе истории Востока Института востоковедения РАН состоялось специальное заседание, о чём подробно сообщается в нынешнем номере журнала.

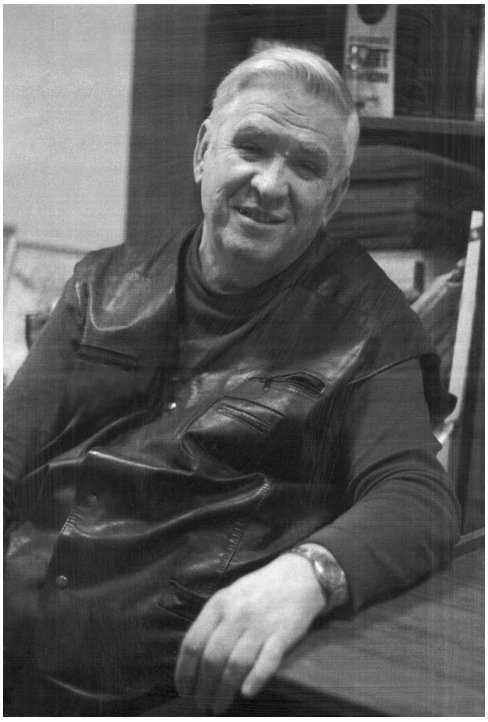
Две статьи посвящены событиям не столь уж далёкого прошлого. В августе 1943 г. были наконец установлены дипломатические отношения между СССР и Египтом, и в конце года в Каире появилась советская миссия. В ту пору точек политического соприкосновения между двумя государствами почти не существовало, и миссия сделала упор на налаживании культурных связей. Об этом говорится в публикуемом мной отчёте за 1944 год представителя Всесоюзного общества по культурным связям с зарубежными странами (ВОКС).

Автор второй статьи, архивист Н.А. Лысенков, рассказывает о том, как в 1951 г. в Советском Союзе оказался великий турецкий поэт-демократ Назым Хикмет.

И в заключение хочу напомнить нашим уважаемым авторам, что в соответствии с требованиями современного русского языка мы восстановили в правах букву «Ё».

В.В. Беляков

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА В.И. ШЕРЕМЕТА



9 декабря 2015 года состоялось заседание Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, посвящённое 75-й годовщине со дня рождения главного научного сотрудника ИВ РАН, профессора Виталия Ивановича Шеремета (05.12.1940 – 05.10.2012). На заседании с воспоминаниями о В.И. Шеремете, с оценкой его вклада в востоковедение выступил заведующий Отделом истории Востока профессор Д.Д. Васильев. О покойном коллеге и друге говорили также доктора исторических наук, ведущие научные сотрудники В.В. Беляков, А.Ш. Кадырбаев, З.В. Анайбан, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Н.Ф. Лещенко, кандидат исторических наук, научный сотрудник Н.К. Чарыева, доцент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, где много лет преподавал В.И. Шеремет, его ученица кандидат исторических наук Н.Н. Лисицына.

Выступавшие на заседании отмечали, что В.И. Шеремет был выдающимся учёным-османистом и педагогом, яркой личностью. Возглавляя в течение многих лет Сектор архивных изысканий и публикаций Института востоковедения РАН и журнал «Восточный архив», он много сделал для подготовки молодых востоковедов, для пропаганды работы с архивными материалами. В.И. Шеремет был инициатором проведения регулярных международных научных конференций «Архивное востоковедение». Виталий Иванович заботливо относился к своим коллегам, неизменно помогал им. Для многих из них он стал настоящим Учителем. Память о В.И. Шеремете, как и его многочисленные труды, остаётся с нами.

Редколлегия

А.Ш. Кадырбаев

О ПРИСЯГЕ АБУЛХАИРА – ХАНА МЛАДШЕГО ЖУЗА КАЗАХОВ «НА ВЕРНОСТЬ РОССИИ» В 1742 ГОДУ

С начала XVIII в., после реформ Петра Великого и создания Российской империи, в российской политике определилась устойчивая тенденция на присоединение казахских земель к России. Причём происходило это в условиях военных столкновений казахов с Джунгарским ханством и Персидской державой, чьи войска вышли тогда на рубежи казахских владений. Этой задаче российской политики на Востоке была посвящена деятельность видного государственного деятеля России середины XVIII в., первого генерал-губернатора Оренбургского края Ивана Ивановича Неплюева. Свою жизнь, имевшую непосредственное отношение к событиям в Казахской степи, он фиксировал в дневнике, датируемом 1742 г., страницы которого «выясняют первые наши (российские. – *Авт.*) отношения с ордынцами и дипломатические приёмы Ив. Ив. (Неплюева. – *Авт.*) в делах с ними…»[1].

«Хотя о деятельности первого Оренбургского губернатора т[айного] с[оветника] Ив. Ив. Неплюева есть довольно много данных в исторической печати, тем не менее, будущим историографам придётся много поработать, чтобы дать вполне точную и беспристрастную характеристику ему как дипломату, администратору и, пожалуй, до некоторой степени “военному” человеку; так как, несмотря на то, что Ив. Ив. носил мундир гражданского чиновника, тем не менее, надо отдать должную справедливость, он умело руководил действиями русских отрядов в борьбе с непокорными туземными племенами Башкирии и Зауралья. Местные архивы наши стоят в запустении и настолько мало разработаны, что даже позднейший биограф Неплюева г. Витевский в своем обширном труде – “Неплюев и Оренбургский край” – совершенно не коснулся таких архивных данных, которые имеют заметное значение в жизни и деятельности Ив. Ивановича. В Тургайском областном архиве нам удалось отыскать два дневника Неплюева, ещё никогда не напечатанных, которыми, видимо, не пользовался даже г. Витевский, хотя в них есть несколько новых интересных сведений о самом Неплюеве, также и о наших сношениях с киргизскими (казахскими. – *Авт.*) ордами и среднеазиатскими ханствами… Первый дневник (по добавочной описи № 5) относится к тому времени, когда Неплюев, назначенный в 1742 г. командиром Оренбургской комиссии (как тогда называлась Оренбургская губерния), предпринял в июне этого года первую попытку для обозрения вверенного ему края»[2].

1731 год – рубеж, с которого началось вхождение Казахской степи в орбиту российского влияния. Инициатором этого процесса с казахской стороны был Абулхаир – хан Младшего жуза, или, по терминологии российских документов того времени, Малой Киргиз-кайсацкой орды. Прославленный в степи воин, победитель Джунгарского ханства – кочевой империи западных монголов-ойратов, называемых по-тюркски калмаками или калмыками, по-русски зенгорцами и зюнгорцами. Незаурядная, противоречивая и трагическая личность, споры о месте которой в казахской истории столь обострились в наше время.

Дневник 1742 г. повествует «о том, что происходило у тайного советника и кавалера Неплюева при Орской крепости (где первоначально находился Оренбург. – *Авт.*) и в бытность тут киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хана и прочих солтанов, Джанбека тархана и других киргиз-кайсацких старшин и того народа, а также зенгорских и каракалпацких посланцев. 1742 года с 20 августа по 7-е сентября…»[3].

Встреча с казахскими владетелями была обусловлена тем обстоятельством, что «к

тому времени… Неплюев, назначенный в 1742 году командиром Оренбургской комиссии, предприняв в июне этого года первую попытку для обозрения вверенного ему края, прибыл в Орск (бывший Оренбург), где пробыл с 20-го августа по 7-е сентября, дожидаясь приезда ханов Малой орды Абулхаира и Средней (Серединного жуза казахов. – *Авт.*) – Абулмамета…»[4].

Хан Серединного жуза Абулмамет (Абулмамбет), как и Абулхаир-хан, был одним из главных претендентов на место всеказахского хана и опередил его на этом поприще. Иллюстрацией к портрету Абулхаир-хана могут служить документы российской Коллегии иностранных дел, представленные правительственному Сенату, о том, что он «в киргиз-кайсацком народе силу имеет не по ханскому уряду, но по его хитрости и великой фамилии»[5].

Абулхаир-хан не был «рыцарем без страха и упрёка», и стремление перейти в подданство Российской империи было продиктовано его прагматизмом политика – воспользоваться военной мощью России против джунгар, особенно терзавших казахов с 1720-х гг., и персидского шаха Надира, захватившего Хивинское ханство, на трон которого претендовал Нуралы – сын Абулхаир-хана. С помощью России он хотел укрепить свою ханскую власть во всей Казахской степи.

Но политика российской правящей элиты была противоречива. Царский двор вверил все полномочия по этому вопросу оренбургским властям. Алексей Тевкелев, до крещения известный как Кутлу-Махмет, посол российской государыни к Абулхаир-хану, с именем которого связан успех российской дипломатии в феврале 1731 г., когда Абулхаир-хан признал себя подданным российской короны, поддерживал последнего в попытках упрочения ханской власти в степи. А Неплюев считал, что сильная ханская власть, да ещё в лице такого волевого правителя, не способного быть марионеткой, не отвечает государственным интересам России.

В дневнике Неплюева за 1742 г. описывается важное событие в истории российско-казахских отношений, в котором заметную роль играл подготовленный российскими властями церемониал. Абулхаир-хан со свитой и другие казахские владетели прибыли для принесения присяги на верность российскому престолу по случаю коронации императрицы Елизаветы Петровны, «Её И[мператорского] В[еличест]ва всесветлейшей государыни, которая есть дочь высокославной памяти Государя Императора Петра Великого». Это означало юридическое оформление российского протектората над заметной частью казахских земель. «…Посланцы его ханские в Москве будучи, видеть [её] удостоились, и он, хан, от Её И[мператорского] В[еличест]ва всемилостивейшею грамотою пожалован и что все Её Величества верные подданные, как то всенародное обыкновение есть, Её Величеству… присягу чинили… так, как подданному Её Величества, да учинить её для того б он (Абулхаир-хан. – *Авт.*)… изволил объявить. Когда для учинения той торжественной присяги к т[айному] с[оветни]ку быть изволить. Хан и старшины, выслушав те речи, о здравии Её И[мператорского] В[еличест]ва молитву читали, подняв руки…»[6]. Т.е. с казахской стороны коронация была освящена мусульманской молитвой.

Кроме казахов, на церемонию принятия присяги прибыли послы Джунгарского ханства и каракалпаков. Этому акту предшествовала, как явствует из дневника Неплюева, напряжённая и длительная работа: «По много бывшей до сего числа (20 августа 1742 г.) с Абулхаир-хана переписке, прибыл в лагерь прежде отправленный к оному геодезии прапорщик Муравин с письмом и ведомостью, то хан того дня прибудет близ лагеря на реку Ор, к урочищу, называемому Каменный брод…»[7]. Кроме прапорщика Муравина, к Абулхаир-хану были посланы другие русские офицеры, готовившие его визит к оренбургскому генерал-губернатору, – поручик Гладышев и секунд-майор Миллер.

«21 августа. Поутру отправлен к Абулхаир-хану секунд-майор Миллер, с ним гренадёр шесть и один капрал, 12 человек панцирников (служилых башкир и русских ка-

заков. – *Авт.*), поздравить его благополучным приездом и спросить, изволит ли он на завтра быть к т[айно]му с[оветни]ку для свидания или дождётся (как объявлено) сына своего Эрали-солтана. Причём приказано ему, майору, помянутому хану представить наперёд о учинении присяги Её И[мператорскому] Вел[ичест]ву, с истолкованием, что все И[мператорского] Вел[ичест]ва подданные по благополучном Её В[еличест]ва на российский престол вступлении, по всенародному обыкновению присягу верности учинили, что и он, хан, со своими, яко её И[мператорского] В[еличест]ва верноподданный, учинить долженствует. С помянутым майором было послано к хану: чаю 2 ф[унта] чёрного и зелёного и 2 головы сахару, баранов – 3, вина горячего – 2 ведра, водки донской – 1 шт.; Джанбек-батырю: чаю 1 ф[унт] зелёного и чёрного, да голова сахару, баранов – 2, вина горячего – 1 ведро. Того же утра от помянутого хана прислан поручик Гладышев поздравить т[айного] с[оветни]ка. Против чего, от него, т[айного] с[оветни]ка, под означенного майора послан был толмач (переводчик. – *Авт.*) Усман Арасланов с таким же поздравлением, – которому приказано майору Миллеру сказать, чтобы он хану представил о зенгорцах и каракалпацких посланцах. Яко им привычнее к нему, т[айному] с[оветни]ку, приехать с ним, ханом или особо, не в первый день, и на то от него требовать ответа… Хан подтвердил, что он, также Джанбек и все старшины… навсегда верность свою соблюдать будут… и для учинения присяги в понедельник, т.е. 23 ч[исла], обещался приехать, а назавтра быть не обещал, чаятельно, для того, чтобы подождать сына своего, недалеко кочующего, Эрали-солтана и прочих, о которых обещал…»[8].

При этом Абулхаир-хана волновала церемония его приёма российской стороной: «При том говорил хан, что он по высочайшей Её И[мператорского] В[еличест]ва милости паче прочих в народе своём возвышен, и неприлично ему, чтоб пред народом своим на земле просто сидеть… т[айного] с[оветни]ка просить, чтоб ему прислать кресла и чтоб прислать к нему немного перцу и имбирю… ему Миллер сказал, что о том т[айному] с[оветни]ку донесёт, и он может тем удовольствовать. Отпуская его, Миллера, он, хан, сказал, что нехорошо-де – сыну (ибо, как он, Миллер, прежде у него, хана, бывал, тогда его сыном называл) от отца пешком идти, и просил, чтоб от него принял в подарок лошадь, которую от него он, Миллер, и принял. Джанбек, перед отпуском его от хана, вышел в свою палатку, и Миллер, простясь с ханом, ходил к нему, Джанбеку… посланный ему чай, сахар, вино и 3 барана, при поздравлении от т[айного] с[оветни]ка, отдал; чем он весьма доволен и благодарен был, куда все старшины пришли, которых он потчевал сахаром и… прославляя Её И[мператорского] В[еличест]ва милость…»[9].

Перед Миллером и Гладышевым ставилась задача обеспечить приезд не только казахских владетелей, но и джунгарских послов, для демонстрации принятия казахов в подданство России и снятия тем самым претензий джунгар к Абулхаиру и Абулмамбету. В связи с этим было немаловажно придать этому событию внешний антураж – в виде почётной церемонии принятия присяги и встречи Абулхаир-хана с оренбургским генерал-губернатором: «…приехал от хана из лагеря поручик Гладышев, который доносил, что от… хана отлучились (зенгорские посланцы) и к нему Абулхаиру вчера, накануне приехали и к т[айному] с[оветни]ку приехать хотели. Он же, Гладышев, объявлял, что и помянутый… хан незамедлительно приедет, ибо де положил намерение, чтобы сего числа к Орску кочевать. Он же, Гладышев, сказывал, что киргиз-кайсаки у себя в лагерь из волжских калмык (взятых ими в полон) 6 человек, которых де они… отдать зенгорцам, вместо своих, у них находящихся. По тому Гладышева объявлению послан к хану секунд-майор Миллер и с ним калмыцкого языка переводчик… Как хан присягу учинит, то его с тем штабу и офицерам поздравить, которые хану с его лучшими старшинами в шатре т[айного] советника, на коленях стоя, учинить, а про-

чие в передней ставке, при чём быть полковникам»[10].

Для ознакомления с подготовкой церемониальной процедуры официальной встречи с оренбургским генерал-губернатором Абулхаир-хан предварительно направил своего сына с людьми: «Куж-Ахмет-солтан, сын Абулхаир-хана… в Орской крепости тогда обретавшийся. Яко он поставлен для лучшего хранения с приезду в крепость, – пред приездом ханским призван в лагерь и, пока приготовления делали, был в особой палатке с старшинами своими; а как хан к лагерю подъезжать стал, то призван к т[айному] с[оветни]ку и был с ним в ставке т[айного] с[оветни]ка…»[11].

Церемонии по поводу принесения Абулхаир-ханом присяги на верность российскому престолу были обставлены на должном уровне торжественности, что подчеркивало значение события. «23 августа. Поутру чинены были приготовления к принятию Абулхаир хана со старшинами и прочими. К встрече их учинён особый церемониал, посему:

1-е. В лагерь ханской отправить майора, с ним капитана, поручика да адъютанта, гранодир (гренадёров, солдат регулярной российской армии. – *Авт.*) 60 челов[ек] с трубами и литаврами, да панцирниковъ из казаков и башкирцев… Коляску, цугом заложенную, а наперёд оной… 4 чел[овека], и ехать им до… караула и тут, остановясь, построиться…

2-е. По прибытии к тому караулу и построясь, майору послать адъютанта с толмачом к хану и объявить от майора, что он для чести его прислан к встрече с командою, и просить, чтобы изволил ехать.

3-е. Как он, хан, из своего лагеря поедет… адъютанту возвратиться наперёд и донести майору, хан едет.

4-е. Когда хан (со) свитою своею подъедет к построенной команде, тогда ему отдать честь ружьём и музыкою, и майор, подъехав, должен объявить, что он с командою прислан его ханскую высокопочётность встретить и с подобающею честию препроводить до лагеря т[айного] с[оветни]ка и кавалера. И при том спросить, в коляске ли он изволит ехать или верхом, что оставляется на его изволение, ибо для него, для солтана и для Джанбека верховые лошади, а для его с солтаном особ, если изволит, и коляска присланы.

5-е. Напереди хана ехать гренадёрам со обнажёнными шпагами и играющею музыкою, потом весть заводных лошадей, за ними карета, и ежели хан во оной будет сидеть, то с ним в коляске майору сидеть, напротив его, а адъютанту и находящимся при хане поручику и прапорщику и толмачу ехать по сторонам. А буде хан верхом поедет, то майору и оным ехать с ним по сторонам или напереди, как хан пожелает. За ними старшинам ханским, а позади всех казакам и башкирцам.

6-е. Драгунам и солдатам стоять в парад, в линии, в одну шеренгу, т.е. оставя дорогу между ими сажен 10… от ворот двора командирского, только оставить у самых ворот место, чтобы встречающие гренадёры по 30 чел[овек] на стороны построиться могли; а в поле вышеупомянутой линии продолжить прямо, сколько людей будет, и хан въедет в линию, то отдавать ему честь ружьём с барабанным боем и музыкою, а когда артиллерию минет, тогда из 7 пушек выпалить.

7-е. По прибытии ко двору, ежели хан будет в карете сидеть, остановиться и принять его из коляски будущему с ним майору, а у ворот майору Миллеру и капитану Тарбееву, а – буде верхом, – то ему и солтану въехать во двор, не скидывая сабли; и как с лошади слезет, тогда стоящему на дворе караулу отдать честь с барабанным боем и музыкою. Джанбек-батырю, когда оной с ним ханом будет, – слезть с лошади у ворот и позволить в сабле идти; прочим же старшинам скинуть оружье у ворот, идти за Джанбеком. Но ежели тут будут такие, у коих жалованные сабли есть, то и тем в саблях идти не возбранять, чего майору Миллеру наблюдать.

8-е. Как хан подойдёт к передней ставке, тут встретить его премьер-майором, на выходе оной ставки (которую устлать ковра-

ми) подполковникам Останкову и Куроедову, перед шатром, где будет т[айный] с[оветник]к, правящему за бригадира полковнику Останкову и полковнику Подлуцкому, а по сторонам во обоих ставках стоять обер-офицерам в лучшем их наряде. При т[айном] с[оветни]ке быть солтану Куж-Ахмету и от канцелярии секретарю и переводчику, протоколисту, регистратору, да канцеляристу и в адъютантской должности находящимся; при толмаче быть и ахуну (мусульманскому духовному лицу. – *Авт.*) с Кураном [Кораном] и присягою…

Хан сидел в коляске, и при нём были дети Эрали… и Чингиз (лет восьми, причём от другой жены, пленной калмычки) солтаны; а напротив них сидел майор Ртищев, и как подъехал к воротам, то вышел из коляски… хан с детьми обще, а за ним свойственники его ханские: солтан Джанбек и Дербисалы, сей последний ему зять, да Джанбек-батырь и ещё 2 старшин… причём отдана была им честь, учинено всё так, как в церемониале написано...»[12].

Как видно из вышеизложенного, церемония присяги была тщательно разработана и неукоснительно соблюдалась, что должно было производить на принимавших присягу и присутствовавших при этом, особенно иностранцев, неизгладимое впечатление могущества Российской державы. Поэтому было важно присутствие на церемонии принятия присяги джунгарского посольства, чтобы джунгары убедились в покровительстве Абулхаир-хану российских властей: «Понеже прибывшие от поручика князя Уракова казаки объявили, что находящиеся у Абулмамет-хана зюнгорские посланцы сюда ехать намерения не имеют, того ради послан Абулхаир-хану секунд-майор Миллер с тем, чтобы с Эрали-солтаном, с Джанбек-батырем и с находящимися при нём зюнгорскими посланцами к т[айному] с[оветни]ку просить в том намерении, дабы, несколько о зюнгорских делах поговоря, объяснить тех посланцев пристойными резонами, дабы они там, кои у Абулмамет хана обретаются, о приезде его отписали и нарочного человека послали; и таким бы образом с ними посланцами всё надлежащее по указам Её И[мператорского] В[еличест]ва исполнить»[13].

Неплюев лично выехал встречать Абулхаир-хана и торжественно его приветствовал, препроводив в отведённую ему резиденцию, где и состоялась церемония присяги. «В 5 часу после полудня хан, при нём Эрали и малой Чингиз-солтаны, Джанбек-батырь; а также и зюнгорские посланцы приехали. Хан и солтаны с лошадей слезли во дворе, а прочие у ворот, и как хан с лошади слез, то от караула отдана честь ружьём с музыкою и барабанным боем, учинённым на пикетах… Как в среднюю ставку вошли, то т[айный] с[оветни]к тут здоровался с ханом, солтанами, с Джанбеком и зюнгорскими посланцами. И взаимно благодарили за прошедшую кампанию, он же, хан, благодарствовал за высочайшую Её И[мператорского] В[еличест]ва ему оказанную милость. Т[айный] с[оветник]к, оставя в той средней ставке зюнгорских посланцев с штаб-офицерами… с ханом, солтаном и Джанбек-батырем [говорил]… Хан, соединившись в другой ставке с т[айным] с[оветни]ком, поздравили друг друга по азиатскому манеру… причём т[айный] с[оветни]к хану говорил, что он всегда желает иметь его ханскую высокопочётность видеть и по указу Её И[мператорского] В[еличест]ва высочайшую к нему Её И[мператорского] В[еличест]ва милость засвидетельствовать. Напротив чего хан со многим своим удовольствием отвечал ему, что он також-де рад, видя его, т[айного] с[оветни]ка, по всемилостивейшему Её И[мператорского] В[еличест]ва указу к ним присланного. После того т[айный] с[оветник]к объявил хану… о благополучном вступлении Её И[мператорского] В[еличества]ва на родительский всероссийский престол и яко все Её И[мператорского] В[еличества]ва подданные присягу… чинили, почему и он, Абулхаир-хан с его детьми, старшинами и народом тоё ж учинить оное и тем верноподданническую свою должность подтвердить и засвидетельствовать должен. Хан на то ответствовал, что он всегда Её И[мператорскому] В[еличест]ву в надлежа-

щей подданнической верности пребывать и быть желает и присягу учинить готов. И тако подступил ахун с Кураном [Кораном] и хан с солтанами, с Джанбеком и ещё с двумя знатными старшинами, встав на колени, при т[айном] с[оветни]ке учинили присягу, которую читал ахун, стоя на коленях же, а за ним хан и прочие повторяли и заключали изречениями Курана и положением оного на голову. После присяги подарено Абулхаиру хану сабля с бирюзою, ценою в 65 р[ублей], пара пистолет с медною оправою, панцирь железный, со объявлением, чтоб он, хан, то оружие, служа Её И[мператорскому] В[еличест]ву, против неприятелей Её В[еличест]ва и во охранение своего здоровья употреблял. Кроме хана подарено: Эрали солтану – сабля с серебрённою небольшою оправою, панцирь; Чингиз-солтану, в удовольствие ханское, дана лёгкая сабля, ценою в 2 руб[ля], и при том на кафтан сукна красного… да лисица на шапку… Свойственникам ханским двум, Джанбеку и Дербисали-солтанам же – по сабле… Двум старшинам, кои за ним же ханом вышли, а именно: Меньшой орды – Мумяк-бию, Средней орды –Тюлебаю-батырю, и хан просил, чтоб за их верность им дать по сабле, по сабле дано… Киргиз-кайсацкие прочие старшины присягали… по исчислению было их: Меньшой орды разных родов – 83, Средней орды – 68, Большой – 4…»[14].

Таким образом, церемония присяги проводилась российскими властями с подчёркнутым уважением к традициям и обычаям казахов, к мусульманской религии, которую они исповедовали. Учтены были нравы и вкусы казахов того времени, что видно по характеру подарков, где оружие – холодное и огнестрельное – очень ценилось.

«…Потом ретировались в третью ставку, где сели на стульях по правую сторону, т[айный] с[оветни]к по левую в кресле; со стороны хан и дети: Эрали-солтан и малой Чингиз-солтан, за ними Дербисали и Джанбек солтаны и Джанбек-батырь на простых суконных сетях; а с стороны т[айного] с[оветни]ка сидит Ходжа-Ахмет солтан, посланцы зюнгорские, причём подношен был чай..»[15]. Из изложенного ясно, что каждый занимал место в соответствии со своим саном.

«…Потом т[айный] с[оветни]к выходил во двор и объявлял всем бывшим тут киргиз-кайсацким старшинам и народу, чтоб они своей присяги Её И[мператорскому] В[еличест]ву верность свою со всяким усилием соблюсти и продолжать старались, так как то они оною присягою утвердили, и при том обнадёжил всех их высочайшей Её И[мператорского] В[еличест]ва милостию и что им жалованье в своё время учинено иметь, а тот бы день веселились во всякой спокойности. Что выслушав, все о здравии Её И[мператорского] В[еличест]ва по своему обыкновению (по-мусульмански. – *Авт.*) молились богу… Потом т[айный] с[оветни]к сказал, что когда у них такое доброе намерение происходит, то б они посланцы именем своего солтана и всего народа Её И[мператорскому] В[еличест]ву присягу в верности учинили. На то ответствовали, что с самого того времени, как у них начальник Тевкелев был, в том состоянии и твёрдом намерении они пребывают; и потом призван был ахун, и учинили молитву стоя на коленях, к которой тамги свои приложили именем своего солтана, старшин и всего своего народа. По учинении той присяги т[айный] с[оветни]к объявил им, что Её И[мператорское] В[еличест]во приемлет их в число прямых своих подданных, и обнадёживает Ея И[мператорского] В[еличест]ва милостию и защищанием…»[16]. Как видно из текста дневника, церемония присяги включала и религиозное мусульманское освящение события, и «приложение тамги», своеобразной «печати», имевшейся у каждого казахского рода-племени и носившей символический характер.

Неплюев предложил раздать жалованье, учреждённое свите Абулхаир-хана российской императрицей: «После того, как т[айный] с[оветни]к объявлял хану, что он имеет Её И[мператорского] В[еличест]ва повеление прибывшим с ним киргиз-кайсацким старшинам и народу Ея И[мператорского] В[еличест]ва милость жалованьем засвиде-

тельствовать, и спрашивал хана, ныне ли то он хочет учинить и пришлёт ли он за тем особливых своих лучших людей. Хан на то ответствовал, что народ их легкомысленный, и когда-де жалованье возьмут, то многие разъедутся, а лучше-де, окончив все дела и учиняя им надлежащее… пожаловать, и для того оное кайсакам жалованье (хотя было и приготовлено) до того времени отложено…»[17]. Из данного сюжета можно видеть, насколько важно было для Абулхаир-хана соблюсти все церемонии принятия присяги при наибольшем представительстве казахской знати, составлявшей его окружение.

Присягу принимал не только Абулхаир-хан, но и его многочисленная свита. «Как т[айный] с[оветни]к вошёл-таки в ставку, где хан был, то хан обвинял себя, что народ его не так учтив и спокоен, как бы в таком случае им быть надлежало. Потом калмыцким посланцам говорил, не желать ли им того, что они приехали и… он их обнадёживал. Против чего посланец Кашка ответил ему, что они обхождение Российских людей уже ведают и он приезду сюда никакого сомнения не имел и всем тем доверяет»[18]. Здесь интересно поведение Абулхаир-хана, демонстрировавшего свой новый статус после принятия присяги и выявлявшего реакцию на это джунгарских послов.

Завершилась церемония шумным пиршеством, организованным российской стороной: «Потом пошли к столу, при котором с ханами и салтанами с двадцать человек, киргиз-кайсацких лучших людей, а прочие старшины кормлены были в другом столе, всего их было с рядовыми до 100 человек…»[19].

Церемониям по поводу принесения присяги сопутствовали переговоры Неплюева с Абулхаир-ханом и его окружением, в частности с Джанбек-тарханом: «Т[айный] с[оветни]к, обратясь к Джанбеку-батырю (который между кайсаками первейший старшина), говорил ему, что он о верности и службах его Джанбековых довольно извещён, тако же и Её И[мператорскому] В[еличест]ву всемилостивейшей Государыне засвидетельствовано. На что он, Джанбек, ответствовал, что он уже давно в службе Её И[мператорского] В[еличест]ва находится, в которой и пребывать желает. Против чего т[айный] с[оветни]к обнадёживал его высшею Её И[мператорского] В[еличест]ва милостию…» Затем Неплюев поблагодарил Джанбек-батыра за выполнение его просьбы по освобождению из плена русского казака: «…Немного погодя говорил он Джанбеку, что напред сему писано к нему было об отыскании взятого с Яику казачьего парня, которого он, служа Её И[мператорскому] В[еличест]ву, из плена… выкупя, привёз с собою… и буде его тут представить. И как оной казацкой сын приведён был, т[айный] с[оветни]к приказал его Яицкому атаману отдать, а его Джанбека за службу благодарить и обнадеживал особливою Её И[мператорского] В[еличест]ва милостию… После того был разговор с зюнгорскими посланцами…»

Неплюев счел необходимым показать Абулхаир-хану благосклонное отношение российских властей к Джанбек-батыру и сделал предложение о назначении Джанбека тарханом, которому Абулхаир-хан не мог отказать: «…Потом т[айный] с[оветни]к вышел с ханом за занавес и объявлял ему о том, что Джанбек об продлении его в тарханы просил, можно ли то ему по заслугам учинить и достоин ли он того звания. На что хан с охотою согласился и к тому его Джанбека удостоил. И вышед, он т[айный] с[оветни]к с ханом, объявил Джанбеку, что Её И[мператорское] В[еличест]во за его Джанбека службы жалует его тарханом; ему и указ дан быть иметь, за что он Джанбек благодарил, а хан и солтаны и другие, бывшие при том, с тем его Джанбека поздравляли…»[20].

Поэтому не удивительно, что после принятия присяги свитой Абулхаир-хана с ответной речью выступил Джанбек-батыр: «…Старшины весьма внимательно слушали, и когда т[айный] с[оветни]к речь окончил, то Джанбек тархан, встав, говорил, что они высочайшую милость Её И[мператорского] В[еличест]ва довольно прославят… но должны о здравии Её И[мператорского] В[ели-

чест]ва Бога молить, ибо-де иные из нас ныне всего богатыми людьми учинены…» Но завершил выступление Абулхаир: «…при том хан ко всем тем старшинам довольно говорил, утверждая их в верности и чтобы они чувствовали оказуемые им Её И[мператорского] В[еличест]ва милости…»[21].

Неплюев не только благодарил за службу должностями и речами, но и послал подарки Абулхаир-хану и Джанбек-батыру, а также джунгарам как гостям и послам иностранного государства: «Джанбек батырь и посланцы приказали т[айного] с[оветни]ка благодарить за угощение. – Послано к Абулхаир хану: 2 барана, 2 ведра вина, Джанбеку: 1 баран; зюнгорским посланцам: 1 баран, 1 ф[унт] чая, 3½ ф[унта] сахару, 1 ведро простого вина, каракалпацким посланцам – 1 баран»[22].

Вместе с тем, помимо торжественной части, на встрече решались неотложные проблемы, а их в российско-казахских отношениях было достаточно. Здесь и взаимоотношения казахов с российскими подданными – поволжскими калмыками, башкирами, Яицким казачьим войском, а также вопросы пограничной торговли. Оренбургский губернатор поставил перед казахскими владетелями условие прекращения нападений на русские и среднеазиатские купеческие караваны, набегов на упомянутых российских подданных, поскольку башкиры жаловались на угон казахами лошадей, а яицкие казаки и волжские калмыки требовали освобождения из казахского плена своих людей. Надо сказать, что и казахи выставляли им такие же претензии.

И здесь оренбургский генерал-губернатор небезуспешно выступил в роли арбитра: «…После того говорено и толковано о том, чтобы с калмыками волскими [волжскими] в покое и согласии пребыли, а также бы киргиз-кайсаки за Яиком и в Башкирию не входили и, кончая бы все происходившие воровства отгонами из Башкирии лошадей их стороны прекращены были. Причём упомянуто о тех лошадях, кои Сибирской дороги от башкирцев прошедшей весной отогнали, также об отгоне же лошадей Яицкого войска; о чём Яицкие казаки поданным доношением. На то он Джанбек ответствовал, что всякое в том старание прилагать будут, а об отогнанных башкирских… объявить, что отгоняли Найманской волости (казахи. – *Авт.*), и сказывают, башкиры-де прежде того от кайсаков лошадей отгоняли, почему кайсаки к ним ходили… однако же те отогнанные лошади отысканы, и ежели за ними приедут, то отданы будут. А о казачьих лошадях просить, чтоб к нему приехать Яицких казаков, с которыми о том говорить будет. Т[айный] с[оветни]к весьма его Джанбека утвердил, чтоб впредь киргиз-кайсаки таких своевольств не чинили, представляя, что с башкирской стороны ныне никакого воровства не делается… чтоб башкирцы за Яик не переходили, а ежели обиды, паче чаяния, произойдут, то бы приносили жалобу, ибо для этого он т[айный] с[оветни]к, от Её И[мператорского] В[еличества] нарочно с полною властью определён. Впрочем, говорено о способах к тому, также о не держании беглых башкирцев и о сыску и выявлении российских пленных, у киргиз-кайсаков находящихся…»[23].

К приведённому тексту нужно добавить, что башкиры, часто восставшие против российских властей, обычно находили убежище в Казахской степи. Кстати, в тот момент в землях, подвластных Абулхаир-хану, скрывался мятежный башкирский предводитель Карасакал, разыскиваемый российскими властями, о чём есть упоминание в дневнике Неплюева: «Т[айный] с[оветни]к говорил ещё бывшим при столе (казахским. – *Авт.*) старшинам, чтоб они беглецов из Башкирии… у себя не держали, толкуя то, что оные… живучи у них, учинить могут, как вредить их кайсацкое благополучие, ибо, с одной стороны, как и сами они жалобы приносят, убегая от них, лошадей крадут. А может статься, что и людей убивают – с другой же стороны, воруя при российских крепостях, на них нарекание наносят… третье то, что держание их указам Её И[мператорского] В[еличества] противно, и для того бы они… всех их выслали, собрав; т[айный] с[оветни]к за их киргиз-кайсацкую верность обнадёживает, все они в винах их

прощены будут и отпустятся… а ежели пойманы будут, то уже без всякого милосердия противники почтутся. При том же говорено и о Карасакале, как и к хану… чтоб они всех так же и других российских подданных людей, какого звания они ни были, у себя в полону отнюдь не держали, но всех бы, собрав, отдали, чем верность свою к Её И[мператорскому] В[еличеству]ву особливо засвидетельствуют…»[24].

Но Абулхаир-хан относительно выдачи башкирского бунтаря давал российским властям уклончивые ответы и обещания, которые он не выполнил: «…говорено о воре Карасакале, со истолкованием, что весьма потребно для спокойства и благополучия народного, дабы тот злой человек между народами их не был. На то хан говорил, что он сперва его будет уговаривать, дабы… пришёл к командирам и Её И[мператорскому] В[еличест]ву принёс повинное, а буде того не послушает, то он объявит народу, чтоб его… поймали, или его велит убить. На то сказано, что он давно то заслужил, и всемерно о том ему, хану, старание приложить надлежит, чтоб той непотребной человек у них не был, и тем он, хан, верность свою к Её И[мператорскому] В[еличест]ву засвидетельствует…»[25].

В свою очередь, Абулхаир-хан надеялся, что российские власти защитят казахские кочевья от их главного противника – джунгар, которых он намеренно привёз на церемонию принесения присяги, чтобы показать послам джунгарского правителя Галдан-Цэрэна, под покровительством и защитой какой могущественной страны он находится. Следует отметить, что надежды его на поддержку казахов перед претензиями к ним джунгар со стороны русских оправдались. Неплюев твёрдо заявил джунгарскому послу: «Понеже они, киргизцы, подданные Её И[мператорского] В[еличест]ва, то надлежит их владетелю о случающихся воровствах и впадениях в границы зюнгорские к нему, т[айному] с[оветни]ку… требовать удовлетворения, как то от него и делается… Ибо и у него, зюнгорского владельца, своевольные люди и воры, как у кайсаков, имеются, чему всегда не оставлено будет надлежащую справедливость учинить. А военные наступления и требования соседстве и дружбе несходственны»[26]. Таким образом, Неплюев предостерегал джунгар от военных решений проблем в отношениях с казахами.

Похоже, что церемония вызвала раздражение джунгарских послов, здесь же нелестно отозвавшихся в беседе с Неплюевым как о новых подданных России в целом, так и об их вожде – Абулхаир-хане: «Кашка (представитель джунгар. – *Авт.*) ответствовал, что они… т[айного] с[оветни]ка посредством (в отношениях с Абулхаир-ханом. – *Авт.*) весьма довольны, только-де на словах хана утверждаться ни в чём невозможно, ибо-де он поутру говорит, то к вечеру же не сдержит и в другом состоянии находится. Так-де им гораздо лучше с такими людьми дела ведать, кои рассуждение и постоянство имеют, а не с… киргизцами, которые-де подобно, как шелудивый волк, бегая по степи, везде таких мест ищет, где огни раскладывать и шолуди свои чесать, и сегодня то, а завтра другое говорит…»[27].

Неплюев, согласившись с оценкой джунгарским послом казахов, тем не менее, вежливо отверг их претензии к своим новым подданным: «На оное т[айный] с[оветни]к говорил, что подлинно киргиз-кайсацкий народ легкомыслен и непостоянен, да чаятельно, что и под властью владельца (Джунгарского ханства. – *Авт.*) подобные народы имеются… На то Кашка ответствовал, что когда-де киргиз-кайсаки Её И[мператорского] В[еличест]ва подданные, то, не говоря о прежних их содействах, для чего-де ныне и прошлый год Барак-солтан да другой неведомо какой человек, коего в итоге называют Шундо, а другие другим именем, собравшись человек в трёхстах, пошли под их зюнгорское владение и причинили разорение. На что было сказано, что Барак-солтан здесь ещё не бывал, а о котором посланец упомянул, известный вор…»[28]. Иначе говоря, оренбургский генерал-губернатор отмежевался от действий казахских владетелей, не состоявших тогда в российском подданстве.

В дневнике Неплюева описывается реакция джунгарских послов на присягу верности Абулхаир-хана российскому трону: «Зюнгорские посланцы, которые, по многом затруднении… к приезду и свиданию с т[айным] с[оветни]ком хотя и требовали, чтобы их вместе с ханом и киргиз-кайсаками принять, однако за ханом с прочими пришли. И как хан и все присягали, то они при этом стояли и смотрели, и, по окончании ханской присяги… т[айный] с[оветник]к, оборотясь к ним, спрашивали их с приятностию о их делах, на что первый посланец ответствовал, что они от владыки своего Галдан Черена (Галдан-Цэрэна. – *Авт.*) посланы до Абулхаир-хана – к российским командирам никакого особливо дела не имели, однако по вызову Абулхаир-хана приехали. Т[айный] с[оветник]к на то ответствовал, что он за приезд их, посланцев, особливое имеет удовольствие, ведая, что владелец их Галдан Черен – добрый сосед Российского государства. Также посланцам необходимо быть известно, что Абулхаир-хан Её И[мператорского] В[еличест]ва верный подданный, и он, по указам Её И[мператорского] В[еличест]ва, здесь главную команду имеет…»[29].

К завершению переговоров и церемоний, похоже, джунгарские послы смирились и признали присягу Абулхаир-хана, хотя и не без досады: «…Потом призваны были зюнгорские посланцы, причём никаких более разговоров не происходило, как токмо посланец Кашка рассуждал, что всякому должно о пользе своего отечества старание иметь и в том самого своего живота не жалеть, и подтверждал, что он к обретавшимся при Абулмамет-хане зюнгорским посланцам человека своего пошлёт, дабы они сюда приезжали…»[30]. Вероятно, джунгарские послы уловили тенденцию в казахском обществе, направленную на сближение с Россией, и не исключали, что Абулмамбет-хан последует примеру Абулхаир-хана.

Во время пиршества после принятия присяги Абулхаир-хан «начинал было… неоднократно о делах зюнгорских говорить; но сын его Эрали солтан от этого удерживал и говорил, что тому разговору другое время потребно (ибо хан был несколько шумен)… Хан, призвав переводчика, тихонько приказал ему, дабы он т[айному] с[оветни]ку донёс, что он многое бы… ему, т[айному] с[оветнику]ку, имеет [рассказать], ежели б его неприятели [зюнгорские посланцы] тут не были… Хан, будучи уже весьма пьян, стал против тех зюнгорских посланцев жестоко и с немалым задором говорить, что он их владельца не боится; при том спрашивал своего малолетнего сына, хочет ли он у того владельца быть, кой на то ответствовал ему: “Нет…”»[31].

Абулхаир-хан, видимо, под влиянием эмоций и потребления крепких напитков, которых на пиршестве было достаточно, отбросил дипломатические условности, открыто называя джунгар своими врагами, несмотря на присутствие их послов. Хотя, скорее всего, это был продуманный шаг со стороны Абулхаир-хана, демонстрировавшего джунгарским представителям свою независимость от них после церемонии принятия присяги на верность российской императрице. Но выдержка и хладнокровие Неплюева, предложившего Абулхаир-хану посмотреть солдатские упражнения, входившие в церемонию принятия присяги, позволили избежать скандала. «И как он (Абулхаир-хан. – *Авт.*) сказал, что того охотно желает, то вышел через ворота, где представлена была гренадёрская рота и экзерциция краткая с пальбою… при чём хан, т[айный] с[оветни]к, солтаны, посланцы, также Джанбек-батырь сидели на стульях…»[32].

В ходе переговоров Неплюев поднял перед Абулхаир-ханом вопрос о переходе в российское подданство каракалпаков, поскольку последний являлся и «ханом каракалпацким», тем более, что послы каракалпаков присутствовали на церемонии присяги Абулхаир-хана на верность «Её Императорскому Величеству». Как отмечается в дневнике: «Немного посидя с помянутыми посланцами (джунгарами. – *Авт.*), т[айный] с[оветни]к, оставя при них подполковника Останкова… вышел для принятия каракалпацких посланцев, которые пред тем стояли между кайсацкими старшинами и призваны

были пред т[айного] с[оветни]ка, то первый из оных говорил, что с того времени, как у них Тевкелев был, десять тысяч кибиток их Нижнего Каракалпацкого народа, состоящие во владении Абулхаир-хана, в подданстве Её И[мператорского] В[еличест]ва непременно находятся, о чём и ныне… солтан их Губайдула и старшины всего народа Её И[мператорское] В[еличест]во всенижайше просят.… Потом говорено о каракалпаках по содержанию того, как накануне с ханом разговор был…» У каракалпакских послов был и экономический интерес для вступления в российское подданство: «Но по сё число с торгами к Оренбургу приезжать и посланцев своих разные случаи им препятствовали, а ныне всё то они, во владении Абулхаир-хана находящиеся, охотно исполнять желают и чтоб Её И[мператорского] В[еличест]ва милостию оставлены не были, при чём оной посланец подал т[айному] с[оветни]ку татарское письмо, кое у них принял…»[33].

Абулхаир-хан был не только «хан каракалпацкий и башкирский». Какое-то время он занимал хивинский трон. Затем его сын Нуралы правил в Хивинском ханстве, где «киргиз-кайсакам опасность и трудность от зюнгор и персиян», поскольку к этому времени в события в Хиве стал активно вмешиваться Надир-шах – правитель Персии. Это также стало предметом переговоров Неплюева с Абулхаир-ханом: «Напоследок хан объявил о сыне своём Нурали-солтане, что он был в Хиве ханом, а потом де Персидский шах из Хивы его выслал, не показав ему никакого озлобления, и то де знатно учинил он за дружбу с Её И[мператорским] В[еличест]вом, ведая, что тот его сын Нурали-солтан зимою намерен на Хиву иттить и, прогнав персиян, оною таки овладеть; на что требовал совета…» Казахский хан просил русских о поддержке, «на что т[айный] с[оветник]к ответствовал ему, что о том надлежит донести Её В[еличест]ву, и обнадёжил доносить. Между тем бы он приказал тому своему сыну оного не чинить (т.е. похода на Хиву. – *Авт.*), на что хан и согласился…»[34]. Возможно, своим советом Неплюев упустил шанс привести тогда Хиву в российское подданство. Как бы то ни было, присяга Абулхаир-хана «на верность России» непосредственно отразилась на казахско-персидских отношениях, вынудив персидского шаха отказаться от своих замыслов в отношении Хивы и казахских земель.

Перед Неплюевым был поставлен вопрос о торговых отношениях, в частности, как быть «с торгами» казахов в Оренбургской крепости. «На оное т[айный] с[оветни]к говорил, что то изрядно, и утверждал, что они с киргиз-кайсаками в согласии пребывали и почитали хан хана, и, в засвидетельствование их подданства… весной приехали бы к нему сам солтан или лучшие, также и с торговлей в Оренбурге…»[35].

При этом предполагалось оставить в Оренбурге казахских аманатов-заложников: «…а иные бы тут остались… для лучшей их пользы… Ходжа-Ахмет (Куж-Ахмет, сын Абулхаир-хана. – *Авт.*) может оставлен быть в Орской крепости…» Кроме того, в ставку казахского хана направлялись русские офицеры – «око государево»: «…Потом говорено о сём, чтобы от т[айного] с[оветни]ка посылаемого к ним офицера на свои руки взяли – во всяком довольстве содержали; что все они исполнить обязаны обещались… Быть при Абулхаир-хане – геодезии прапорщику Муравину…»[36].

При всей успешности российско-казахских переговоров личные отношения Неплюева и Абулхаир-хана не сложились. Раздражённый политикой первого оренбургского губернатора, искавшего в Казахской степи противовес Абулхаиру в лице других казахских владетелей, хан Младшего жуза стал инициатором нападений на российские крепости вдоль Оренбургской линии, на яицкие казачьи станицы, на башкир и калмыков. При этом он оставался в тени, стремясь использовать эти акции в своих интересах. Не выдавал Абулхаир-хан и мятежных башкир, бежавших в его пределы от русских властей: «Несмотря на все уверения Абулхаира, Карасакал… не был пойман и далее в 1749 году»[37].

Но и Неплюев далеко не всегда шёл навстречу пожеланиям Абулхаир-хана, напри-

мер, когда «просил хан, чтоб позволено было кочующим подле реки Яика киргизам скот их перегонять на внутреннюю сторону Яика-реки. На что ему отказано с представлением, что на той стороне луга, потребные на регулярные и иррегулярные команды»[38].

В итоге, в 1740-х гг. тенденция в российской политике, которую олицетворял И.И. Неплюев, окончательно возобладала, что и предопределило падение Абулхаир-хана, погибшего в результате заговора султана Барака, соперника Абулхаир-хана за власть в степи, более успешно искавшего русской «протекции». Но, объективно, вне своих субъективных намерений, Абулхаир-хан, как и И.И. Неплюев, способствовал вовлечению Казахстана в орбиту влияния России, которая постепенно овладевала «ключами и вратами» Азии[39], как в своё время назвал Казахскую степь Пётр Великий. Это обусловило почти трёхвековое проживание русского и казахского народов в единой великой державе и, в конечном итоге, привело к симбиозу их культур.

При всей кажущейся внешней стороне дела, церемония принятия присяги «на верность» российскому престолу казахского хана Абулхаира и глав казахских родов и племён, в основном Младшего жуза и, в меньшей степени, Серединного и Старшего жузов, происходившая в присутствии посольств тех государств, правители которых имели свои виды на казахские земли, наглядно символизировала влияние и могущество Государства Российского и стала притягательным мотивом для народов, искавших его покровительства. Кроме того, этот политический акт способствовал нейтрализации угроз со стороны Джунгарского ханства и Персидской державы в отношении не только казахских жузов, но и Хивинского ханства.

Примечания

[1] Материалы Российской государственной библиотеки. Ф. 203. Д. 235. Ед. хр. 15. Забытые дневники первого Оренбургского губернатора И.И. Неплюева (1742 и 1749 гг.) с предисловием и примечаниями Л.П. Юдина. С. II.

[2] Там же. С. I–II.

[3] Там же. С. 1.

[4] Там же. С. II.

[5] Красный архив. 1938. Т. 2 (87). С. 151. Цит. по: История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. В 5 томах. Т. III. Алма-Ата, 1979. С. 70.

[6] Материалы Российской государственной библиотеки. Ф. 203. Д. 235. Ед. хр. 15. С. 3.

[7] Там же. С. 1–2.

[8] Там же. С. 2–4.

[9] Там же. С. 4.

[10] Там же. С. 6–10.

[11] Там же. С. 10.

[12] Там же. С. 8–10.

[13] Там же. С. 18.

[14] Там же. С. 10–11.

[15] Там же. С. 12.

[16] Там же. С. 14.

[17] Там же. С. 26.

[18] Там же. С. 14.

[19] Там же. С. 40.

[20] Там же. С. 14, 39.

[21] Там же. С. 38–39.

[22] Там же. С. 17–18.

[23] Там же. С. 38.

[24] Там же. С. 42.

[25] Там же. С. 58.

[26] Там же. С. 22.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 12.

[30] Там же. С. 26.

[31] Там же. С. 16–17.

[32] Там же. С. 16.

[33] Там же. С. 12–13.

[34] Там же. С. 27, 36.

[35] Там же. С. 25, 31.

[36] Там же. С. 58, 67.

[37] Там же. С. 58.

[38] Там же.

[39] Разные бумаги генерал-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-кайсацких ордах, 1762 // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 13. Отдел III. С. 15.

В.Г. Бухерт

«ЕСЛИ БЫ Я ЗАХОТЕЛ РЕЗНИ, ТО ОНА БЫЛА БЫ»

Письмо К.П. фон Кауфмана А.А. Киреева. 1876 г.

Генерал К.П. фон Кауфман[1] вошёл в историю как «покоритель и устроитель» Туркестана[2]. Его роль в присоединении Средней Азии к Российской империи была такова, что полноценное исследование этого исторического события невозможно без основательного и добросовестного изучения биографии генерала[3].

Один из ключевых эпизодов биографии К.П. Кауфмана связан с выдвинутым против него в русской печати и за границей обвинением в отдаче им, после Хивинского похода 1873 г., приказа о поголовном истреблении туркмен, принадлежавших к одному из главных родов.

В начале 1875 г. в издаваемой в Санкт-Петербурге и редактируемой генералом М.Г. Черняевым[4] газете «Русский мир» было опубликовано донесение («депеша») от 7 марта 1874 г.[5] секретаря американской миссии в Санкт-Петербурге Ю. Скайлера[6] посланнику М. Джуэллу[7]. В донесении Ю. Скайлер делился своими впечатлениями о поездке по среднеазиатским владениям России, состоявшейся в марте–ноябре 1873 г.[8], и собранными в ходе этой поездки сведениями. Ю. Скайлер опирался не только на личные впечатления, но также на знакомство с русской прессой и, в значительной степени, на сведения, полученные от русских информаторов. Главным из них был Н.Ф. Петровский[9], критические взгляды которого на туркестанскую администрацию[10] оказали на Ю. Скайлера «весьма сильное влияние»[11].

В итоге Ю. Скайлеру удалось составить «содержательный и многоплановый» документ, в котором «в целом положительно» оценивалась политика России в Средней Азии[12]. Предназначенный для информирования американского правительства и общественности, он оказался «чрезвычайно интересным»[13] и для русской общественности, вызвав бурную полемику в печати. Предметом её являлась политика «медленных и осторожных» реформ[14], проводимых в Туркестане генерал-губернатором К.П. Кауфманом. Косвенным объектом критики оказался покровительствующий К.П. Кауфману военный министр Д.А. Милютин[15]. Ответом на публикацию депеши стала статья А.К. Гейнса[16], вставшего на защиту туркестанской администрации[17].

Полемика[18] была прекращена специальным циркуляром Главного управления по делам печати МВД от 28 мая 1875 г.[19], но

для репутации К.П. Кауфмана она имела весьма серьёзные последствия.

В одном из номеров «Русского мира», где было напечатано донесение Ю. Скайлера[20], в качестве примечания к нему от редактора (в то время негласным редактором газеты являлся М.Г. Черняев[21]) публиковалось предписание К.П. Кауфмана за № 1167 от 6 июля 1873 г. генералу Н.Н. Головачёву[22]. Он был послан, чтобы обеспечить взыскание с туркмен контрибуции, наложенной за их участие в военных действиях на стороне хивинского хана, подданными которого они являлись. К.П. Кауфман писал Н.Н. Головачёву: «Если Ваше превосходительство усмотрите, что иомуды[23] не занимаются сбором денег, а собираются с целью дать войскам отпор, а может быть и откочевать, то я предлагаю Вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по хазаватскому арыку и его разветвлениям, и предать эти кочевья иомудов и семьи их полному и совершенному истреблению, а имущество их: стада и проч., конфискованию».

В трактовке событий Ю. Скайлер, сам в Хивинском походе 1873 г. не участвовавший, опирался на мнения офицеров Оренбургского отряда – участников событий (в донесении М. Джуэллу он упоминал лишь Н.А. Крыжановского[24]). В пересказе Ю. Скайлера выходило так, что посылка Н.Н. Головачёва объяснялась необходимостью «дать какую-нибудь роль и ташкентскому отряду, чтобы и на его долю выпала часть наград и почестей за подвиг, вся слава которого приписывалась единственно оренбурго-кавказской экспедиции».

Хивинский поход 1873 г. был осуществлён силами четырёх военных отрядов: Туркестанского, Оренбургского, Красноводского и Мангышлакского. Туркестанскому отряду, вышедшему в поход из Ташкента и возглавляемому генералом Н.Н. Головачёвым (с этим отрядом в поход отправился и К.П. Кауфман), «пришлось вынести всю тяжесть континентального климата» в отсутствие воды, и «гибель его казалась неизбежною». Спасли войска «случайно открытые колодцы»[25]. Туркестанский отряд разделил с другими отрядами тяготы похода. Тем не менее, его участие в собственно военных действиях было более скромным, чем у Оренбургского и Мангышлакского отрядов.

Пересказом мнения участников похода о роли Туркестанского отряда Ю. Скайлер и ограничился. М.Г. Черняев же не только опубликовал предписание К.П. Кауфмана, но и дал к нему свой комментарий. Он отнёсся к факту появления предписания как к событию, «поставившему туркмен с первого соприкосновения с нами в непримиримо враждебные к нам отношения». Действия отряда Н.Н. Головачёва он оценивал так: «Эта жестокость, вырывшая надолго пропасть между нами и туркменами, тем прискорбнее, что не оправдывалась даже необходимостью, заставляющею иногда слабейшего прибегать к бесчеловечным мерам против сильного, для собственного спасения».

Комментирование действий отряда Н.Н. Головачёва дало М.Г. Черняеву повод высказаться и о Хивинском походе 1873 г. в целом. Он считал, что поход «с военной точки зрения не имеет никакого серьёзного значения и может служить только новым доказательством неоценённых качеств русского солдата».

Последствия направленной против него кампании К.П. Кауфман переживал крайне тяжело. Едва ли не это послужило если не единственной, то одной из основных причин, побудивших его серьёзно задуматься об уходе с должности туркестанского генерал-губернатора. 22 ноября 1875 г. Д.А. Милютин представил императору Александру II[26] при своём докладе письма К.П. Кауфмана с просьбой об увольнении с должности «по совершенно расстроенному здоровью». Александр II согласился, однако отложил окончательное решение до ожидаемого приезда в Санкт-Петербург самого К.П. Кауфмана[27]. В итоге К.П. Кауфман всё же остался на своём посту в Туркестане.

В 1876 г. в Лондоне была издана книга Ю. Скайлера «Туркестан», в основу которой легли упомянутые выше сведения. Именно из этой книги западная общественность уз-

нала об истреблении русскими войсками в июле 1873 г. в районе Хазавата (Хивинское ханство) туркмен из племени иомудов[28]. Это событие стало известно довольно широко и интерпретировалось, по-видимому, вполне однозначно. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» отнёс «русские зверства» в Туркестане к «позорным деяниям цивилизованных государств-грабителей по отношению к отсталым народам»[29]. Но осведомлённость европейцев о деталях происшедшего не стоит переоценивать. Ф. Энгельс, например, писавший о нападении на иомудов, называл их «татарским племенем».

Виновником трагических событий считали именно К.П. Кауфмана. В русской литературе оценки его действий давались разные: от обвинений в бессмысленной жестокости[30] до фактического оправдания[31]. Столь тяжкое обвинение, по сути дела – в военном преступлении, предполагало, что обвиняемый будет иметь возможность ответить по существу, но сам К.П. Кауфман публично оправдываться не собирался. В связи с этим представляет особый интерес версия событий, изложенная К.П. Кауфманом в его письме к А.А. Кирееву[32], хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в. Санкт-Петербурге.

К.П. Кауфману, для того, чтобы его поняли, было важно обрисовать обстановку, в которой появилось его предписание генералу Н.Н. Головачёву. К.П. Кауфман подчёркивал, что он отдал распоряжение именно в форме предписания, а не приказа, что оставляло для Н.Н. Головачёва определённую свободу действий. Возможно, К.П. Кауфман переоценивал Н.Н. Головачёва. Вот что писал о нём Д.А. Милютину великий князь Михаил Николаевич[33]: «Выбор, сделанный Вами, п[олковника] Головачёва в Ташкент, кажется мне удачный; он хорошо командовал полком, ловко управлял Ичкериею и весьма удачно выстроил укр[епление] Эрсеной и приступил к таковому же в Ведено; но, как я слышал, не обладает особенно блистательными умственными способностями»[34].

Характерно, однако, что К.П. Кауфман отнюдь не пытался в письме к А.А. Кирееву перекладывать ответственность на Н.Н. Головачёва, а заявлял, что, при необходимости, лично готов был пойти на крайние меры. В американце Ю. Скайлере (и, косвенно, в М.Г. Черняеве) К.П. Кауфман видел клеветников потому, что, имея большой военный опыт, сам он не считал действия по подавлению сопротивления иомудов ни чрезмерными, ни бессмысленными, хотя, конечно, каждый читающий это письмо может составить своё представление о степени убедительности аргументов его автора.

К.П. фон Кауфман – А.А. Кирееву

Ташкент. 25 декабря 1876 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

В минуту напасти, когда я только что узнал о новом бессовестном нападении на меня и на туркестанские войска негодяя Скайлера, я получил письма: Ваше из Петербурга от 30 октября, и Ольги Алексеевны[35] из Лондона от 5/17 ноября. Оба эти письма совершенно меня успокоили и в горе моём я утешился, чувствуя, что есть друзья у меня, которые не дадут в обиду, которые не поверят клевете! Потом уже я прочёл целую серию статей английских и русских, где наговоры Скайлера были опровергнуты; литература эта всё ещё продолжается; наконец и я решился, по приглашению Министерства иностранных дел, дать подробный рассказ о том, как дело было в Хиве, в Коканде и как ведут себя войска наши в бою и после боя с неприятелем. Я не могу не сетовать на генерала Черняева, который напечатал в прошлом году мой пресловутый, так называемый, приказ не щадить ни пола, ни возраста и дал ему своё толкование, о бесполезной, ничем не вызываемой жестокости, которая, по его мнению, оставила навсегда пропасть между нами и туркменами. Действительно, такая жестокость могла создать пропасть, которую вообразил себе генерал Черняев, но, к счастью, последствия показали противное. Во-первых, семьи туркменские остались целы; во-вторых, туркмены

больше или меньше сломлены, я говорю о 50 тысячах туркменских кибиток, живущих в Хивинском оазисе; в-третьих, они с первого же года занятия нами, после похода, правого берега р. Аму-Дарьи относятся к нам с уважением и доверием, а теперь, в спорах и недоразумениях своих с хивинским правительством, обращаются к начальнику на Аму-Дарье генер[ал]-майору Иванову[36] как к справедливому судье, для разбора этих споров. Следов[ательно], пропасти нет, следов[ательно], бесполезной жестокости не было. Отправляя Головачёва в земли туркмен с отрядом в составе около 2 т[ысяч] человек при 8 орудиях и зная, что туркмены действуют всегда массами, что они при вторжении неприятеля подымаются со всеми пожитками своими и с семьями, располагаясь лагерем, обносят себя валом и оттуда бросаются на неприятеля; зная, что это воинственное племя считает себя непобедимым и составляет до 300 т[ысяч] населения, я должен был дать генералу Головачёву такое полномочие, которое развязывало бы ему руки, на всякий могущий встретиться случай. Пусть военный человек сообразит, в какое положение может попасть отряд в 2 т[ысячи] человек перед целым населением в 300 т[ысяч], населением воинственным, расположившимся в укрепл[ённом] лагере со всеми своими жёнами и детьми. Надо было предупредить такое сборище; Головачёв мог быть поставлен в необходимость навести страх на то племя туркмен, которое сильнее других, которое даёт тон другим, на которое смотрят все другие роды и отделения; таким именно были иомуды рода байрам-шалы; к ним был послан Головачёв наблюдать, что они предпримут; будут ли собирать деньги для уплаты контрибуции или станут собираться для открытия военных действий. Через несколько дней, не получая известий от Головачёва, я бросил Хиву, оставив небольшой отряд в укреплённом месте перед городом, и двинулся к Головачёву. Когда я шёл к нему, я видел, что Головачёв сжёг часть собранного иомудами хлеба и несколько брошенных пустых жилищ. Головачёву сделал выговор, так как нашёл, что он мог обойтись без этого. Но, зная Головачёва с самого начала его службы на Кавказе, так как я сам определял его на службу, я знал, что он не употребит во зло моего доверия и не будет прибегать к мерам крутым до последней крайности, я мог ему довериться и должен был, как главный начальник, взять ответственность на себя, в случае, если бы Головачёв решился навести террор на иомудов, чтобы удержать остальные племена от борьбы с нами. Если взять в соображение, что зимовать в Хивинском оазисе по воле Государя Императора я не мог, что отряды Оренбургский и Кавказский, а также Туркестанский должны до зимнего времени вернуться восвояси, ибо зимою по предстоящим им путям нельзя проходить; граф Перовский[37] доказал это несчастным опытом своим; что Туркестанскому отряду предстояло ещё, до обратного похода, устроить помещения для войск, оставляемых на правом берегу, то каждому понятно, что я должен был дорожить временем, не мог терять его на разговоры с туркменами; я должен был тотчас же выяснить вопрос, подчинятся ли они моим требованиям или нет; будут ли они слушаться своего хана[38] или будут действовать, как прежде, т.е. господствовать в ханстве и заставлять хана, как это было всегда, плясать по своей дудке. Хан с ужасом думал о том, что с ним будет, если мы дойдём до Хивы, не сломив кичливости туркмен. Он умолял не уходить из Хивы, слагал с себя ханствование и, во всяком случае, говорил, что за исполнение предложенного им трактата он не ручается. Всё узбекское население, целыми толпами прощаясь с нами, когда я собирался уходить, умоляло наказать туркмен, привести их к покорности тем или другим способом, иначе они, узбеки, погибнут. По совещанию с ханом и лучшими его сановниками решено было наложить на туркмен крупную контрибуцию, послав в их земли экзекуционный отряд для наблюдения за тем, что они делать будут, т.е. станут ли они собирать деньги или станут собираться для враждебных против нас действий. Когда Головачёв выступил, хан и хивинцы уверены были, что Головачёв погиб-

нет; они видели, с чем он идёт против такой страшной силы, какую они приписывали туркменам. Это был общий страх, разделяемый и ханом и его сановниками.

Когда я пришёл с отрядом своим к Головачёву, то Головачёв уже выдержал один жестокий бой с туркменами. Я тотчас объявил врагам «аман», и они, видя, что я подошёл с такими же войсками, какие им не удалось разбить под Чандыром[39], и, следов[ательно], с удвоенным числом войск действия наши будут ещё более решительные, смирились, стали платить контрибуцию; поселились на прежних своих местах, и с тех пор мы живём с ними дружно. До какой степени эта дружба дошла, можно судить из того, что туркмены зовут в спорах с правительством своим хана на суд к генер[ал]-м[айору] Иванову; значит, видят в нём своего защитника, значит, вопреки мнению генер[ала] Черняева, я не образовал пропасти между нами и туркменами. Таково происхождение моего предписания Головачёву, а не приказа войскам. <...>

Я уверен, что ни один честный человек не обвинит меня в бесполезной жестокости.

У меня довольно воли и авторитета в войсках, мне подчинённых, чтобы заставить себя слушаться; если бы я захотел резни, то она была бы, несмотря на то, что она не в духе войск наших, столь славных в честном бою. В этом я могу ручаться. Войска эти мною воспитаны, они меня любят и верят мне. Достаточно одного слова моего, чтобы дать направление их взглядам. Если наши солдаты не пьют, кажется, это не мало, а они, кроме чая, ничего в рот хмельного не берут в походах. Живя постоянно с войсками, я ни одного пьяного не видел в 7-мь месяцев похода в Хиву и в 4 месяца Кокандского похода. Такие войска исполняют приказания начальника беспрекословно. Я положительно отвергаю обвинение в том, что я отдал приказание генералу Головачёву не щадить ни пола, ни возраста, и Головачёв не требовал такого приказания. Но я оч[ень] хорошо понимаю, что могут быть случаи в азиатской войне, в которых надо произвести страх и ужас, дабы избавиться от ещё больших бедствий; это есть последствие столкновений наших с варварскими и зверскими обычаями наших врагов; сами мы подвергались таким опасностям и терпели, но нам не приходилось, т.е. просто не встречалось такого случая, где бы явилась крайность платить неприятелю нашему тем же. <...>

К. фон Кауфман 1

ОР РНБ. Ф. 349 (А.А. Киреев и А.И. Новиков). Оп. 1. Д. 33. Л. 1–6. Автограф.

Примечания

[1] Кауфман Константин Петрович фон (1818–1882) – инженер-генерал, генерал-адъютант, директор Канцелярии Военного министерства (1861–1865), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор(1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.), почётный член Петербургской АН (с 1873 г.).

[2] См.: *Семёнов А.А.* Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П. фон Кауфман I // Кауфманский сборник. М., 1910. С. I–LXXXIV.

[3] Одним из наиболее важных источников для изучения биографии К.П. Кауфмана являются его письма, хранящиеся в отечественных архивах (См.: «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Источник. 2003. № 1 (61). С. 5–21; № 2 (62). С. 8–23).

[4] Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант, военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884), издатель газеты «Русский мир» (1873–1878).

[5] Депеша Скайлера // Русский мир. 1875. 30 января (11 февраля), № 28; 31 января (12 февраля), № 29; 2 (14) февраля, № 31; 4 (16) февраля, № 33.

[6] Скайлер Евгений (Юджин) (1840–1890) – американский дипломат, консул США в Москве (1867–1869), Ревеле (1869–1870), секретарь миссии в Санкт-Петербурге (1870–1876), генеральный консул в Константинополе (1876–1878).

[7] Джуэлл Маршалл (1825–1883) – американский предприниматель и политический деятель, посланник США в России (1873–1874).

[8] *Дмитриев Г.Л.* Депеша Скайлера и проблемы среднеазиатской политики царизма 70-х гг. XIX в. // Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов Ташкентского государственного университета. № 517, Ташкент, 1976. С. 34.

[9] Петровский Николай Фёдорович (1837–1908) – дипломат, штабс-капитан, агент Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве (1870–1882), консул (1882–1895), генеральный консул (1895–1903) в Кашгаре.

[10] См.: *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма. М., 2010.

[11] *Дмитриев Г.Л.* Указ. соч. С. 39.

[12] Там же. С. 34, 38.

[13] Там же. С. 40.

[14] Там же. С. 32.

[15] Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, профессор Военной академии (с 1845 г.), военный министр (1861–1881), почётный член Петербургской АН (с 1866 г.).

[16] Гейнс Александр Константинович (1834–1892) – генерал-лейтенант, правитель Канцелярии туркестанского генерал-губернатора (1867–1869), автор проекта образования Туркестанского генерал-губернаторства, военный губернатор Тургайской области (1877–1878).

[17] *Гейнс А.К.* Заметка на депешу г. Скайлера // Голос. 1875. 11 (23) февраля. № 42.

[18] Подробнее о её сути см.: *Дмитриев Г.Л.* Указ. соч. С. 30–33.

[19] Там же. С. 50.

[20] Русский мир. 1875. 2(14) февраля. № 31.

[21] Официальным редактором газеты М.Г. Черняев стал 20 июля и являлся им до отъезда в Сербию в 1876 г.

[22] Головачёв Николай Никитич (1823–1887) – генерал-лейтенант, военный губернатор Сыр-Дарьинской области (1867–1877), предводитель дворянства Сосницкого уезда Черниговской губернии (с 1884 г.).

[23] Иомуды – один из главных туркменских родов.

[24] Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант, начальник Михайловского артиллерийского училища (1857–1861), оренбургский генерал-губернатор (1865–1881).

[25] *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 291.

[26] Александр II (1818–1881) – российский император (с 1855 г.).

[27] *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. Изд. 2-е, дополн. и исправ. / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. Т. 1. С. 207.

[28] *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876. Vol. II. P. 356–359.

[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. С. 103.

[30] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. С. 307.

[31] *Глущенко Е.А.* Герои империи. М., 2001. С. 115.

[32] Киреев Александр Алексеевич (1833–1910) – публицист, генерал от кавалерии, состоял при великом князе Константине Николаевиче (1877–1890).

[33] Михаил Николаевич (1832–1909) – великий князь, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе (1862–1881), главнокомандующий Кавказской армией (1877–1878), председатель Государственного совета (1881–1905), почётный член Петербургской АН (с 1855 г.).

[34] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169 (Милютины). К. 70. Д. 27. Л. 3. Письмо от 22 июня 1867 г.

[35] Новикова (урожд. Киреева) Ольга Алексеевна (1840–1925) – сестра А.А. Киреева.

[36] Иванов Николай Александрович (1842–1904) – генерал-лейтенант, начальник Аму-Дарьинского отдела (1873–1877), Зеравшанского округа (1877–1883), военный губернатор Ферганской области (1883–1887), туркестанский генерал-губернатор (с 1901 г.).

[37] Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) – граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, военный губернатор Оренбургской губернии и командир Отдельного Оренбургского корпуса (1832–1842 и с 1851), руководил неудачным походом в Хиву (1839–1840).

[38] Мухаммад Рахим-хан II (1845–1910) – правитель Хивинского ханства (с 1864 г.).

[39] 13–15 июля 1875 г. близ селения Чандыр (85 вёрст от Хивы) происходили упорные бои русского военного отряда с туркменами.

Н.Н. Лисицына

О МИФОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Лорд Дафферин – «чиновник-романтик»?

Оценивая государственных деятелей прошлого, мы часто говорим о выдающейся роли, которую они сыграли в истории своего (или не только своего) государства. Наш сегодняшний герой не исключение. «Лорд Дафферин – видный государственный деятель Англии и выдающийся дипломат своего времени»[1]. Значительная часть его карьеры прошла на Востоке – в качестве посла в Османской империи (1881–1884) и вице-короля Индии (1884–1888). Как свидетельствовали современники, Frederick Hamilton-Temple-Blackwood, 1-st Marques of Dufferin and Ava (1826–1902) – человек умный и образованный, хорошо рисовал, отлично писал, красиво говорил. По мнению канадской исследовательницы В. Зелинской, «будучи человеком огромных художественных дарований, он мог бы добиться успеха в любой сфере творчества, но выбрал карьеру дипломата, а своим театром – жизнь»[2].

Впервые заговорили о лорде Дафферине в 1849 г. как об «очаровательном элегантном аристократе», принятом на службу камергером к королеве Виктории, «чему она не особенно была рада». Через 7 лет Фредерик снарядил шхуну «Foam» и отправился в путешествие по Северной Атлантике (Исландия с заходом в Рейкьявик, поход вдоль Полярного круга, посещение Шпицбергена и других островов). Итогом странствий стал выход путевых заметок «Письма с высоких широт», ставших, по утверждению многих, бестселлером. Книгу быстро перевели на французский и немецкий языки, она переиздавалась несколько раз. Как отмечает В.Зелинская, ценна она была, прежде всего, языком и стилистикой: «никто не написал о ней [Исландии. – *Авт.*] так образно и романтично»[3].

Однако целеустремлённый и честолюбивый лорд не пожелал посвятить свою жизнь литературе, а предпочёл государственную службу. В 1860 г. он был направлен в Сирию для участия в работе международной комиссии по расследованию причин противостояния мусульман, христиан и друзов. Зелинская замечает, что роль Дафферина была весьма значительна, а миссия успешна в достижении целей британской политики, при этом не упоминая международный характер комиссии и факта нахождения французского контингента в Сирии целый год, вместо оговорённых 6 месяцев. Но именно миссия в Сирию положила начало долгой и успешной карьере лорда Дафферина.

Последующие 10 лет он занимал значительные должности, как в английском правительстве, так и в региональном: заместитель военного министра, заместитель министра внутренних дел Индии, канцлер герцогства Ланкастер. Честолюбие нашего героя не позволяло ему останавливаться на достигнутом, «ум, трудолюбие и неотразимое обаяние сделали лорда Дафферина всеобщем любимцем, и в 1872 г. он получает очередное назначение – пост генерал-губернатора Канады».

Не буду вдаваться в подробности пребывания лорда в этой стране, перечислю лишь его заслуги в представлении В. Зелинской.

После включения двух новых провинций в состав Конфедерации требовалось не только номинальное объединение, но и решение всего комплекса накопленных проблем (политических, социальных и экономических). «Лорд Дафферин активно включился в политическую жизнь страны, побывал в каждой провинции и был первым генерал-губернатором, посетившим Манитобу. Блестящий оратор, он везде выступал перед самой широкой публикой, и его пламенные

речи способствовали сплочению нации»[4]. В его губернаторство начинают оформляться не только глобальные (национальные), но и, казалось бы, незначительные (языковые) проблемы провинции.

Он значительно расширил и усовершенствовал официальную резиденцию губернатора в Оттаве для участия «большего числа людей в общественной жизни страны и разного рода массовых мероприятиях». В разряд «расширения и усовершенствования» входили пристройка Танцевального зала и Зала под навесом. А также «дал взаймы» 1624 доллара правительству для постройки общественного ледяного катка.

Кроме того, при Дафферине были основаны Верховный суд Канады и Королевский военный колледж, а также заложена Трансконтинентальная железная дорога.

Поскольку генерал-губернатор как представитель королевы не мог присутствовать на заседаниях канадской палаты общин, то в крыле здания была организована канцелярия губернатора, и леди Дафферин, присутствовавшая при обсуждении важных вопросов, могла представить супругу отчёт безотлагательно. Ф. Дафферин объяснял такие меры беспокойством о процветании края и необходимостью предупреждения министров о действиях, которые он считал неверными.

В это же время были учреждены медали генерал-губернатора в различных областях знания для поощрения достижений канадских учащихся. Эти награды существуют и сейчас, как и различные спортивные награды, в том числе в соревнованиях по стрельбе и приз по кёрлингу. Сохраняя историческое наследие, лорд Дафферин убедил муниципалитет Квебека не только не допускать уничтожения старого города, но и восстановить уже разрушенные стены в их первоначальном виде.

В 1878 г. лорд Дафферин вернулся в Англию и через некоторое время получил новое назначение – в Санкт-Петербург. Именно с этим событием и связан документ, найденный автором в Архиве внешней политики Российской империи.

Во второй половине XIX в. российским военным ведомством был образован институт военных агентов (позже военных атташе). Представители военного министерства состояли при всех русских дипломатических миссиях в столицах европейских и азиатских государств. Военные агенты доставляли в Петербург как военную, так и политическую информацию[5]. Однако о представителях и делах дипломатического ведомства, в силу определённых обстоятельств, им писать было «нежелательно».

Но случались и исключения. Наш военный агент в Лондоне генерал-майор А.П. Горлов в своём письме на имя Д.А. Милютина приводит «довольно много любопытных сведений» о «назначенном в Санкт-Петербург английским послом Lord Dufferin»[6]. Найденный документ примечателен ещё и тем, что информация, содержавшаяся в письме, после личного распоряжения Александра II попала к министру иностранных дел: «Его Императорского Величества рукою написано: Можно сообщить Кн. Горчакову».

Вернёмся к самому документу и к характеристике вновь прибывшего в столицу английского посланника. Не буду пересказывать документ, считаю полезным привести именно «довольно много любопытных сведений», чтобы читатель мог сам оценить образ английского чиновника, сложившийся у современников.

«Лорд Dufferin принадлежит к довольно мелкому английскому дворянству Ирландии и владеет лишь маленьким поземельным имуществом. По матери он потомок известного драматурга Шеридана, от которого, по всей вероятности, наследовал свои наклонности к литературе и ораторству, привлекшие на него местное внимание литератора Дизраэли и затем могущественное покровительство Лорда Биконсфильда.

Дафферин[7] отличный эллинист и латинист, но слаб в новых языках. Имея способности к изучению и стремясь во что бы то ни стало обратить на себя внимание лондонских клубов и газет чем-нибудь необыкновенным, он, может быть, даже предпримет

изучение русского языка; его блаженство было бы полное, если бы на каком-нибудь обеде в St James's Club он мог пересыпать свой спич русскими выражениями.

Его дипломатическая карьера до настоящего времени ограничивалась исполнением одной небольшой миссии в Сирии. Его известность как автора основана на издании одной книжки, где он рассказывает свою экскурсию в яхте и которая послужила к составлению ему репутации учёного географа между поверхностными людьми. Эта репутация, равно как путешествия его в Канаде, когда он был там губернатором, доставили ему возможность сделаться президентом географического общества, по возвращении в Лондон. Этого места он добивался с горячностью, для того, чтобы не быть забытым публикой и журналистами. Не быть сюжетом разговоров в клубах, не видать своего имени упоминаемым в газете «Times» по поводу спичей, экскурсий яхт и тому подобного было бы для Лорда Дофферина верхом несчастия. Только тогда считает он свои действия полезными, когда при совершении их находятся газетные репортёры, которые на другой уже день передадут в Лондон какое-нибудь сенсационное известие по этому поводу, какое-нибудь его острое "mot", какой-нибудь хитро составленный комплимент, направленный к Лорду Биконсфильду. Так, например, однажды в Америке, на обеде одного учёного общества в Бостоне, говоря свой спич, Лорд Дофферин неожиданно перешёл от общих мест касательно наук – к самому свирепому нападению на Россию. Ничто не вызывало его на этот скачок – ни характер работ общества, ни общий дух публики, который в Бостоне скорее симпатичен к России; скачок этот, очевидно, был задуман для того, чтобы показать Лорду Биконсфильду, как глубоко сочувствует его видам, показать, что даже за три тысячи миль от Англии и среди спокойных учёных бесед он не может удержаться, чтобы не поднести этот своего рода "тост" своему начальнику.

Как видно, эти действия увенчались успехом; несмотря на неудачное окончание своей деятельности в Канаде, Лорд Дафферин получил высокое место английского посла в Санкт-Петербурге. Необходимость во что бы то ни стало сыскать место для Лорда Дафферина сошлась удачно с необходимостью заместить лорда Лофтуса человеком большого ума и особенно человеком более вкрадчивым и изворотливым. Многие американцы полагают, что назначение Лорда Дофферина показывает желание английского правительства сделать свои сношения с Россией более мягкими; и в самом деле трудно найти человека с более вкрадчивыми манерами, как Лорд Дафферин. Маленького роста и вечно улыбающийся; он, кажется, вставляет свой длинный нос в самое сердце собеседника. Когда он в ударе, то превосходит всех своею необычайною любезностью, льстивостью и нежными переливами своего голоса.

Эти качества доставляли ему необыкновенную популярность в грубой манерами Республике Соединенных Штатов, которую он часто посещал во время своего губернаторства в Канаде. Жаждая этой популярности, он не пренебрегал никакими мелочами, ни пустяками для удовлетворения этой жажды: болтал без устали о пустейших предметах с влиятельными старыми дамами, перецеловал тысячи детей, входил с горячностию в мельчайшие подробности домашней жизни и хозяйства своих знакомых и тому подобное.

Для увеличения своей репутации в Лондоне предпринял совершить тур по диким и пустынным частям английских владений в Америке; ему сопутствовала его жена и целая толпа репортёров англичан и американцев для того, чтобы раструбить по всем концам англо-саксонского света славу своего предводителя.

Не осталось, кажется, ни одного дикого племени в этих владениях, которому бы Лорд Дофферин не произнёс речи; конечно, индейцы и эскимосы ничего в этих речах не поняли, но зато репортёры разнесли губернаторское красноречие повсюду, выдумывая в придачу сенсационные ответы за дикарей и описывая небывалые гирлянды цветов, подносимые индейскими и эскимосскими девицами леди Дофферин.

Леди Дофферин принадлежит к хорошей, но не аристократической фамилии в Ирландии. В Америке её не любили за чрезвычайную надменность манер и за стремление её показать американским дамам всю важность теперешнего её положения... При первом знакомстве она принимает сухой и холодный тон, аффектирует пуританские нравы, – качество, весьма оценяемое королевой Викторией...

…Как и её муж, леди Дофферин заражена литературной манией. Некоторое время тому назад она издала небольшую книжку под заглавием “Lady Georgina Gushington”, представляющую род сатиры против окружавшего её общества. Она имеет претензии на сарказм и любит сплетни и насмешки; есть полный повод полагать, что по окончании службы её мужа в России она не преминет написать о русском обществе книжицу более или менее саркастическую, смотря по тому, как это будет полезно для её мужа.

Она хорошо играет на домашних театрах и любит занимать первые роли, она любит окружать себя учёными, литераторами и артистами: наконец, вообще любит играть первую роль повсюду. По её холодным и размеренным приёмам лицу, не знающему её, трудно даже вообразить, в какой мере она честолюбива и наполнена беспокойным тщеславием.

Её несовершенное знание французского языка неизбежно будет затруднять её в петербургском обществе и, вероятно, раздражит и против этого общества; говорят, что её поддерживает надежда сделаться герцогиней, если её муж успеет заключить какой-нибудь выгодный для Англии договор с Россией.

Лорд Дофферин особливо жаждет репутации государственного человека. Отдавая справедливость его талантам риторическим и признавая за ним довольно разнообразные познания, – хотя всегда поверхностные, – американцы, однако, находят, что его суждения не всегда здравы и что действия его лишены необходимого для государственного человека достоинства.

Вот одно из его действий, послуживших основанием к такому заключению. Несколько лет тому назад предстояло сделать некоторые изменения в трактате Канады с Соединенными Штатами, называемом «Reciprocity Treaty». Изменения эти относились до ловли рыбы в пограничных водах и имеют для Канады самое жизненное значение. Вместо того чтобы обратиться с полным достоинством прямо к вашингтонскому кабинету через английского посланника в Соединенных Штатах, Лорд Дофферин начал дело подкупом некоторых вашингтонских журналистов и приглашением в это дело некоего J. Ward, человека, известного в Америке за самого бессовестного парламентского маклака, т.е. специально занимающегося подкупом членов Конгресса в виду проведения разных несправедливых законов.

Эти меры уничтожили всякую надежду на успех. Г. Фиш, бывший в то время Госсекретарём Республики, пришёл в негодование, узнав о происках Лорда Дофферина, и заявил во всеуслышание, что он охотно бы сделал многие уступки, если бы канадский губернатор действовал прямо, но что теперь он и слышать не хочет о каких бы то ни было изменениях в трактате.

Лорд Дофферин сам поехал в Вашингтон, но дело оказалось окончательно испорченным и непоправимым.

Чтобы загладить отчасти такое фиаско столь нужного для Канады “Трактата взаимности”, Лорд Дофферин предпринял своё знаменитое странствие по северным частям Канады и рассыпание своих спичей от Бостона до арктических стран включительно. Эта кампания “á la Jules Verne” удостоилась сочувствия и одобрения Лорда Биконсфильда и вызвала целый ряд похвальных статей в газете “Times”. Но когда, встретив на дороге горсть бедных, эмигрировавших из России, Лорд Дофферин разразился пред ними спичем, посылавшим проклятия русской тирании и благословения английской свободе, взрыв восторга в английских клубах и между членами Биконсфильдского кабинета упрочил надолго положение такого блиста-

тельного патриота и предал забвению канадскую неудачу.

Хотя Лорд Дофферин добился большой популярности между американскими репортёрами, тем не менее, в последнее время его пребывания в Америке произошла одна комическая стычка с журналистами этой страны… (речь идёт о полемике между американскими журналистами и Ф. Дафферином из-за перепечатанной из ирландской газеты статьи о женитьбе лорда. – *Авт.*) С того времени отношения его к американской журналистике охладели, и высокомерность его жены в обращении с американскими дамами сделалась ещё более заметной.

Уверяют, что заветнейшею мечтою Лорда Дофферина есть желание получить место вице-короля Индии и что место посла в Санкт-Петербурге есть для него только ступень к этому столь желанному повышению. Находясь в России, он готов будет на всё, чтобы только заслужить милость своего покровителя, Лорда Биконсфильда, и добиться своего назначения в Калькутту»[8].

Чуть более полутора лет Ф. Дафферин пробыл английским послом в России. Затем был послом в Константинополе (1881–1884 гг.). И наконец, в 1884 г. он достиг своей честолюбивой мечты – был назначен вице-королём Индии. В течение четырёх лет он представлял официальный Лондон в Калькутте. Как утверждает В. Зелинская, именно «за время его императорской службы был создан Индийский Национальный Конгресс и заложены основы современной индийской армии». Справедливости ради, однако, стоит отметить, что идея создания ИНК витала в воздухе уже ни один год, а крупномасштабная военная реформа началась ещё в середине 1860-х годов.

И последний триумф лорда Дафферина как дипломата – это успешная миссия в афганском вопросе. Автор интернет-статьи отмечает, что английский чиновник «успешно справился с афганским кризисом, предотвратив войну, которая реально могла возникнуть между Англией и Россией после захвата последней части афганской территории в районе Кушки»[9].

Не буду вдаваться в подробности обстоятельств афганского кризиса[10], но укажу главное. Основной целью английской дипломатии было развязывание русско-афганской войны, итогами которой в регионе могла бы воспользоваться именно Великобритания. Российская же сторона, ещё до обострения русско-афганских и англо-русских противоречий в районе Кушки, предлагала решить этот спор мирным путём. И даже после военного столкновения Россия не высказала никаких претензий афганской стороне.

Ещё до получения известий о Кушкинском бое в марте 1885 г. афганский эмир Абдурахман-хан прибыл в Равал-пинди для встречи с вице-королём Индии лордом Дафферином. Для английской стороны уже при первой встрече стало ясно, что эмир не допустит английские войска в Герат (на что рассчитывали лондонские и калькуттские дипломаты в погонах), а целью его поездки являлась попытка выманить деньги и новое вооружение под предлогом войны против России. Позже, после получения известий о русско-афганском столкновении, эмиру стало совершенно очевидно, что Англия не собиралась выполнять данные ею обещания. Основная цель англичан, как виделось эмиру, – Герат и приоритетное положение Британской империи на Среднем Востоке, и только в последнюю очередь – защита интересов самого Афганистана.

В целом же совещание в Равал-пинди не принесло никаких существенных изменений в отношения государств. Единственным достижением этой встречи стало подкреплённое солидной денежной суммой *намерение* эмира пойти на конфликт с Россией.

Таким образом, в очередной раз встаёт вопрос о справедливости оценок работы одного из представителей английской дипломатии и чиновничества.

Примечания

[1] http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=8337 Валентина Зелинская. Лорд Дафферин – чиновник-романтик.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Подробнее см.: *Лисицына Н.Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX – начале XX в.: взгляд на Восток // Клио. СПб., 2005. № 1(28). С. 161–166; *Лисицына Н.Н.* Русские путешественники и военные наблюдатели на Среднем Востоке. Разведка на службе геополитики в 80-х – 90-х годах XIX в. // Геомилитаризм, геополитика, безопасность. Научное издание. 2005. № 9. С. 456–471; *Лисицына Н.Н., Шеремет В.И.* Русские военные агенты о политике Великобритании в Османской империи периода активизации России на Среднем Востоке (1870-е – 1900-е гг.) // Отечественная османистика и туркология: итоги и перспективы. Доклады и сообщения международного научно-практического семинара 2 июля 2009 г. Казань: КГУ, 2009. С. 234–236.

[6] Копия с письма Свиты Его Величества генерал майора Горлова к военному министру от 29 января/10 февраля 1879 г. за № 7 // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147 Среднеазиатский стол. Оп. 485. Д. 1260. Л. 72–79об.

[7] В тексте копии письма разнится написание фамилии нашего героя. В начале письма именно Дафферин, но с его середины – Дофферин. С чем это связано, автор данной статьи не знает; может быть, это ошибки, возникшие при составлении копии для архива, а возможно, так было в оригинале документа.

[8] Стилистика и орфография (в большинстве случаев) сохранены.

[9] http://www.inoforum.ru/forum/index.php?showtopic=8337 Валентина Зелинская. Лорд Дафферин – чиновник-романтик.

[10] Подробнее см.: *Лисицына Н.Н.* Пендинское сражение 1885 года. Новые документы // Восточный архив. 2004. № 11–12. С. 66–73; *Лисицына Н.Н.* Сближение зон влияния Российской и Британской империй в Центральной Азии. Последний этап присоединения центральноазиатских оазисов к Российской империи в конце XIX века // Некоторые дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной государственной истории. Межвузовский сборник научных трудов / Сост. Жиряков И.Г., Михайлова Н.В. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 70–96; *Лисицына Н.Н.* Афганский эмир Абдурахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Восточный архив. 2008. № 17. С. 28–32.

А.Н. Хохлов

ИСАЙЯ ПОЛИКИН: МИССИОНЕР, ПЕРЕВОДЧИК, ФИЛОЛОГ

За время существования Пекинской духовной (православной) миссии среди её сотрудников было немало больших знатоков китайского языка, занимавшихся составлением словарей и других учебных пособий для россиян, связанных с Китаем дипломатической службой, миссионерской деятельностью, торговлей и деловыми контактами в других сферах межгосударственных отношений. Среди лиц духовного звания, добившихся серьёзных успехов в изучении китайского языка, следует особо упомянуть иеромонаха Исайю Поликина (в миру Иван Фёдорович Поликин), прибывшего в 1857 г. в китайскую столицу с новой группой членов Пекинской духовной миссии, возглавляемой архимандритом Гурием (в миру Григорий Платонович Карпов)[1].

Как видно из архивных данных, И.Ф. Поликин по окончании Архангельской семинарии обучался в Санкт-Петербургской духовной академии. Согласно свидетельству, выданному этой академией 8 ноября 1856 г. в связи с предстоящим зачислением его в состав Пекинской духовной миссии, Иван Фёдорович Поликин – сын умершего дьячка Вазенского прихода Онежского уезда Архангельской губернии, «имеющий ныне от роду 25 лет»[2]. В январе 1857 г. он принял монашеский постриг.

Перед отъездом в Пекин Исайя (Поликин) просил Азиатский департамент МИД выдавать из его жалованья 150 руб. серебром ежегодно матери Евтихии Фёдоровне Поликиной, жившей в Пияльском приходе Онежского уезда Архангельской губернии, а в случае её смерти своему брату Самуилу Поликину, учившемуся тогда в Архангельском духовном училище.

В связи с предстоящим отъездом в китайскую столицу иеромонаху Исайе была выдана подорожная из С.-Петербурга до Кяхты через Архангельск, Онегу, Вологду и Казань, которая обычно являлась местом сбора всех новых членов миссии, отправлявшихся через Сибирь в Забайкалье на китайскую границу в Кяхту[3].

С прибытием в китайскую столицу сын дьячка увлёкся китайским языком, и благодаря усиленным занятиям он вскоре смог заявить о себе как о преуспевающем китаисте, успешно работавшем с китайскими текстами разной трудности. О его высокой квалификации переводчика свидетельствует выполненный им перевод китайской оды времён правления династии Тан («Тэн ван гэ»)[4], изданный в 1874 г. в Санкт-Петербурге.

О характере и содержании научных занятий иеромонаха Исайи (Поликина) позволяет судить его отчёт, представленный архимандриту Гурию 20 января 1860 г. в следующем виде:

«На основании утверждённой программы для наших занятий в Пекине я обязан был в течение 6-летнего срока заниматься критическим разбором [древнекитайских] классических сочинений-цзинов и показать влияние содержащегося в них содержания – жу-цзяо [конфуцианство] на гражданский и семейный быт жителей Китая. Для этой цели я в течение минувшего года ежедневно занимался с учителем-китайцем чтением и переводом классических книг учения жу-цзяо (конфуцианства). Мне удалось прочитать всё “Четверокнижие” (“Сы-шу”), потом “Шу-цзин”, самую древнюю и важнейшую из сочинений конфуцианства, и несколько мест из “И-цзин”. Кроме того, я ознакомился с двумя сочинениями, подробно описывающими жизнь и дела Конфуция, его мудрые изречения и правила житейской науки, записанные по порядку времени. Эти сочинения: а) “Кун-цзы цзя-юй” и б) “Цюэ-ли вэнь-сянь као”.

Из общих сочинений мною сделаны нужные выписки для составления полного жизнеописания Конфуция. Кроме того, при чтении классических книг [цзинов] я всегда входил в разговор с учителем о том, что меня особенно занимало, и нередко, опровергая какую-либо истину, я вынуждал учителя защищать её и таким образом высказывать свои собственные убеждения, основанные, разумеется, на конфуцианстве, но тем не менее несогласные с этим учением. Разумеется, я далёк от мысли предположить, что мнение одного-двух китайцев есть выражение [суждений] всех современных китайцев – адептов Жу-цзяо [конфуцианства], тем не менее, как мне кажется, этим способом [путём бесед с учёными китайцами] я скорее [чем из книг] достигну одной из моих целей – узнаю, в каком состоянии в настоящее время находится древнее учение, очищенное Конфуцием, и какое оно оказывает влияние на жизнь китайского народа – семейную и гражданскую. Подобные разговоры имели, кроме того, ещё и ту пользу, что ознакомили меня с философскими терминами конфуцианства и с отвлечённым [философским] китайским языком, так что я теперь в состоянии понимать китайца, говорящего об отвлечённых предметах, и сам могу вести подобный разговор.

Знакомясь с философскими понятиями китайцев из первых источников, я в то же время не мог не обратить внимания на сочинения учёных Западной Европы, так много писавших о Китае вообще и в частности о его классических книгах»[5].

Касаясь предварительной работы с иностранными и китайскими источниками и её некоторых результатов, Исайя Поликин указывал в том же отчёте от 20 января 1860 г.:

«Мною прочитаны сочинения [на западноевропейских языках], заслуживающие особенного внимания, каковы, например, записки иезуита Амиота, сочинения Дюгальда, аббатов Потье и Гросье и несколько дельных путешествий [иностранцев] в Китай.

Для усовершенствования же в обыденном разговорном языке, кроме ежедневных разговоров с учителем и другими окружающими [нас] китайцами, я прочитал два небольших тома китайских разговоров, причём учитель объяснял мне встречавшиеся идиомы языка и особенно замечательные построения речи. Во всё время занятий я старался посредством писания пером и кистью заучивать начертания иероглифов, и в настоящее время могу написать на память большую половину известных мне иероглифов.

Несмотря на то, что у меня переведены и записаны вчерне книги: “Чжун-юн”, “Лунь-юй” и книга “Мэн-цзы”, я не могу представить Вашему Высокоблагородию никакой учёной статьи до тех пор, пока не прочитаю все 13 цзинов или, по крайней мере, пока достаточно не ознакомлюсь с книгами: “И-цзин”, “Ши-цзин” и “Чжоу-ли”. Тогда только, получивши ясное представление о всей философии конфуцианства, я могу составить о ней своё мнение, не опасаясь, чтобы мне не пришлось впоследствии от него отказаться»[6].

Занятия Исайи Поликина, связанные с изучением древнекитайской философии, активно продолжались и в последующие годы, о чём свидетельствует его отчет за 1861 г., в котором говорилось: «В течение прошедшего 1861 г. я по-прежнему занимался, согласно избранной мною программе моих учёных занятий, изучением древней философии Китая»[7].

Одновременно с освоением древнекитайской классики, написанной на труднодоступном языке – «вэньяне», Исайя Поликин с помощью китайских учителей знакомился с произведениями современной китайской литературы. Выбор их для перевода, как правило, определялся потребностями российского внешнеполитического ведомства, заинтересованного в получении из Пекина достоверной информации о Китае, охваченном крестьянской войной тайпинов (1850–1864). С этой целью Поликин к июню 1860 г. на основе перевода (с краткими комментариями) двух современных китайских брошюр подготовил работу под названием «Заметки китайца об инсуррекции и

инсургентах в Китайской империи»[8]. В предисловии к этой работе автор подробно рассказал о её целях и задачах в историографическом плане, что видно из нижеприводимого текста:

«В минувшее десятилетие китайская инсуррекция обратила на себя внимание всего образованного мира. О ней много писали и в наших, и в иностранных газетах. Авторы статей об инсуррекции, передавая события, вызванные ею, нередко делали из них выводы по своим личным соображениям, нисколько не сомневаясь в том, что образованный ум смотрит шире и видит несравненно дальше, чем узкий и ограниченный взгляд китайца. Я думаю, однако ж, что и этот взгляд не может быть лишён некоторого интереса, особенно в деле, весьма близком сердцу жителя Поднебесной империи, какова инсуррекция. Признаюсь, я всегда с особенным вниманием расспрашивал знакомых мне китайцев, что думают они об этой кровавой драме, последний акт которой может быть весьма печальным для них. Но не всегда ответы их были интересны и удовлетворительны, как потому, что китаец не любит говорить иностранцу о своём национальном горе, так и особенно потому, что сами они довольствуются весьма неточными и часто неверными слухами с театра внутренней войны. В этом отношении весьма интересны недавно появившиеся в Пекине две небольшие брошюры об инсуррекции. Они особенно занимательны тем, что напечатаны на юге Китая, в пределах, занятых инсуррекциею, и притом напечатаны не очень давно – в седьмой год настоящего царствования Сяньфэн (1857 г.). Жаль только, что автор брошюры не передаёт нам совершенно полной истории инсуррекции. Всё его внимание сосредоточено на событиях, сопровождающих взятие [тайпинами] города Нанкина, знаменитой южной столицы Китая…

Не лишне заметить, что автор-китаец ведёт свой рассказ без всякого порядка и последовательности. Коснувшись, например, хода военных действий инсургентов, он вдруг вводит [в текст повествования] маленькую тираду о состоянии просвещения между инсургентами, а потом, заговорив тут же о продовольствии, весьма наивно начинает рассуждать о [их] верованиях. Всё это до того пестрит мысль, так утомляет внимание, что из прочитанного трудно вывести какое-либо общее заключение, а между тем рассказы весьма оригинальны и занимательны.

И потому-то необходимо было всему напечатанному в двух брошюрах придать некоторый порядок и однородные рассказы соединить вместе, не изменяя, впрочем, воззрений автора на инсуррекцию, избегая преувеличений и натяжек. В том-то, кажется, и должен заключаться весь интерес этих книжек, что в них передаётся чисто китайское понятие об инсуррекции и инсургентах.

Всё содержащееся в двух брошюрах можно передать в следующем порядке:

1. Начало инсуррекции, дальнейшие движения и завоевания инсургентов (стр. 6);

2. Взятие Нанкина (стр. 13);

3. Попытка со стороны богдоханских войск вернуть Нанкин (стр. 30);

4. Судьба инсуррекции после взятия Нанкина до настоящего времени (стр. 41);

5. Эпизоды из пребывания инсургентов в Нанкине (стр. 53);

6. Биографии семи главных князей [руководителей] у инсургентов (стр. 60);

7. Образ войны у инсургентов (стр. 71);

8. Их религиозные верования и степень умственного образования (стр. 83);

9. Их жилища, одежда, некоторые обычаи и установления (стр. 91)»[9].

Чтобы полнее представить характер и содержание комментариев Исайи Поликина, ниже приведём несколько наиболее интересных пассажей:

1) Л. 275. Текст о контактах восточного князя с любимой женой, которая, ударивши в колокол*, сказала:

* *Примечание переводчика*: «В древности на дворе перед главными воротами императоров висели барабаны и медные литавры. Все подданные имели свободный доступ к царю и всякий, имеющий [к нему] просьбу, приходил и бил в литавру, а жалующий-

ся на обиду или неправый суд бил по барабану. По звуку этих инструментов царь немедленно выходил из своих палат и тут же выслушивал просителей (Конфуций в “Лунь юй” и Чжу Си в своём толковании на “Лунь юй”). По всей вероятности, инсургенты как ревнители древних, собственно китайских обычаев ввели у себя барабан и литавру перед княжеским двором».

2) Л. 293. *Примечание переводчика*. «Цилин, баснословное животное, по понятиям китайцев, своим появлением в известной стране предвещает или рождение великого мужа, или начало… благополучного царствования. Так, например, цилин появился в день Конфуция в саду его отца и выбросил из своего рта нефритовый камень с надписью: “Родившееся дитя поддержит падающую династию Чжоу и будет царём без царства (т.е. царём в нравственном смысле) (см.: «Кунцзы цзя-юй», гл. 1-я).

3) Л. 285. Автор-китаец пишет: «Инсургенты веруют в Есу*, святого мужа западных стран… По понятиям инсургентов Есу, сын Неба, есть первородный сын Небесного отца. Главный предводитель мятежников Хун Сю-цюань считает себя 2-м сыном небесного отца, восточный князь Ян Сю-цин – 3-м … Ши Да-кай – 7-м сыном Небесного отца».

* *Примечание переводчика*. Есу – латинское Jesus (Иисус). Замечательно, что автор-китаец для тонического перевода имени Jesus употребил те же самые [иероглифические] начертания, какими переводится у католиков святейшее имя Иисуса Христа[10].

4) Л. 288, 287. *Примечание переводчика*. «Священнейшее жертвоприношение в честь предков они [тайпины] дерзнули назвать заблуждением, первых китайских императоров… Яо и Шуня и трёх доблестных ванов [правителей] Юй-вана, У-вана и Вэнь-вана признали людьми с обыкновенными человеческими слабостями. Все священные 13 цзинов (книги /каноны/), равно и толкования на них, [тайпины] считают вздорным учением, и тех, у кого найдут эти книги, предают смертной казни… При погребальной церемонии запрещено курить [фимиам], а вместо листов из красной бумаги, сожигаемых истинными последователями Конфуция ради умерших для умилостивления небесных духов, мятежники употребляют какие-то клятвенные слова, называемые ими раскаянием в грехах. По понятиям инсургентов, умерший восходит на небеса, а потому они считают смерть событием радостным, а отнюдь не временем скорби и плача».

Указывая на существование у тайпинов экзаменационной системы, открывавшей возможности для чиновничьей службы, переводчик сообщает: «У инсургентов даже бывают публичные испытания для желающих держать экзамены… Лучших из учеников возводят в звание докторов первых степеней: чжуан-юань, бань-ян, тань-хуа и чжуань-люй…»[11].

О состоянии астрономической науки в государстве тайпинов («Тайпин-тяньго») свидетельствует, например, принятый ими лунный календарь, в точности которого переводчик сомневается. Он полагает, что инсургенты, «не зная правильного летоисчисления, впали в разные погрешности». Так, «вместо 13 лун в году они считают 12, и все нечётные луны (1, 3, 5 и т.д.) полагают в 31 день, а чётные (4, 6 и т.д.) в 30 дней. Очевидно, они не знают прибавочных лун и дней. В годы гуй и чоу (в невисокосные) во 2-й луне (в феврале) у них ошибка на 1 день, и потому в этой луне у них недостаёт одного дня. Кроме того, слово “юэ” (луна) они заменили словом “ци” – круг времени (месяц), а слово “жи” (день) словом “дань” (утро)»[12].

Среди других комментариев интересно примечание Поликина о различиях в головном уборе китайских чиновников соответственно рангу: «Китайцы носят на шапках шарики с голубиное яйцо круглой формы: лица первой степени имеют темно-малиновый прозрачный шарик, второй степени – такого же цвета шарик, но непрозрачный, 3-й степени – голубой прозрачный, 4-й степени голубой непрозрачный, 5-й степени белый прозрачный, 6-й степени – непрозрачный, 7, 8 и 9 степени – медный позолоченный. Богатые носят шарики из цельных драгоценных камней»[13].

С учреждением Российской дипломатической миссии в Пекине в июле 1861 г. и переходом светских членов духовной миссии в её почти полное распоряжение основная миссионерская деятельность россиян в китайской столице легла на плечи архимандрита Гурия (Г.П. Карпова) и его подопечных иеромонахов. Среди последних наиболее полезным и активным помощником главы православной миссии стал иеромонах Исайя, добившийся к тому времени серьёзных успехов в изучении разговорного и письменного китайского языка. О его активном участии в миссионерской работе свидетельствуют донесения в Азиатский департамент не только самого архимандрита Гурия, но и его преемника – архимандрита Палладия (в миру Пётр Иванович Кафаров)[14].

Об активной деятельности Исайи Поликина на ниве миссионерского служения позволяют судить его опубликованные статьи – дневники за 1861–1862 гг. Так, о первой поездке миссионера в окрестности Пекина рассказывают его дневниковые записи (с 16 по 23 октября 1861 г.), приводимые ниже:

«16-го октября. Сегодня я отправился из Пекина в деревню Дундинъань посетить тамошних христиан. Со мною были два христианина из албазинцев: Иван Юй и Никита Вэнь, оба доброго поведения, очень грамотны, а главное – весьма хорошо знают христианское учение…

Благополучно достигнув деревни Матоу (в 45 верстах от Пекина на реке Байхэ по дороге в Тяньцузинь), мы решили переночевать в китайской гостинице, потому что было уже темно, и мы точно не знали, где та деревня, в которой живут наши христиане. На другой день утром к нам явился христианин Владимир. Он пришёл из деревни Дундинъань продать капусту и тут случайно узнал о моём приезде. Из его рассказов оказалось, что наши христиане живут не в одной, а в трёх деревнях…

18-го октября. Сегодня [в деревне Дунсычжуан] я окрестил 8 чел. и двоих из них приобщил Св. тайн… Вечером же, окружённый китайцами-христианами и язычниками, я ходил осматривать деревню. Меня попросили заглянуть в кумирню… Идолы лежали разбитые и изуродованные… Англо-французские войска, проходя этою дорогою для захвата Пекина, обычно разоряли все встречавшиеся им на пути кумирни и разбивали идолов. То же самое сделали они и здесь, хотя само здание кумирни всё же пощадили…

О деревенских жителях здешних мест можно сказать, что они гораздо радушнее, проще и обязательнее городских… Я не видел здесь ни одного просящего милостыню…

19-го октября. Сегодня утром я переехал в деревню Дундинъань, отстоящую от Дунсычжуан в двух с половиной верстах. Христиане этой деревни встретили меня за версту от деревни, и каждый из них приглашал остановиться у него. Я выбрал помещение христианина Владимира… Владимиру [китайское имя – Фу-жун] 33 года; в молодости он учился в нашем албазинском училище, знает грамоту и больше других [односельчан] знаком с христианским учением…

Вскоре, по прибытии моём в эту деревню, явились некоторые жители оной – человек 40 и тут же объявили, что они желают креститься, и даже читали предо мною “Верую” и “Отче наш”… Собравшимся была предложена проповедь на обычную тему… Вечером объяснена половина [текста] Символа веры и произведено испытание всем, желающим креститься. Готовыми к принятию сего таинства найдены 26 мужчин и женщин. Им хотелось послушать нашего церковного пения, а потому мы пропели сначала на китайском языке: Символ веры, “Отче наш”… а потом это же мы повторили по церковно-славянски…

20-го октября. Сегодня утром объясняемо было десятисловие и две новозаветных заповеди: возлюбивши Господа Бога твоего всею душою и возлюбивши ближнего твоего яко сам себя. Окрещено было три человека: жена и дочь-малютка Владимира и 65-летний крестьянин Иосиф. Своею фигурою он атлетического телосложения, но чрезвы-

чайно кроткий и симпатичный: в течение 30 лет крестьянин курил опиум… Однако уже перестал курить. Когда я приехал в деревню, было уже полгода, как он бросил курить и не чувствовал никакого влечения к этому опасному и вредному зелью…

21-го октября… До сих пор в этой деревне было 9 христиан… 60-летний старик Вонифаций ранее в великие праздники [Пасху и Рождество] с членами своего семейства и родственниками приходил в наш Сретенский монастырь [в Пекине]… Отец его по имени Даниил ещё в царствование Екатерины II, находясь в услужении у архимандрита Иоакима Шишковского, был окрещён и потом в продолжение наших четырёх миссий считался одним из лучших христиан. Он хорошо говорил по-русски и много раз оказывал много услуг нашим новоприезжим миссионерам.

22-го октября… После обедницы я крестил 8 человек и совершил панихиду на сельском кладбище об упокоении душ прежде усопших здешних православных христиан [перечисленных по русским именам]…

После обеда я решился отправиться домой, а в деревне оставил ещё на неделю катехизатора Ивана с тем, чтобы он ещё раз повторил христианам всё то, что они слышали в течение прошедшей недели…

При прощании с новыми христианами я умолял и просил, чтобы они всячески избегали разных языческих обычаев и суеверий… Твёрдо внушал им, чтобы они в случае тяжёлых болезней непременно присылали за священником; не заключали браков без предварительного совещания со священником, а главное – жили между собою в самом тесном мире и христианской любви»[15].

В полдень 22 октября 1861 г. иеромонах Исайя выехал из деревни Дундинъань и на другой день благополучно вернулся в Пекин[16].

В другой поездке (с 5 по 11 марта 1862 г.) в окрестности Пекина по делам распространения христианства Исайю Поликина сопровождали тот же катехизатор Иван Юй и дьячок Пётр Ли – для чтения и пения. Как он пишет, причин для посещения деревни Дундинъань было немало. Новокрещённые христиане должны были говеть в период великого поста, что для них из-за уборки урожая было весьма обременительно, т. к. пришлось оставить работу на целую неделю и ехать за 50 вёрст в наше северное Успенское подворье. Посоветовавшись с о. архимандритом Гурием [Карповым], иеромонах Исайя решил поехать в деревню сам, чтобы на третьей седмице великого поста совершить там богослужение.

О поездке инициативного иеромонаха свидетельствуют приводимые ниже пассажи из его дневника:

«6 марта 1862 г. … Европейские учёные обыкновенно пишут, что в Китае каждый крестьянин знает грамоту и, возделывая своё поле, читает Конфуция. Может быть, это и так на юге [Китая]. Что же касается здешних мест, то приходится говорить противное, хотя прежде я и сам держался такого мнения иностранных писателей. Доказательством тому то, что вот уже третья из деревень, мне хорошо известных, а ни в одной из них нет ничего похожего на школу, причём едва наберётся 2–3 человека наполовину грамотных.

Между тем в деревне Дундинъань насчитывают 100 душ, и земледельцы живут там в достатке. Хорошо было бы открыть здесь школу для девиц. В лицах, желающих учиться, недостатка нет, но встречается самое непреодолимое затруднение – во всей деревне нет ни одной грамотной женщины. Обучение же девиц мужчиною – по китайским понятиям – считается весьма непристойным…

7-е марта. Среда… Я предложил христианам посоветоваться между собой насчёт постройки [вскладчину] особого здания (сообразно самой простой форме деревянной архитектуры) для отправления богослужений, так как в их жилых помещениях – весьма тесных и не всегда опрятных – неудобно и даже неприлично (кроме крайней нужды) совершать таинства, особенно Св. литургию. Слава Богу, они приняли мой совет и решились между собой сделать общую рас-

кладку пожертвований, посильную для каждого, и по составлении сметы расходов материалов и средств отправить её к нам, к празднику – Пасхе.

Так как мне в 6 час. предстояла служба в Дундинъани, я отправил в соседнюю деревню катехизатора Ивана. Ему было дано несколько экземпляров священной истории и катехизиса на китайском языке для раздачи местным жителям.

Между тем я сам занялся объяснением Символа веры для христиан, причём слушателей собралось немало. Это был первый, довольно удачный опыт моей личной устной проповеди…

Изучение китайского языка всегда связано с серьёзными затруднениями, так что редкий иностранец может совершенно правильно произносить китайские звуки, поэтому китайская речь порой скорее походит на пение, чем на разговор. Для этого нужно по крайней мере 10 лет постоянной практики применительно к живому разговорному языку. Всё, что говорят наши христиане, лично мне понятно: почти до каждого слова, но им нужно пообщаться со мною некоторое время, чтобы понять мою [книжную] китайскую речь. По этой причине, когда я приезжаю в деревню, я сначала рассказываю своему катехизатору содержание и основной смысл проповеди, а потом он уже облекает её в приличные [привычные] формы китайского языка, которые передаёт слушателям».

«9-го марта. Пятница. Сегодня принял 18 чел. Судя по религиозно-нравственному образованию молодых по возрасту христиан, они исповедовались так разумно, что надо благодарить Бога…

10-е марта. Суббота. Сегодня в деревне Дундинъань была совершена первая православная литургия на антиминсе, полученном от преосвященного иркутского Парфения. Перед литургией было окрещено 5 взрослых… На литургии я приобщил 30 чел. взрослых и младенцев. После обедни был отпет молебен к нашей заступнице Пресвятой Богородице об охранении здешних весей и об избавлении юных христиан от всякой нужды и печали.

11 марта. Воскресенье. После богослужения было совершено освящение воды, которую христиане разносили по своим домам. Потом меня попросили посмотреть то место, которое они предполагают отдать под строительство храма…

Трудами прежних миссионеров написаны, а нашим начальником [архимандритом Гурием] напечатаны на китайском языке “Краткая священная история” и “Зерцало нравственного исповедания”[17]. Эти две книжки иногда заменяют устную проповедь. Грамотные из китайцев, видя у своих родных или знакомых означенные сочинения, сначала читают их из любопытства, а потом по благодати Божьей… они принимают Святое крещение.

В эту поездку я окрестил только 6 чел. В настоящее время число деревенских христиан возросло до 60 чел. обоего пола»[18].

В полдень 11 марта 1862 г. иеромонах Исайя отправился в Пекин.

Сведения о действиях Исайи Поликина по распространению православия в столичном округе цинского Китая довольно скупо представлены в отчёте начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Гурия (Карпова) за 1859–1862 гг., что позволяет увидеть его публикация в цитируемом ниже журнале «Христианское чтение»:

«В конце октября 1861 г., когда можно было с достоверностью предполагать, что полевые работы окончены, иеромонах Исайя отправился в деревню Дундинъань – окрестить желающих и готовых к крещению… С ним отправились катехизатор Иван и учитель училища Никита, [бывший] воспитанник албазинского училища, очень хорошо говоривший по-русски… По возвращении своём Исайя донёс начальнику миссии, что он нашёл в деревне порядок, его приняли там радушно, слушали внимательно. Он окрестил 30 чел., но желающих креститься было так много, что он отложил их крещение, чтобы они более познакомились с христианством…

В половине ноября 1861 г. в этой деревне было открыто и ныне существует православное училище, в котором теперь обучаются 6 мальчиков и одна девочка…

В начале марта (1862 г.) на третьей неделе великого поста Исайя отправился в деревню Дундинъань для совершения великопостной службы и божественной литургии… Старик Вонифатий отдал своё поле под предполагаемый молитвенный дом. Иные дали по силам своим денег. Другие же обещали дать лошадь с упряжью и работника на время постройки [дома]…[19]

Кяхтинские купцы Иван Нерпин и Николай Лушников, оказавшиеся проездом из Тяньцзиня в Калган в китайской столице, с удовольствием сделали пожертвования в пользу строительства молитвенного дома. Российский посланник Л.Ф. Баллюзек прислал полученные им из Иркутска собранные там деньги в размере 253 руб. 46 коп. Таким образом, набралось более 500 руб. серебром – сумма, необходимая для строительства упомянутого дома.

За три года было окрещено 200, а по другим данным (к осени 1862 г.) – 300 чел. – взрослых поселян обоего пола из язычников»[20].

О переводческой деятельности Исайи Поликина позволяют судить данные из Архива Св. Синода за 1865 г. (по архивной описи д. 1957), приводимые ниже:

1) Переведён весь «Требник» со славянского на китайский язык.

2) Переведён «Часослов» (до 9-го часа).

3) Составлен русско-китайский словарь богословских и церковных речений.

4) Составлен русско-китайский словарь разговорного языка (8 тыс. слов) с разными прибавлениями в конце.

5) Составлен китайско-русский словарь (в нём 7700 иероглифов).

6) Составлено сто общеупотребительных разговоров на китайском языке, с русским переводом, для начинающих заниматься китайским языком.

7) Сделан перевод китайских классических книг: «Да-сюэ», «Чжун-юн» и «Лунюй», содержащих в себе философское начало в учении Конфуция[21].

Любопытную характеристику Исайи Поликина находим в статье известного российского дипломата и писателя И.Я. Коростовца «Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк, опубликованный в 1893 г. в журнале “Русский архив”», где сказано о весьма деятельном русском миссионере:

«Из всех названных лиц [Пекинской духовной миссии] иеромонах Исайя провёл в Пекине наибольшее время, и его имя связано с деятельностью миссии за довольно продолжительный период. Это был редкий тип монаха, соединившего в себе качества деятельного администратора и хозяина с более высоким призванием убеждённого проповедника. В Пекинской миссии он нашёл вторую родину и всею душою посвятил себя её интересам. О. Исайя с ничтожными средствами сделал много для распространения и укрепления православия среди албазинцев и язычников-[китайцев]… Этот иеромонах положил начало переводу богослужебных книг православной церкви и составил русско-китайский словарь: один – общего содержания, а другой – специально-богословского и церковного.

Кроме сочинений и переводов после о. Исайи сохранились обширная переписка и дневник, представляющий летопись событий, пережитых [духовной] миссией.

Дневник о. Исайи имеет тем большую цену, что управление архимандрита Гурия можно отметить как переходное время в жизни духовной миссии… Тогдашняя эпоха ознаменовалась, кроме того, реформою в положении миссии, из ведения которой были изъяты светские дела, перешедшие в руки дипломатического представителя»[22].

Для характеристики неутомимой творческой деятельности иеромонаха Исайи весьма знаменательно нижеследующее донесение архимандрита Палладия от 10 марта 1869 г.:

«Иеромонах Исайя в прошедшем году по примеру прежних лет посвящал своё время преимущественно переводу духовных и богослужебных книг на китайский язык. Из прежде начатых им трудов в настоящее время кончены переводом между прочими пространный катехизис, последование всенощного Бдения и канон Андрея Критского»[23].

В начале 1860-х гг. Исайя Поликин составил необходимый для миссионерской деятельности «Русско-китайский словарь богословских и церковных речений». В предисловии к этому труду, написанному в Пекине 8 февраля 1861 г., говорилось:

«В начале 1860 г. мне назначено было отправлять богослужение и [церковные] требы при нашем Успенском храме в Пекине для наших христиан из китайцев. Не вполне владея китайским языком, но принуждённый ежедневно удовлетворять духовные потребности своей паствы, я стал искать в нашей Богословской китайской библиотеке каких-либо руководств вроде краткого словаря, чтобы научиться, как выражаются по-китайски Св. таинства, великие праздники и другие церковно-богословские [понятия].

Были ли прежде какие-либо руководства по этому предмету, – не знаю, но только я ничего не нашёл в этом роде, кроме одной тетрадки, в которой рукою достопамятного отца архимандрита Аввакума[24] были записаны двунадесятые праздники, св. таинства и пр. – всего слов до 100. Необходимость заставила меня читать имевшиеся тогда на китайском языке некоторые молитвы (в рукописях), а затем изданные начальником миссии архимандритом Гурием [Г.П. Карповым] книжки: “Зерцало православного исповедания” (краткий катехизис, изданный в 1807 г.), краткую священную историю и проч. и выбирать из них те слова и фразы, которые казались мне необходимыми.

Таким образом в течение трёх лет у меня составился маленький словарь богословских и церковных речений. Все слова я записывал без всякой перемены, тем более, что они были приняты в прежних наших переводах. В 1864 г., занимаясь переводом на китайский язык “Требника” и уже больше прежнего зная китайский язык, я стал замечать неудовлетворительность многих терминов, неточность некоторых и пр. и нередко беседовал об этом с настоятелем миссии (архимандритом Гурием, ныне епископом Симферопольским). Вследствие чего означенный словарь был им просмотрен. Некоторые слова исправлены, и в таком виде в сентябре 1865 г. словарь этот, заключавший в себе 1800 слов, был представлен Святейшему Синоду.

По возвращении [из России] в Пекин в начале 1866 г. я снова занялся переводом наших богослужебных книг на китайский язык. Словарь мой постепенно пополнялся, так что к концу прошедшего 1868 г. в нём было до 3300 речений.

Перечитав много классических и протестантских сочинений на китайском языке, я пришёл к тому убеждению, что большая часть нашей китайской богословской терминологии целиком взята из католических китайских сочинений и что она требует немалых перемен согласно преданиям нашей православной церкви»[25].

Важной вехой в реализации Поликиным его глубоких познаний в области китайского языка стало издание им русско-китайского словаря, о чем российский посланник в Пекине А.Г. Влангали поспешил сообщить в Петербург одному из известных деятелей Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову. В его письме от 1 марта 1868 г. говорилось: «Член здешней духовной миссии иеромонах Исайя составил и ныне отпечатал русско-китайский словарь разговорного языка. Книга эта есть первое произведение подобного рода на отечественном языке и может быть очень полезна для приезжающих в Китай русских, не успевших ещё ознакомиться со здешним [китайским] языком»[26]. Восемь экземпляров этой книги автор отправил руководителям и сотрудникам внешнеполитического ведомства (А.М. Горчакову, П.Н. Стремоухову, Н.П. Игнатьеву, Ф.Р. Остен-Сакену и др.) и один экземпляр обер-прокурору Св. Синода.

В течение длительного времени этот русско-китайский словарь иеромонаха Исайи оставался единственным пособием для живших в Пекине и других городах Китая россиян в изучении китайских фраз, столь необходимых для общения с местным населением – китайцами и лицами других национальностей Китайской империи, знакомых с разговорным китайским языком, а

порой и с китайской письменностью. Об уникальности словаря Исайи Поликина позволяет судить сообщение столичной (петербургской) газеты «Новое время» от 26 мая (7 июня) 1879 г. о выходе в свет русско-китайского словаря, составленного китаистом-дипломатом П.С. Поповым[27]. В этом газетном номере (1162), в разделе хроники говорилось: «На днях появился русско-китайский словарь, составленный первым драгоманом Императорской Российской (дипломатической) миссии в Пекине П.С. Поповым. Он посвящён памяти досточтимого отца архимандрита Палладия, бывшего начальника Пекинской духовной миссии. У нас имелся только ставший уже библиографической редкостью словарь члена пекинской духовной миссии о. Исайи Поликина».

О новых успехах Поликина как опытного лексикографа и дельного лингвиста после выхода в свет в 1868 г. его русско-китайского словаря свидетельствует сообщение поверенного в делах в Пекине Е.К. Бюцова, направленное 4 января 1870 г. в Азиатский департамент МИД России. В нём говорилось: «Исайя издал ныне, в дополнение к составленному им русско-китайскому словарю, краткую грамматику китайского языка»[28]. Два экземпляра этого труда автор отправил в МИД (А.М. Горчакову и П.Н. Стремоухову) и один – своему коллеге-китаисту Дмитрию Алексеевичу Пещурову, бывшему с ним в составе Пекинской духовной миссии, а затем в 1861 г. ставшему драгоманом Российской дипломатической миссии.

В следующем году Исайя Поликин отправил к Д.А. Пещурову свою новую работу под названием «Прибавления к русско-китайскому словарю» с новой лексикой, на что известный китаевед, знакомый со словарной работой, 11 июля 1871 г. ответил письмом с выражением благодарности за получение «экземпляра этой книги, которая служит лучшим доказательством ваших ревностных и неутомимых трудов по изучению китайского языка»[29].

После смерти великого труженика, каким был Исайя Поликин (11 ноября 1871 г.)[30], его рукописи и особенно печатные труды не раз переиздавались, пользуясь широким спросом у россиян, особенно у лиц, приезжавших в Китай по делам службы и по другим поводам. В пользу широкого бытования этих работ среди нуждавшихся в них заинтересованных лиц, например, российских переводчиков, говорят выписки из русско-китайского словаря Исайи и его же добавления к нему, сделанные 27 апреля 1899 г. в Кульдже И.Л. Асановым (из Бийска). Ныне они находятся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей Санкт-Петербурга[31].

Для критической оценки вклада Исайи Поликина в отечественное китаеведение можно привести любопытную характеристику его «Краткой китайской грамматики» в связи с её 3-м изданием (в Пекине) в 1906 г., данную газетой «Новый край» в номере от 13 октября 1906 г.: «Изучить язык по книжке иеромонаха Исайи нельзя, но при других руководствах, при словарях она может служить хорошим пособием, и при насущной необходимости для нас изучения китайского языка появление её имеет в этом смысле большой интерес». К сказанному можно добавить, что эта рецензия помещена в разделе «Библиография» и подписана буквой «Р», которая легко ассоциируется с фамилией известного преподавателя Восточного института во Владивостоке китаиста Рудакова Апполинария Васильевича[32].

Более скромно, но конкретнее на фоне предыдущей оценки выглядит значимость другой работы Исайи Поликина – русско-китайского словаря, в предисловии к нему от редакции, в котором сказано: «Основанием для русско-китайского словаря, издаваемого уже третьим изданием, послужило литографированное издание словаря, составленного членом Пекинской духовной миссии иеромонахом Исайей. Количеством слов, переведённых на китайский язык, предлагаемый словарь превосходит почти вдвое [прежний] словарь иеромонаха Исайи.

При втором издании словарь был пополнен по изданному в 1896 г. генеральным консулом в Пекине П.С. Поповым, который

снабдил свой словарь примерами, объясняющими употребление слов. Эти примеры, впрочем, не вошли во второе издание, чтобы не повлиять на его объём.

Предлагаемое издание (третье) против предыдущего значительно пополнено по русским словарям Рейфа, Даля и др. …Иероглифы печатаны цинковыми литерами, а не деревянными, как прежде»[33].

Приведенные выше архивные и опубликованные материалы свидетельствуют о необычайно редком трудолюбии Исайи Поликина, которому приходилось совмещать свои нелёгкие служебные (миссионерские) обязанности с научными студиями в области древнекитайской философии и филологии. Успешному ходу его просветительской деятельности, основанной на благородных идеалах православия, благоприятствовало глубокое знание им жизни китайского народа и его традиционной культуры.

Подобный пример добросовестного служения учёного Родине и его верности принципам дружбы народов России и Китая достоин подражания и в наши дни, особенно для молодёжи, вступающей на путь самостоятельного научного поиска в разных сферах гу

манитарной деятельности.

Примечания

[1] См.: История и культура Китая / Сборник памяти акад. В.П. Васильева. М.: ГРВЛ, «Наука», 1974. С. 47.

[2] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив IV–2. 1856–1865 гг. Д. 11. Л. 10.

[3] Там же. Ф. СПб. Главный архив I–5. 1823. Д. 1. Папка 93. Л. 129, 282.

[4] Там же. Ф. Библиотека Азиатского департамента. Оп. 505. Д. 159.

[5] Там же. Ф. СПб. Главный архив I–5. 1823. Д. 1. П. 94. Л. 233 (автограф).

[6] Там же. Л. 234.

[7] Там же. Л. 356 (автограф).

[8] «Записки китайца об инсуррекции и инсургентах в Китайской империи. Пер. с китайского члена Российской духовной миссии в Пекине иеромонаха Исайи Поликина. 20 июня 1860, г. Пекин» (автограф). См.: АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–5. Оп. 4. 1823. Д. 1. П. 74. Л. 247–296.

[9] Там же. Л. 247–249.

[10] Там же.

[11] Там же. Л. 290.

[12] Там же. Л. 289.

[13] Там же. Л. 295.

[14] Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность / Краткий биографический очерк // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение / К 100-летию со дня смерти. Материалы конференции. Ч. I. М., 1979. С. 3–90.

[15] Странник. 1863. Апрель, III. С. 19–26.

[16] Там же. С. 26.

[17] «Краткая Св. история вместе с кратким катехизисом (начатки христианского учения)» была переведена членом Пекинской миссии Феофилактом Киселёвским в 1839 г. и тогда же введена в виде учебного пособия в албазинском училище. Что касается «Зерцала нравственного исповедания», то это произведение было переведено на китайский язык членом миссии Даниилом Сивилловым в 1829 г.

[18] Духовная беседа. 1863. № 16 (20 апреля). С. 564–576. Согласно сведениям, полученным осенью 1862 г., численность деревенских христиан тогда достигла 300 чел. См.: Духовная беседа. 1863. № 5 (2 февраля). С. 159–160.

[19] «Христианское чтение», издаваемое при Санкт-Петербургской духовной Академии. Часть первая (январь-апрель). СПб.: Тип. Департамента уделов, 1864. С. 496–498; 502–504.

[20] Духовная беседа. 1863. № 5 (2 февраля). С. 159–160. Российский посланник в Пекине А.Г. Влангали в письме от 1 (13) февраля 1864 г. к Н.П. Игнатьеву сообщал: «Всех православных [россиян] в Китае немного более 200 душ вместе с албазинцами». См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 832. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

[21] Краткая китайская грамматика иеромонаха Исайи, с приложением [данных] о мерах, весах и деньгах (по Матусовскому). Издание третье. Пекин: Типография Пекинской духовной миссии, 1906. С. II. Многие печатные труды пекинских миссионеров-россиян, в том числе И.Ф. Поликина, осели в библиотеке Восточного института, основанного во Владивостоке в 1899 г.

[22] Русский архив. 1893. I 9. С. 73.

[23] РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1275. Л. 4.

[24] Подробнее см.: История и культура Китая. С. 48.

[25] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР). Разряд I. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1–20.

[26] АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–5. Оп. 4. 1823. Д. 74. Л. 448.

[27] Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Китаист П.С. Попов и его первая лекция в Петербургском университете // XXX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2000. С. 136–149.

[28] АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив I–5. Оп. 4. 1823. Д. 1. П. 74. Л. 448.

[29] Там же. Слева автограф Д.А. Пещурова: «1 экз. “Прибавления к русско-китайскому словарю” иеромонаха Исайи получил для Библиотеки Азиатского департамента».

[30] Китайский благовестник. 1916. Вып. 9–12. С. 50.

[31] См.: АВ ИВР. Разряд 2. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1–264, 265–340. В данном архивном деле русские слова в словаре (от «А» до «Я») сопровождаются китайскими иероглифами и их русской транскрипцией, которая иногда даётся без указания иероглифов (например, яхонт – инхун, яшма – юй, а также слова, начинающиеся с буквы «Ю»).

[32] Подробнее см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 60–63.

[33] Русско-китайский словарь разговорного языка пекинского наречия. Издание Пекинской духовной миссии. Пекин: Тип. Пекинской духовной миссии, 1906 (с указанием разрешения епископа Иннокентия (Фигуровского) от 29 октября 1905 г. относительно печатания этого словаря).

П.А. Лапин

ПЕРВЫЙ КУРАТОР КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ ЧЖАН ЦЗУШЭНЬ И ЕГО ДОКЛАД В ПЕКИН (1910 г.)

Командирование китайских студентов на обучение за рубеж стало важным итогом проводившихся в Цинской империи в конце XIX – начале XX в. реформ государственной системы образования. Установление связей с зарубежными учебными центрами считалось одним из приоритетных направлений китайской международной гуманитарной политики, успешная реализация которой должна была обеспечить привлечение передовых европейских технологий и знакомство с новыми научными теориями.

Стоит сказать, что сам факт выезда китайцев за рубеж для постижения иностранного опыта уже являлся уникальным событием общественной жизни этого восточного государства. Ведь считалось, что традиционным посредником между китайской и иностранной цивилизациями был не китаец, изучивший иностранные языки и чужую культуру, а «варвар», приобщившийся к китайским ценностям. Однако во второй половине XIX в. ситуация изменилась: глубокий системный кризис, в который погрузилась Цинская империя, показал всю несостоятельность традиционных форм государственного правления в условиях колониальных отношений. В целях спасения отечества в Пекине было принято нелёгкое решение о проведении масштабных реформ с учётом иностранного опыта, для тщательного изучения которого началась отправка за рубеж молодых прогрессивных китайцев.

Одним из государств, принявших китайских учащихся, стала Россия. При разработке программы обучения здесь был задействован опыт командирования подростков в 1872–1875 гг. в США[1] и в 1870-х – 1880-х гг. в Европу (прежде всего, «во Францию, где имелось множество различных военно-промышленных производств, в Британию, где велась самая лучшая подготовка моряков», и в Германию «для подготовки сухопутных войск»)[2]. Первыми китайскими студентами, направленными в 1896 г. по государственной линии на учёбу в Российскую империю, стали четыре ученика открывшейся в 1861 г. в Пекине Школы иностранных языков Тунвэньгуань: кандидат на должность старшего делопроизводителя (*хоубу чжуши*) Шао Хэнцзюнь, кандидат на должность делопроизводителя уездного уровня (*чжичжоу*) Гуй Фан, переводчики седьмого ранга (*ципинь фаньи*) Чэнь Цзяцзюй и Ли Хунмо[3]. В 1897 г. по ходатайству китайского посольства в Санкт-Петербурге и по распоряжению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М.Н. Капустина они были зачислены в Петербургский учительский институт, где 29 сентября того же года приступили к занятиям[4].

В 1899 г. от китайского посольства поступила просьба о зачислении в институт ещё четверых выпускников Тунвэньгуань Хао Шуцзи, Чжан Цинтуна, Фань Цигуана и Чэнь Ханя[5].

Так началась история обучения китайцев в царской России[6]. В 1909 г. с целью координации учебного процесса в Европе, и в том числе в России, были «назначены пять инспекторов с местами пребывания в Англии, Франции, Германии, России и Бельгии и с подчинением китайским посланникам в Лондоне, Париже, Берлине, Санкт-Петербурге и Брюсселе»[7]. В Россию был командирован член академии Ханьлинь, обладатель высшей учёной степени *цзиньши* Чжан Цзушэнь (1879–1925)[8]. По прибытии в российскую столицу куратор был зачислен в штат китайского посольства в Петербурге в должности советника второго ранга. Уже на следующий год (1910) он направил в китайское Ведомство по делам просвещения (*Сюэбу*)

подробный доклад о ситуации в области российского образования[9].

Подготовленный китайским инспектором документ (перевод его наиболее ценных фрагментов приведён в приложении) является весьма интересным с точки зрения как выявления приоритетов китайской образовательной политики на российском направлении, так и знакомства с представлениями высокопоставленного иностранного чиновника о России.

Свой рапорт Чжан Цзушэнь начал с общей оценки российского образования, указав на то, что, несмотря на проводимые в течение последних двухсот лет в Российском государстве реформы, «уровень подготовки учащихся [продолжал] уступать иностранному»[10]. Основные причины случившегося чиновник видел в том, что Россия, якобы находившаяся в значительном удалении от Европы, не поддерживала с ней тесных контактов, поэтому «в своём культурном развитии запоздала», а также в том, что введённые российскими властями в отношении отечественных университетов запретительные меры «лишили подданных свободы слова и мысли», тем самым существенно ограничив их возможности по преобразованию вузовской системы[11].

Если первая причина, обозначенная иностранным дипломатом, во многом беспочвенна – Россия уже с XVIII в. начала регулярно командировать своих студентов на учебу в Европу[12], а в Российской академии наук и высших учебных заведениях империи на постоянной основе работали европейские учёные и профессора, то относительно реализации в среде интеллигенции реакционной ограничительной политики он был во многом прав.

Дело в том, что в XIX и особенно в начале XX в. в России усилились студенческие волнения, когда «сходки, вечеринки, уличные манифестации и классы, разные подписки и петиции от имени студентов были явлением самым обыкновенным»[13]. Власти считали высшую школу «в первую очередь кузницей крамольной интеллигенции и источником беспорядков» [14] и пытались установить над ней жёсткий контроль[15]. В пик революционных событий в России в 1905 г. вынашивалась идея закрытия вообще всех высших учебных заведений в империи[16]. То, что государство может столкнуться с кадровым кризисом, похоже, никого не настораживало, так как ещё в 1902 г. российский император Николай II предложил, «чтобы ведомства отказались от теперешнего порядка исключительного приёма на службу лиц с высшим образованием, в особенности на низших должностях»[17].

В периоды, когда противостояние властей и университетов достигало накала, двор шёл на временные уступки и послабления[18], но каждый раз за ними следовала волна реакции властей, которая выражалась во введении новых ограничений. То есть вплоть до начала XX в. высшие учебные заведения в России продолжали оставаться одним из наименее стабильных в политическом плане мест[19], что неминуемо сказывалось на их развитии.

В своём докладе китайский чиновник провёл сравнительный анализ уровня преподавания отдельных дисциплин вузовского курса в России и пришёл к выводу о том, что технические науки являлись более приоритетными по сравнению с правовыми, а гуманитарное образование уступало военному[20]. Надо сказать, что это было закономерным явлением, так как при формировании программ университетского обучения власти пытались вывести из них «ненадёжные науки», заполнив пробелы более нейтральными в политическом плане учебными предметами. Ещё в октябре 1848 г. министр народного просвещения С.С. Уваров писал попечителям учебных округов: «Преподавание некоторых частей политических и юридических наук требует особого наблюдения со стороны начальства. Объём сих частей может, по моему мнению, быть постепенно сокращён без нарушения целости и без ущерба для науки»[21]. А в 1852 г. российское образовательное ведомство и вовсе предложило запретить «провозглашение с университетских кафедр мечтательных теорий под именем философии, с поручением чтения

логики и психологии профессорами богословия»[22].

Развитие же технических и военно-технических наук, в свою очередь, диктовалось требованиями времени. Поражение России в Крымской войне в 1856 г., многочисленные выступления различных слоёв население, включая представителей дворянских родов, открытые попытки свергнуть самодержавие (пока очень примитивные, хотя и очень болезненные для российского престола – путём покушений на монархов) – всё это требовало усиления армии и военно-технического потенциала империи. А без проведения соответствующих исследований, создания опытных разработок, их апробирования и последующего налаживания производства готовой продукции добиться этого было невозможно. Кроме того, путём поощрения технических наук в вузах власти пытались отвлечь молодёжь «от участия в беспорядках»[23].

Анализ доклада Чжан Цзушэня позволяет также выявить китайские приоритеты при выборе учебных заведений. Пекинских администраторов прежде всего интересовала информация об обучении в российских технических и военных учебных заведениях, так как в 1898 г. в китайской столице было принято решение к военным наукам и иностранным языкам, с целью изучения которых, как указывалось, начиная с 1870-х гг. в США и Европу направлялись студенты, также добавить изучение сельского хозяйства, инженерно-технических наук, коммерции и горного дела[24]. Все эти пожелания были в полной мере учтены Чжан Цзушэнем и отображены в перечне наиболее востребованных, с точки зрения китайских властей, российских вузов.

Последний раздел донесения иностранного куратора был посвящён вопросу учреждения общества или ассоциации китайских студентов в России[25]. По представлению чиновника, открытие такой структуры на тот момент было вряд ли возможно по ряду причин политического и экономического характера. В XIX в. в России, как это указывалось, высшие учебные заведения считались центром вольнодумства и свобод, в силу чего власти были не готовы к образованию на их базе каких-либо студенческих обществ, даже если при их учреждении ставились самые простые гуманитарные или благотворительные цели. И уж тем более правительство не могло принять идею создания научных объединений студентов и профессоров (на чём, кстати, тогда базировалась вся европейская наука), так как считало их рассадниками революционных идей. Эти правила касались не только российского студенчества, но и иностранных слушателей отечественных вузов, в том числе и из Китая. Именно поэтому каждый китайский учащийся при зачислении, например, в Петербургский университет давал подписку о том, что во время обучения он обязывался «не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства, не вступать и в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе». В случае нарушения этих правил студент немедленно отчислялся[26].

Другой причиной, не позволявшей учредить научное общество, было довольно скудное финансирование китайского студенчества в России. Надо сказать, что при всём том внимании, которое пекинские власти уделяли поддержанию контактов с нашим государством, объёмы ассигнований на развитие китайской образовательной политики на российском направлении существенно уступали соответствующим затратам китайского двора, выделяемым на обучение китайских подданных в других европейских государствах[27]. И это при том, что китайское посольство в Петербурге неоднократно сообщало в Пекин о высоких ценах на образование и проживание в России[28], а сам Чжан Цзушэнь, по долгу службы общавшийся со своими студентами, указывал на имевшиеся у них финансовые трудности, не позволявшие учредить какую-либо общественную организацию[29].

Недостаточное финансирование китайских учащихся в России, надо сказать,

создавало немало трудностей на перспективу. Дело в том, что в этом смысле они мало чем отличались от российских студентов, материальное положение которых было попросту неудовлетворительным[30]. Нищенское положение учащихся российских вузов, подрывавшее их физическое здоровье и моральное состояние, являлось одной из причин массовых беспорядков в студенческой среде, формировало недовольство в отношении центральной власти. Китайские студенты, также испытывавшие материальные тяготы, могли с лёгкостью воспринимать идеи борьбы с несправедливостью, царившие в среде российского студенчества, выражать солидарность с событиями в России, наконец, переносить антигосударственные настроения в Китай, который переживал тогда глубочайший системный кризис.

Таков был доклад единственного куратора китайских студентов Чжан Цзушэня о ситуации в российском образовании дореволюционного периода. Документ этот, безусловно, интересен и информативен. Это весьма ценный источник по изучению российско-китайских гуманитарных контактов в начале XX в. Он характеризует и личность самого автора. Чжан Цзушэню, который был назначен на пост куратора в 1909 г. и не владел русским языком, потребовалось не более года на изучение сложившейся в Российской империи системы образования, чтобы уже в 1910 г. подготовить содержательную записку для китайского образовательного ведомства.

Информация, содержащаяся в докладе китайского чиновника, во многом объективна. Видно, что автор действовал по указанию пекинских властей и при подготовке доклада уделял внимание наиболее актуальным, с точки зрения китайских организаторов международного образования, моментам. Куратор рассуждал о причинах отставания российского образования от европейского и пришёл к выводу о том, что при организации работы высшей школы Санкт-Петербург был вынужден учитывать общую политическую ситуацию в России и царившие в студенческой среде антиправительственные настроения.

Обращает на себя внимание перечень российских вузов, которые рекомендовал цинский чиновник в качестве мест обучения китайских учащихся. Видно, что китайцев интересовали технические и военные учебные заведения: по их расчётам, подготовленные там специалисты могли всецело включаться в процесс реформ, запущенный в Цинской империи со второй половины XIX в. С учётом этого объективно оценивался российский потенциал по подготовке кадров по интересующим китайцев специальностям: «Россия занимает обширную территорию, – справедливо писал докладчик, – поэтому повсеместно идёт строительство железных дорог, что требует множества способных работников»[31]. Приобретаемый опыт аккумулировался в специализированном учебном заведении – Институте инженеров путей сообщения, который был в числе рекомендованных Чжан Цзушэнем вузов.

Заведения гуманитарного профиля были для Пекина менее интересны: в Китае ещё в 1905 г. завершилась реформа по упразднению системы государственных экзаменов на получение учёной степени (*кэцзюй*), в основе которой как раз лежали гуманитарные и теоретические знания, считавшиеся на тот период менее востребованными для нужд государственного строительства. Именно поэтому среди пятнадцати высших учебных заведений, упомянутых в докладе, имелось всего три гуманитарных (да и то указанный Санкт-Петербургский университет скорее считался комплексным учебным заведением, а Училище правоведения и Императорская академия художеств – узкоспециализированными учреждениями, дававшими знания исключительно по отдельному направлению подготовки).

Документ китайского чиновника вместе с тем не лишён и спорных моментов. Куратор объяснял культурную отсталость России от европейских государств её географическим расположением, указывая, что наше государство находится на далёком северо-западе Евразии. Причём для описания этого

места Чжан Цзушэнь использовал термин «*пичу*», что в переводе с китайского языка означает «далёкое место», «захолустье». Странно, что китайский куратор, во многом образованный человек, придерживался такой точки зрения. Скорее говорил о себе пока его ещё бедный опыт работы в России и отсутствие знаний о границах нашего государства.

В целом доклад китайского куратора сыграл важную роль в деле пропаганды российского образования в Цинской империи, предоставив пекинским властям чёткую, систематизированную информацию об образовательном потенциале Российского государства, чем, надо думать, в китайской столице охотно воспользовались. Явные недочёты же, имеющиеся в этом документе, скорее стоит объяснять поздним включением Китая в международные отношения нового образца и недостаточными знаниями о нашем государстве.

Приложение
Доклад куратора китайских студентов в России Чжан Цзушэня в китайское Ведомство по делам просвещения (2-й год правления Сюаньтуна, 1910 год)[32]

Раздел *цзя*

О системе образования и различных учебных заведениях в России и о том, какие специальности в каких образовательных учреждениях являются наиболее востребованными.

Россия расположилась в Евразии, на её далёком северо-западе. В прошлом [она] не имела связей с центральной Европой, поэтому в культурном развитии запоздала. На протяжении двухсот лет менялись законы, предпочтение отдавалось новому учению, в результате чего в наши дни система образования стала более совершенной. Несмотря на то, что во всех науках [российских] открывателей мало[33], приезжих из других государств, тем не менее, достаточно. Преподаваемые в разных специальных школах науки мало чем отличаются [по своему содержанию] от того, чему обучают в Британии, Франции и Германии, лишь долго сохранявшееся самодержавие лишило подданных свободы слова и мысли, в результате чего уровень подготовки [учащихся] немного уступает иностранному. Сравнивая различные науки [видно, что] правовые и политические [дисциплины] уступают техническим и прикладным, а литературно-художественные – военным, что объясняется природой политической власти в России.

В России открыты следующие высшие учебные заведения (*дасюэтан*)[34]: Императорский Санкт-Петербургский университет (*Хуанцзя дасюэтан*), Училище правоведения (*Фачжэн сюэтан*), Императорская академия художеств (*Мэйшу сюэтан*), Электротехнический институт (*Дяньци сюэтан*), состоявшие в ведомстве Министерства народного просвещения (*Сюэбу*); Институт инженеров путей сообщения (*Даолу сюэтан*), состоявший в ведомстве Министерства путей сообщения (*Даолу бу*); Горный институт (*Куанъу сюэтан*), Петербургский технологический институт [императора Николая I] (*Гунчэн сюэтан*), Санкт-Петербургский политехнический институт (*Бои сюэтан*), Институт гражданских инженеров (*Ишу сюэтан*), состоявшие в ведомстве Министерства торговли и промышленности (*Гуншанбу*); Лесной институт (*Линье сюэтан*), состоявший в ведомстве Главного управления землеустройства и землевладения (*Нунбу*)[35]. Императорская Николаевская военная академия (*Нигула цаньмоу сюэтан*), Михайловская военная артиллерийская академия (*Михаилофу пао дуй дасюэтан*), Николаевское военное училище (*Нигула гунчэн дуй дасюэтан*), Александровская военно-юридическая академия (*Ялишаньда цзюньши цайпань гаодэн сюэтан*), Императорская Военно-медицинская академия (*Гаодэн цзюньи сюэтан*), состоявшие в ведомстве Военного министерства (*Бинбу*).

В Санкт-Петербурге учреждено двадцать четыре государственных школы средней ступени (*чжунсюэ тан*)[36], состоявших в ведении Министерства народного просвещения, и шесть военных школ средней сту-

пени (*убэй чжунсюэ тан*), подчинявшихся Военному министерству. Открыто три женских школы высшего разряда (*гаодэн сюэтан*)[37] и двадцать шесть школ среднего разряда (*чжунсюэ тан*)[38]. Что касается обычных начальных школ (*сяо сюэ*)[39] и школ старшего разряда (*гаодэн сюэтан*)[40], то они в большинстве частные[41], потому что в нынешнее время в России нет обязательного образования. Здесь не обращают внимания на начальную школу, что является самым большим недостатком местной системы образования. Уровень знаний этических норм уступает тому, который имеется в европейских государствах. Однако среди наук высшей школы железнодорожные технологии считаются самыми передовыми. Россия занимает обширную территорию, поэтому повсеместно идёт строительство железных дорог, что требует множества способных работников. Некоторое время назад началось строительство Сибирской железной дороги, сейчас ведётся строительство Амурской железной дороги, и больше половины инженеров [занятых на этих работах] являются выпускниками Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения, что подтверждает это [высказывание]. Кроме этого, имеется полный комплект [специальностей] в Горном и Политехническом институтах.

Раздел *дин*

Могут ли российские студенты учреждать научные или какие-либо иные общества, имеют ли право вступать в научные общества или другие организации при обучении за рубежом.

Командирование китайских студентов в Россию на учёбу началось в 25-м году правления Гуансюя (1899 г.) с отправки Ведомством по делам всех государств (*Цзунли гэго шиу ямэнь*) в это государство студентов пекинской Школы иностранных языков (*Тунвэньгуань*). После этого началось регулярное командирование [слушателей] из Пекинского университета, а также из провинций Хубэй, Цзянсу и Хэйлунцзян. [В Россию] также выезжает много своекоштных студентов. Однако [китайское] научное общество и поныне не учреждено, так как организовать его в России куда сложнее, чем в другом государстве.

Во-первых, имеется запрет правительства. Несмотря на конституционные преобразования политического строя в России, самодержавный настрой ещё полностью не искоренён. Во время недавних внутренних беспорядков студенты многих учебных заведений были арестованы за массовые выступления, и таких набралось около сотни. В связи с этим последовал указ о закрытии ряда учебных заведений. В настоящее время беспорядки прекратились, но отмены запрета на собрания студентов не поступило, поэтому они не могут открыто создавать общества. Китайские студенты, обучающиеся [в России], хоть и не имеют отношения к внутриполитическим делам этого государства, но как только хотят провести встречу, тут же всегда в места сбора приходит полиция.

Во-вторых, экономические трудности. Научное общество должно располагать помещением для проведения лекций и обсуждений. Однако стоимость аренды помещений в России чрезвычайно высока. Студентам не хватает средств на обычные расходы, а средств на аренду помещения и вовсе собрать невозможно, не говоря уже о деньгах на его благоустройство. В Японии имеются салоны, где можно снимать на время помещения для проведения сборищ, в России же таких мест нет, поэтому даже общество, которое работало бы на временной основе, и то создать невозможно. Обучающиеся в России [китайские] студенты усердно занимаются, неукоснительно соблюдают местные правила, но они отделились от общин, распространившись повсеместно, в результате не могут пользоваться благами жизни сообща. В этой связи необходимо принять решение об организации общества. В течение последних нескольких лет студенты несколько раз проводили собрания, в итоге из-за местных государственных запретов и трудностей со сбором средств ничего из этого не получилось. В этом году студенты на-

правляли несколько раз [в мой адрес] обращения по этому поводу, и в настоящее время уже составлен и утверждён устав общества, но принципы его организации пока ещё не определены.

Примечания

[1] Подробнее о командировании китайских учащихся в США см., например: *Жун Хун*. Сисюэ дун цзянь цзи («Записи о проникновении западных наук на Восток» или моя жизнь в Китае и Америке). Чанша, 1981. С. 86; *Ли Гоцзюнь, Ван Фаньчжао*. Чжунго цзяоюй чжиду тунши (Общая история системы образования в Китае). Т. V. Цзинань, 2000. С. 165; *Чжан Синлан*. Оухуа дун цзянь ши (История проникновения вестернизации на Восток). Пекин, 2000. С. 42; *Цянь Ган, Ху Цзинцао*. 120 мин цинчао ютун фу мэй люсюэ дэ цяньцянь хоухоу (Вся история отправки 120 подростков в США для обучения во время династии Цин) // Цзюэцэ юй синьси. 2006, № 5. С. 65.

[2] *Лю Цзилинь*. Чжунго люсюэ тунши. Вань цин цзюань (Всеобщая история обучения за рубежом китайских учащихся. Позднецинский период). Гуанчжоу, 2010. С. 132. Подробнее об обучении китайцев в Европе см., например: *Biggerstaff K.* The Earliest Modern Government Schools in China. N.Y., 1961. P. 200–252; *Лю Цзилинь*. Чжунго люсюэ тунши. Вань цин цзюань (Всеобщая история обучения за рубежом китайских учащихся. Позднецинский период). С. 149–150; *Фань Байчуань*. Цинцзи дэ янъу синьчжэн (Новая политика Движения по усвоению заморских дел во время династии Цин). Цз. 1. Шанхай, 2003, с. 658–659, 667; Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Справочные материалы по преподаванию истории образования в Китае в Новое время). Т. I. Пекин, 1986. С. 151–152.

[3] Тунвэньгуань тимин лу, ди лю цы (Журнал пекинской Школы иностранных языков Тунвэньгуань, шестая серия). Цз. 1. Пекин, 1896. Государственная библиотека КНР, зал древних актов. Шифр хранения: гуцзи 11314. Л. 39об.

[4] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 412 (Санкт-Петербургский учительский институт). Оп. 1. Д. 888 («О прикомандировании к Институту китайских студентов для изучения некоторых предметов институтского курса»). Л. 18.

[5] Там же. Л. 22.

[6] В период с 1896 по 1911 г. в Российскую империю в образовательных целях выехали 56 китайских студентов, 32 из которых обучались за счёт центральных или провинциальных административных учреждений и учебных заведений, а 24 человека – за свой счёт (трое из них на втором году обучения стали государственными стипендиатами). Среди командированных подавляющее большинство (25 человек) были представителями провинций, больше всего из провинций Хэйлунцзян, Синьцзян и Хубэй. Практически все первые ученики проходили обучение в Санкт-Петербурге, за исключением тех, кто был направлены из Синьцзяна, – они обучались в Казани. Кроме русского языка, китайцы изучали различные специальности: инженерное дело (железнодорожное, портовое, мостовое и дорожное строительство, геологоразведку, горнодобывающее и шахтное дело), химико-физические, электромеханические специальности, коммерцию, право и политику. Подробнее о командированных в Россию учащихся см., например: *Лю Чжэньюй*. Цин мо минь чу чжунго жэнь люсюэ э (су) ходун дэ лиши кача (Исторические разыскания мероприятий по обучению китайцев в России (Советском Союзе) в конце династии Цин и ранние годы Китайской Республики) // Элосы сюэ. 2013, № 1. С. 192–193, 199; Цзиньдай ши цзыляо (Материалы по истории Нового времени). № 92. Пекин, 1997. С. 122–123, 163; Чжунго цзиньдай сюэчжи шиляо (Исторические источники по системе образования в Китае в Новое время). 1-е изд. Т. I. Шанхай, 1983. С. 52, 144; Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Люсюэ цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Обучение за рубежом). Шанхай, 2007. С. 289, 295–298; *Чжэн Шичан, Ли Яси*. Лю су цзяоу ши гао (Черновая история обучения в Советском Союзе). Харбин, 2001. С. 19–22.

[7] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910. С. 231. Первоначально надзор за китайскими студентами в России возлагался на китайское посольство в Санкт-Петербурге, см.: *Чжэн Шичан, Ли Яси*. Лю су цзяоу ши гао (Черновая история обучения в Советском Союзе). С. 31–32. Особо в этом преуспел китайский посланник Ху Вэйдэ (период службы в России – 1902–1907 гг.), который, кроме общей координации пребывания учеников в российской столице, всячески содействовал изучению ими русского

языка, в частности, обязывая каждого из них дважды в месяц готовить переводы из российских газет для отправки в Пекин. См.: Цзиньдай ши цзыляо (Материалы по истории в Новое время). № 95. Пекин, 1998. С. 36.

[8] *Лю Чжэньюй*. Цин мо минь чу чжунго жэнь люсюэ э (су) ходун дэ лиши кача (Исторические разыскания мероприятий по обучению китайцев в России (Советском Союзе) в конце династии Цин и ранние годы Китайской Республики) // Элосы сюэ. 2013, № 1. С. 202. В 1915 г. должность инспектора по учебной части при посольстве в Петербурге была расформирована и для управления учениками в Европе была вновь восстановлена единая должность учебного инспектора с расположением в Брюсселе, существовавшая с 1907 по 1909 г. См.: *Чжэн Шичан, Ли Яси*. Лю су цзяоу ши гао (Черновая история обучения в Советском Союзе). С. 32.

[9] Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Люсюэ цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Обучение за рубежом). Шанхай, 2007. С. 291–299.

[10] Там же. С. 291.

[11] Там же.

[12] См., например: Отправка купеческих сыновей в Англию // Русская старина. Т. XIII. № 7. 1875. С. 437–438.

[13] *Флоринский В.М*. Заметки и воспоминания В.М.Флоринского (1865–1880) // Русская старина. Т. 37 (6). 1906. С. 612.

[14] *Иванов А.Е*. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 192.

[15] Например, в 1869 г. Александр II утвердил постановление по стабилизации положения в высших учебных заведениях, в соответствии с которым ужесточались правила приёма в вузы, включая переход из одного учебного заведения в другое, повышались требования к промежуточным и выпускным экзаменам, уровень стипендий определялся с учётом успехов учащихся (подробнее см.: Положение особого комитета об учащихся в учебных заведениях разных ведомств // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб., 1871. Ст. 1391–1400). Чтобы установить контроль над университетами, была введена практика назначения ректоров вузов, отменявшая их выборный статус (такое правило было, в частности, введено в 1869 г. для комплектования руководства Варшавского университета). См.: *Змеев В.А*. Высшая школа России: от реформ 60-х к реформам 80-х годов XIX века // Социально-политический журнал (социально-гуманитарные знания). 1998, № 5. С. 165. Кроме административных рычагов влияния на высшую школу, активно использовались и финансовые. Власти преднамеренно сокращали объёмы финансирования российских вузов в надежде ограничить их общественно-политическую деятельность, так что иногда бывало «куда легче управляющему морским министерством добиться ассигнований десятка-другого миллионов на военные суда неизведанной ещё системы, чем министру народного просвещения получить один миллион на самые неотложные и ясные нужды университетов». Цит. по: *Иванов А.Е*. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. С. 193. Справедливости ради стоит сказать, что и без понижения объёмов ассигнования на деятельность высшей школы российское образование считалось самым низко финансируемым в Европе. «На народное образование Россия вообще затрачивает менее всех остальных государств Европы», – справедливо указывал российский экономист И.И. Янжул, поясняя, что «государство тратит у нас пропорционально населению в два с четвертью раза меньше, нежели Франция, в три раза – чем Пруссия, почти в четыре раза – нежели Великобритания и в десять раз, нежели Цюрихский кантон в Швейцарии». См.: *Янжул И.И*. О городских общественных библиотеках // Очерки и исследования. Сборник статей по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства. Т. I. М., 1884. С. 310.

[16] *Иванов А.Е*. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. С. 193.

[17] Заметки Николая II о народном образовании // Былое. 1918, № 2 (30). С. 64.

[18] Так, в частности, в 1873 г. было образовано Общество вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета, а в 1881 г. в Московском университете было разрешено устройство читальни, кассы взаимопомощи и столовой. См.: *Змеев В.А*. Высшая школа России: от реформ 60-х к реформам 80-х годов XIX века. С. 173, 178.

[19] Вспомнить хотя бы тот факт, что последнее и смертельное покушение на императора Александра II в 1881 г. осуществил бывший студент Петербургского технологического института, народоволец И.И. Гриневицкий.

[20] Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Люсюэ цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Обучение за рубежом). С. 291.

[21] Цит. по: *Чумакова Т.* Наука в российских университетах (вторая половина XIX века) // Высшее образование в России. 2005, № 2. С. 103.

[22] Там же. С. 104.

[23] Там же. Вообще стоит сказать, что всплеск развития естественных и технических наук в России в XIX в. происходил на фоне расцвета естествознания в Европе. Преобразуется и сама учебная методология: при преподавании упор делался на прививание практических навыков, которые формировались у студентов во время работы в научно-исследовательских лабораториях и на испытательных площадках. Идеи европейских педагогов-новаторов (первым новый способ преподавания через сочетание теоретических курсов с практической работой в Европе апробировал немецкий химик Ю. Либих, 1803–1873) охотно воспринимались в России, где начали исходить из того, что «преподаватель должен сообщать ученику не один только запас знаний, но, что не менее важно, и запас уменья, то есть должен выпускать готового нового работника, нового двигателя новой науки». См.: *Тимирязев К.А.* Пробуждение естествознания в третьей четверти века // История России в XIX веке. Т. VII. Ч. 3. Отделение 3. № 26. СПб., 1906. С. 8.

[24] *Чжэн Шичан, Ли Яси.* Лю су цзяоу ши гао (Черновая история обучения в Советском Союзе). С. 19–20.

[25] Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Люсюэ цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Обучение за рубежом). С. 298–299.

[26] ЦГИА СПб. Ф. 14 (Императорский Петроградский университет, 1819–1918). Оп. 15 (личные дела вольнослушателей, 1878–1917). Д. 807 (Дело № 93 вольнослушателя Чжан-Чин-Туна, 1905). Л. 13.

[27] Для примера: в 1910 г. на обучение государственных студентов в Британии было выделено 16915 лянов серебра, Франции – 14427 лянов, Германии – 4512 ляна, Бельгии – 3823 ляна, а в России – лишь 2076 лянов. См.: *Чжан Яцюнь.* Лунь цин мо люсюэ цзяоюй дэ фачжань (О развитии образования за рубежом в поздние годы династии Цин) // Хуацяо дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2000, № 4. С. 75.

[28] Там же.

[29] Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Люсюэ цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Обучение за рубежом). С. 299.

[30] Например, в 1875 г. в Казанском университете до 60% студентов были официально признаны бедными, и лишь 28% учащихся могли самостоятельно содержать себя. В столице ситуация была не намного лучше: петербургские студенты в своём большинстве также были бедными, «проживали по 2–3 человека в дешёвых комнатах, а питались в малых кухмистерских и столовых за 20 копеек в день». См.: *Змеев В.А.* Высшая школа России: от реформ 60-х к реформам 80-х годов XIX века. С. 172–173.

[31] Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Люсюэ цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Обучение за рубежом). С. 292.

[32] Там же. С. 291–292, 298–299.

[33] Здесь докладчик, надо думать, указывал на недостаточное количество российских профессоров и преподавателей, что, кстати, также являлось следствием реакционной политики властей в отношении высшей школы. В крайне нестабильных условиях, в которых пребывали российские университеты, готовить национальные научные и педагогические кадры было попросту невозможно. Куда легче было приглашать специалистов из-за рубежа, что повсеместно и практиковалось. В определённый момент приезжих стало настолько много, что некоторые учёные из «Германии были убеждены, что и лекции в наших университетах читаются на немецком языке». См.: *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет // Русская мысль. Кн. V. М., 1890. С. 76. Повальное приглашение зарубежных профессоров было не всегда в интересах российского образования. Ведь работавшие в Россию учёные в своём большинстве не говорили по-русски, что усложняло процесс преподавания и понижало качество приобретаемых студентами знаний. Скажем, в Казанском университете лектор-иностранец сначала выступал на латыни, «а затем дважды повторял сказанное по-французски и по-немецки, ибо часть студентов слегка знала один язык, а часть – другой. Что при этом усваивалось собственно из содержания лекции, не понимал уже никто». См.: *Эдельман О.* Образование в императорской России // Отечественные записки. 2012, № 1. С. 120.

[34] Стоит обратить внимание на то, что при характеристике российских учебных заведений Чжан Цзушэнь использовал названия, принятые для описания соответствующих учебных учреждений в Китае. См.: *Бруннерт И.С., Гагельст-*

ром В.В. Современная политическая организация Китая. С. 176–209; *Ван Ди.* Цин мо синьчжэн юй цзиньдай сюэтан дэ синци (Новая политика в поздние годы династии Цин и зарождение учебных заведений нового типа) // Цзиньдай ши яньцзю. 1987, № 3. С. 256.

[35] Подробнее об этих учебных заведениях см., например: Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сборник документов. СПб., 2007. С. 289–295, 297–298, 299.

[36] В данном случае чиновник, скорее всего, говорил о государственных и частных реальных училищах (их также называли уездными), количество которых по данным на 1915 г., правда, было несколько меньше – всего 20. См.: Начальное образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века. Сборник документов. СПб., 2000. С. 337–338.

[37] По всей видимости, имелись в виду институты для женщин: Женский педагогический институт (основан в 1860 г.), Петербургский женский медицинский институт (основан в 1895 г.) и Петербургский женский политехнический институт (основан в 1906 г.). Подробнее о них см.: Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. С. 295, 298, 301.

[38] Здесь Чжан Цзушэнь, возможно, вёл речь о реальных училищах, где также имели право учиться и девочки, и о государственных женских гимназиях. Однако при всём этом их количество никак не могло составлять двадцать шесть: по данным на 1915 г. таких учебных заведений насчитывалось всего десять. См.: Начальное образование в Санкт-Петербурге. С. 338–339.

[39] Скорее всего, здесь понимались приходские училища – самые низшие учебные заведения в Российской империи.

[40] Видимо, речь шла о государственных и коммерческих гимназиях, по завершении которых выпускник мог поступать в университет.

[41] Чжан Цзушэнь был во много прав: по данным на 1915 г., в Санкт-Петербурге функционировало двадцать частных мужских реальных училищ и гимназий и сорок восемь женских гимназий. См.: Начальное образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века. С. 338–341.

В.В. Беляков

ДРУЖБА, СКРЕПЛЁННАЯ ЕГИПТОМ

Письма С.П. Юрицына, Е.Н. Чирикова и И.Я. Билибина А.А. Яблоновскому

Среди беженцев, эвакуированных англичанами с юга России в Египет весной 1920 г., оказались несколько видных деятелей русской культуры. Самым именитым из них был художник Иван Яковлевич Билибин (1876–1942)[1]. На пароходе «Саратов» из Новороссийска в Александрию плыли вместе с ним также два известных журналиста, Александр Яблоновский и его однофамилец Сергей Яблоновский[2].

Младшая дочь популярного в начале XX в. писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932), Валентина (1897–1988), тоже находившаяся на борту «Саратова», вспоминала: «С Билибиным и обоими Яблоновскими (Сергеем и Александром), вооружившись биноклями, мы следили за берегами Малой Азии»[3]. Вместе с Валентиной покидала Россию и её старшая сестра, Людмила (1896–1995). Их родители в это время находились в Крыму.

Билибин хорошо знал семью Чириковых. Они дружили ещё в Петербурге, до революции. Людмила даже брала у художника уроки рисования. Как писала она автору этих строк в 1991 г., «особенно мы сдружились, конечно, в трудные дни войны и революции в Батилимане[4], где наша семья, как и Иван Яковлевич, имели дачи»[5]. В том же письме Л.Е. Чирикова отмечала, что оба Яблоновских были «знакомыми отца»[6].

Видимо, давно знал Яблоновских и Билибин, опекавший на пароходе сестёр Чириковых. По крайней мере, из их воспоминаний об эвакуации в Египет видно, что художник и журналисты дружески общались. «Маленький Сергей Яблоновский встречался с нами на палубе и заговаривал нас до полусмерти, – отмечала Валентина Чирикова. – Он мог приводить на память целые страницы прозы из русских классиков. Иван Яковлевич затеял с ним своеобразную игру: заставлял его процитировать какое-нибудь четверостишие из русских поэтов, где бы встречалось заданное слово. И на самые прозаические слова, как, например, сапоги и простокваша, Яблоновский давал моментальный ответ»[7].

После пребывания в карантине в Александрии пассажиров с «Саратова» отправили в палаточный «русский лагерь» на краю пустыни в Телль аль-Кебире, между Каиром и Исмаилией. О лагере и его обитателях Александр Яблоновский написал серию красочных очерков, опубликованных в конце лета 1920 г. парижской эмигрантской газетой «Общее дело».

«Я повторяю: это зрелище общей бедности уже никого из нас не удивляет, потому что такова жизнь в нашем лагере, – отмечал Яблоновский. – Чёрной работой занимаются все.

Вот генерал-лейтенант, очень заслуженный и очень почтенный старик, моет песком сальный, жирный котёл, в котором нам разносят суп. Сегодня генерал – дежурный по палатке, и сегодня его очередь возиться с этим противным котлом.

А вот известный художник И.Я. Билибин, засучивши рукава, в паре с полковником генерального штаба тащит на носилках дрова на кухню»[8].

Англичане, поместившие русских беженцев в бывший лагерь для турецких военнопленных, разрешали его обитателям покидать лагерь и самим устраивать свою жизнь в Египте. Нужно было только подтвердить свою платёжеспособность. Летом 1920 г. Национальный банк Египта ещё обменивал донские и добровольческие рубли на египетские фунты. Впрочем, курс рубля быстро падал по мере ухудшения положения Доб-

ровольческой армии на фронтах Гражданской войны[9].

У Билибина средства были: застряв в Новороссийске в самом начале 1920 г., где больные тифом сёстры Чириковы лежали в госпитале, он расплачивался с хозяином квартиры, которую снимал, своими рисунками. Видимо, деньги или ценности были и у обоих Яблоновских. Все трое быстро покинули Телль аль-Кебир.

Билибин обосновался в Каире. Он снял квартиру-мастерскую, получил крупный аванс на большое декоративное панно для виллы богатого грека и приступил к работе. Людмила Чирикова помогала ему, а Валентина устроилась работать медсестрой в английский госпиталь. Что касается Яблоновских, то они уехали из Египта во Францию, в Париж. Однако Александр вскоре перебрался оттуда в Берлин.

Видимо, именно в Телль аль-Кебире Билибин и Яблоновские встретили ещё одного известного в недавнем прошлом русского журналиста, Сергея Петровича Юрицына (1873–?). В эмиграции в Египте Юрицын оказался вторично. В ноябре 1904 г. он возобновил в Петербурге издание популярной некогда газеты «Сын Отечества» и придал ей леворадикальную направленность, сделав вскоре рупором эсеров. Газету не раз закрывали, в декабре 1905 г. судебным решением она была запрещена. Издателя же приговорили к заключению в крепости сроком на один год[10]. Чтобы избежать наказания, Юрицыну пришлось покинуть Россию.

В Египте Сергей Петрович вернулся к своей первой профессии ботаника. Он окончил Петербургский лесной институт и затем стажировался в Сорбонне[11]. Юрицын поселился в курортном городке Хелуан неподалёку от Каира и, поскольку лесов в Египте нет, занялся цветоводством. Не бросил он и политическую, и журналистскую деятельность. По некоторым данным, Юрицын печатал в Хелуане в 1912–1913 гг. ежемесячную газету «Моряк». Её издавал Заграничный комитет Союза черноморских моряков, находившийся в те годы в Александрии. Газета распространялась среди экипажей русских судов, заходивших в египетские порты, и нелегально переправлялась в Россию[12].

После амнистии 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых Юрицын вернулся в Россию. Послереволюционные события закружили его. В 1918–1919 гг. Сергей Петрович дважды на недолгое время становился главой городской администрации своего родного Николаева. Он покинул город 13 февраля 1920 г. вместе с деникинскими войсками[13] и вскоре вновь очутился в Египте.

И.Я. Билибин жил в Египте до лета 1925 г., а затем переехал во Францию. Сёстры Чириковы покинули Каир ещё раньше. Валентина в 1921 г. уехала в Прагу, где обосновались её родители, а Людмила годом позже – в Берлин. С.П. Юрицын прожил в Египте по крайней мере до смерти своей супруги Алисы Александровны, последовавшей 5 июля 1929 г. Она похоронена на греческом православном кладбище в Старом Каире[14]. После этого он, вероятно, перебрался в Европу, скорее всего – в Берлин, и дальнейшая его судьба не известна.

С.П. Юрицын относился к числу тех наших соотечественников-эмигрантов, с которыми в Каире регулярно общался И.Я. Билибин. Он не раз упоминается в письмах художника его ученице Л.Е. Чириковой[15]. Впрочем, к творчеству Юрицына Билибин относился весьма критически. О книге, изданной Сергеем Петровичем в 1922 г. в Берлине и подаренной художнику, Иван Яковлевич писал Л.Е. Чириковой следующее: «Рассказ и прочее – всё из совдеповской жизни. Всё не от жизни, а от какого-то фельетона из петербургского листка, ходульно, крикливо, напыщенно, пошло и, главное, удручающе бездарно. А ведь он мнит себя почти гением»[16].

Александр Яблоновский общался с Юрицыным в Египте недолго. Но они были знакомы по крайней мере 15 лет: в 1905 г. Яблоновский сотрудничал с газетой «Сын Отечества», которую издавал в Петербурге Юрицын.

И после встреч в Египте деятели русской культуры поддерживали связи друг с другом. Об этом говорят их письма.

С.П. Юрицын – А.А. Яблоновскому

Каир, 8 декабря [1921]
Anglo-Swiss Home,
Ch. El-Maghraby № 21

Дорогой Александр Александрович,

Только что прочёл в газетах о смерти Марии Ивановны. Я и Алиса Александровна принимаем очень близко это горе, постигшее Вас. Мы знаем, чем была для Вас Мария Александровна, (?) и хорошо понимаем, что Вы должны чувствовать, утратив её. При всех ужасах нашей нынешней жизни одиночество – страшный враг. В лице Марьи Ивановны мы имели всегда друга, с которым можно было отвести душу, поговорив о невозвратном прошлом, найдёте ли Вы теперь другого друга, способного заменить Вам покойную жену… Ведь мы теперь стали эгоистами и не отзывчивыми к чужому горю… Сколько же нам придётся ещё перенести в нашей жизни и многие ли из нас будут похоронены в родной земле, окончив наши земные скитания естественной смертью?..

Я Вам как-то писал в Париж по старому адресу «Общего дела», не зная, что Вы переехали в Берлин. Заключаю из этого, что в «дружеской» нам стране Вы не могли найти себе работы, но думаю, что и в Берлине Вам жить очень тяжело… В Египте устроилось хорошо всего несколько русских, большинство бедствует…

Я потерял место садовника, и мы пережили тягчайшее лето. Сейчас публика [неразборчиво], у Алисы Александровны есть уроки, и мы начали дышать… Я написал несколько вещей[17], ткнулся с ними в Париж, но… не получил даже ответа. В Праге или в Берлине я мог бы пристроить кое-что, но разница в валюте так огромна, что смысла работать из Египта в Германию или Чехо-Словакию нет никакого…

Работаете ли Вы где-нибудь? В «Руле» я читал Вас… Но этого слишком мало – газетной работы, чтобы существовать. Не пишете ли для толстых изданий?..

Если Вы встречаетесь с теми из наших общих знакомых, с которыми мы вместе работали когда-то, не откажите передать им мой привет.

Жмём Вашу руку – я и жена.

Ваш С. Юрицын.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1696. Яблоновский А.А. Оп. 1. Д. 239. Л. 1–2 с об.

Рукописный оригинал. Подпись – автограф.

Автор следующего письма, Е.Н. Чириков, знал о похождениях русских беженцев в Египте не из собственного опыта, а из рассказов дочерей – Людмилы и Валентины.

Е.Н. Чириков – А.А. Яблоновскому.

А.А. Яблоновскому

Тяжелы наши «эмигрантские будни»…

Тем ярче и светлее наши праздники!

Сегодня у нас, Ваших читателей, большой праздник: мы празднуем день литературного «Ангела» писателя, 30 лет честно, талантливо и смело служившего русской «правде» и ради этой правды изгнанного с родной земли торжествующей на Руси «кривдою»…

Грустно праздновать такой большой день своей жизни на чужбине. Но есть утешение: ведь вся честная русская литература теперь с Вами в изгнании! Все писатели, не взвесившие своего слова ценою злата – около Вас, с Вами душой и помыслами!

Позвольте мне, Вашему литературному сверстнику, крепко пожать Вам руку и поцеловать Вас, родной и милый!

Евгений Чириков

Прага, 15/IX 24 г.

РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 231. Л. 1.

Оригинал, машинопись. Подпись – автограф.

В 1925 г. А.А. Яблоновский вернулся из Берлина в Париж, где в том же году поселился И.Я. Билибин.

И.Я. Билибин – А.А. Яблоновскому

6/V 1926.
23, B. Pasteur, XV.

Дорогой Александр Александрович

Один гимназист (из какого-то анекдота) отправил родителям депешу: «Христос воскрес подробности письмом». Я поступаю по его примеру, поздравляю Вас с Светлым праздником и, правда, не посылая Вам телеграммы, пишу коротенькое письмо.

Поводом ко всему сему послужил Ваш роскошный фельетон «В халате».

Если бы я был царём, то на полях я изволил бы начертать: «Прочёл с удовольствием», а если бы я был учителем гимназии, то, взяв красный карандаш, я бы Вам поставил: 5+[18].

Правильно, правильно и правильно! И сколько таких пролаз!

Обрадовался же я сейчас потому, что, именно, о знаменитой Цветаевой и её наборе слов я думал то же самое, что Вы так ловко отлили в форму.

Я был бы очень рад, вообще, повидаться с Вами, показать свои работы и вспомнить старое. Мы всегда бываем дома по средам от 4 до 7 ч. пополудни. Заходите, право, поболтаем. Жму Вашу руку.

Ваш И. Билибин и К°[19].

РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

Рукописный оригинал. Подпись – автограф.

Примечания

[1] О жизни художника в Египте см.: И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925. Письма, документы и материалы. М., 2009.

[2] Яблоновский Александр Александрович (настоящая фамилия Снадзский, 1870–1934) – прозаик и публицист. Яблоновский Сергей Викторович (настоящая фамилия Потресов, 1870–1953) – писатель, журналист, критик.

[3] И.Я. Билибин в Египте. С. 16.

[4] Батилиман – урочище и бухта в крайней западной части Южного берега Крыма. В 1911 г. там был основан кооперативный дачный посёлок, известный как «Профессорский уголок», где имели дачи видные деятели науки и культуры.

[5] И.Я. Билибин в Египте. С. 255.

[6] Там же. С. 256.

[7] Там же. С. 14.

[8] *Яблоновский, Александр.* Письма эмигранта // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 10.

[9] Архив внешней политики Российской империи. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 194. Л. 40.

[10] Николаевцы. 1789–1999. Энциклопедический словарь. Николаев, 1999. С. 366–367.

[11] Там же.

[12] *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила…» Русские в Египте. М., 2003. С. 120–121.

[13] Николаевцы. С. 367.

[14] *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. М., 2001. С. 37.

[15] И.Я. Билибин в Египте. С. 73, 106–107, 110, 162–163, 171.

[16] Там же. С. 162.

[17] Речь идёт, вероятно, о рукописи книги, которую критиковал И.Я. Билибин.

[18] Оценка размером в три строки письма действительно поставлена красным карандашом.

[19] Жена Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая (1892–1967) и её сын Мстислав (1916–1999). Под подписью взятая в рамку расшифровка: «Иван Яковлевич Билибин».

Вальдемар Шмидт

ПАСТОР РОЗЕНБЕРГ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

История колониального прошлого одной из крупнейших колоний Германии, немецкой Восточной Африки (современная Танзания), тесным образом связана с историей эмиграции российских немцев в эти колониальные владения. Надо отметить, что сама проблема изучена мало, хотя имеется достаточное количество исторических источников, к числу которых следует отнести план и переписку пастора Розенберга с колониальным ведомством по вопросам переселения немцев из России. В статье рассмотрены вопросы, связанные с этими материалами – планом и перепиской пастора Розенберга[1], инициатора эмиграции российских немцев в Восточную Африку, с колониальным ведомством, тем более что данные документы относятся к важнейшим историческим источникам по этой проблеме. Хронологически переписка с колониальным ведомством охватывает период с 1905 по 1907 г. Большинство писем Розенберга адресовано министерству иностранных дел, а именно отделу по колониальным вопросам. В письмах имеются ответы на вопросы по поводу основных проблем эмиграции, а также предложения по их реализации.

Исследование вопросов эмиграции российских немцев из Российской империи в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, в полной мере показывает отношение к самой проблеме «восточных немцев». Из переписки пастора Розенберга с колониальным ведомством по вопросу о возможности использования немцев из России в колониальных мероприятиях Германии в Африке чётко прослеживается неоднозначность мнений чиновников этого ведомства по данному вопросу.

Введение в Российской империи закона о воинской повинности 1874 г. немцы-колонисты рассматривали как нарушение их привилегий, дарованных Манифестом Екатерины II (1763 г.). Отмена этих привилегий вызвала рост эмиграционных настроений в их среде. В 1880-е годы поток эмиграции немцев из России направлялся в основном в Америку и Канаду. Германия была мало заинтересована в том, чтобы немцы из России возвращались на родину. Чтобы избежать роста эмиграции с «восточных земель», в 1886 г. была основана Королевская комиссия по переселению, в задачи которой входило усиление немецкого элемента прежде всего в Польше, в провинции Познань, чтобы впоследствии присоединить эту территорию к Германии.

Однако в этом регионе усилилась агитация со стороны польского духовенства, которое призывало к бойкоту всего немецкого. Миграция вызвала острый дефицит рабочей силы в этой провинции, а в самой Германии среди немецкого крестьянства не было желающих переселяться в этот район. В это же время благодаря рекламным мероприятиям интерес к переселению в провинцию Познань возник среди немецкого крестьянства в русской Польше. Мероприятия, которые проводились комиссией по переселению в провинцию Познань выходцев из русской Польши немецкого происхождения, в скором времени показали, что успех этой работы может быть больше, если эта работа будет проводиться одним человеком, который пользуется доверием у своих земляков и может дать разъяснения о возможностях их возвращения в Германию.

Для этой цели был избран пастор Розенберг из Константиново, который был известен в Германии своими взглядами по вопросу возвращения «восточных немцев». Еще в 1905 г. он издал брошюру, в которой предла-

гал переселенческий план для решения проблемы «восточных немцев»[2]. Особенно усилился рост эмиграционных настроений среди российских немцев в 1905–1906 гг., а также после голода 1907 г. В этот период пастор Розенберг проводил рекламные акции о возможности переселения в Острово, где он создал два органа – Союз помощи для немецких переселенцев и Немецкое товарищество для мелкого крестьянства.

Комиссия по переселению выделила для деятельности этих органов финансовую помощь и создала специальный центральный орган в Латовице. Оттуда пастор Розенберг развернул широкую агитацию в русской Польше, рассылая письма и предпринимая поездки, во время которых призывал к переселению в провинцию Познань. В то время, когда комиссия по переселению заботилась о создании новых переселенческих хозяйств в провинции Познань, пастор Розенберг узнал, что в планы комиссии не входит вопрос о переселении малоимущих немецких крестьянских хозяйств из России. Многие российские немцы, которые имели родственников в Америке и Канаде, рассматривали переезд в Познань как один из этапов в их дальнейшем переселении. Чтобы этого избежать, пастор Розенберг нашёл новый путь в решении этой проблемы, а именно использование этого контингента переселенцев в колониальных мероприятиях Германии в Африке, где имелось мало заселённых европейцами земель. По мнению Розенберга, это было одной из причин того, что там постоянно происходили восстания. В одном из писем Розенберг пишет, что «болезненные результаты могли бы и не случиться, когда наши колонии имели бы многочисленное немецкое население. Будущее наших африканских колониальных владений тесным образом связано с вопросом о заселении этой территории немецкими колонистами»[3].

Прагматичный подход Розенберга к вопросам колониальной политики сводился к следующей идее: успех колонизации восточноафриканских колоний будет достигнут так же, как при колонизации немецкими колонистами обширных территорий Российской империи, то есть на основе призыва к переселению. Однако основным при этом оставался вопрос, откуда взять немецкое крестьянство, которое будет пригодно для переселения и акклиматизации в восточноафриканских условиях. В своём письме он указывал на 2 млн проживавших в Российской империи немцев, среди которых многие находятся в поисках новой Родины и могли бы служить лучшим переселенческим материалом для заселения малообжитых территорий Африки, чем немцы из Германии.

Розенберг также отмечал, что до сего времени большое количество немцев – переселенцев из России перебирались в Канаду и Америку, так как там предлагались более или менее хорошие условия для переселения. Чтобы Германия получила преимущество в этой конкурентной борьбе с Канадой и Америкой, по мнению Розенберга, Берлину нужно было создавать лучшие условия для переселенцев. Далее пастор Розенберг писал, что в случае, если колониальное ведомство проявит интерес к данному предложению, то он готов предоставить определённое количество желающих переселиться в Восточную Африку. По его мнению, в течение десяти лет можно будет переселить из России в восточноафриканские колонии 10 тыс. крестьянских семей.

План Розенберга по переселению включал следующие пункты:

1. каждой переселенческой семье предлагалось выделить 50 га земли с лесом и лугами в личное пользование;
2. каждый переселенец, независимо от количества детей, имел право освобождения на 25 лет от воинской службы;
3. каждая переселенческая семья должна была после трёхмесячного пребывания в африканской колонии получить немецкое имперское гражданство, которое бы давалось без оформления соответствующих бумаг и паспортов;
4. каждый переселенец также получал право после трёхмесячного пребывания в колонии жениться, без требования для этого соответствующих бумаг.

В этом письме Розенберг также предлагал лично приехать в Берлин для обсуждения данного плана.

3 ноября 1905 г. он сделал доклад в колониальном отделении, в котором высказал мысль, что для успешной реализации и осуществления предложенного им переселенческого плана следовало бы взять за основу английскую и американскую систему иммиграции. По его мнению, особенность этой системы заключалась в том, что, прежде всего, перед началом реализации идеи нужно рассмотреть два принципа в проведении его плана в жизнь:

колониальное отделение перед тем, как начать подготовку к переселению немцев из России, должно отправить специальную комиссию в Восточную Африку для выяснения возможностей экономического характера в этой колонии;

с другой стороны, все желающие переселиться должны были иметь 350 марок на человека.

Такое предложение было новым для колониальных кругов Германии, однако оно объединяло две существенные проблемы: во-первых, переселение малоимущих крестьян-немцев из России, а во-вторых, на их основе создание мелких крестьянских хозяйств в совершенно ином, экономически не освоенном регионе. Мысль о возможности переселения из России Розенберг высказал вновь в письме от 4 ноября 1905 г. правительственному советнику Мейеру: «Если российские немцы не будут переселены в наши колонии, то тогда они будут переселяться в Канаду, где они также будут вынуждены бороться за своё существование. Почему, спрашиваю я, должны наши российские немцы участвовать в обогащении Англии, а не потрудиться для Германии. Я готов предоставить мой переселенческий план для ознакомления»[4].

25 ноября 1905 г. пастор Розенберг был приглашён колониальным отделением для обсуждения проблемы переселения «восточных немцев». На этой беседе присутствовали доктор Штюбель, действительный статский советник Лейтц и правительственный советник Мейер, которые во время беседы высказали мнение о трудностях в реализации предложенного плана. Однако Розенберг настаивал на реализации своей идеи, обосновывая свою позицию тем, что первые переселенцы из немецких земель в Россию имели ещё больше трудностей. Настойчивость Розенберга убедила правительственные и колониальные круги в том, что использование российских немцев для переселения является более приемлемым вариантом при колонизации восточноафриканских владений. Колониальное отделение подтвердило, что каждая переселенческая семья получит 50 га земельных угодий, но по вопросу о предоставлении немецкого гражданства для иностранцев в колонии развернулась дискуссия. Однако было решено, что для иммигрантов это не должно составлять трудности после их переселения.

В заключительной части беседы пастор Розенберг подчеркнул, что эти обещания со стороны колониального ведомства соответствуют его ожиданиям по реализации предложенного им переселенческого плана. У него не было сомнений в том, что он найдёт многочисленных желающих переселиться, и в этом плане он возлагал большие надежды на переселенческие семьи с взрослыми детьми.

26 ноября 1905 г. Розенберг получил ещё одно письмо от колониального отделения, в котором высказывалась мысль, что средства для миграции смогут получить только первые 50 семей. В письме подчёркивалось, что для переселенцев требуются определённые средства, которые не могут превышать 1000 марок на семью. 8 января 1906 г. от губернатора Восточной Африки Гетцена пришло согласие на организацию в колонии переселенческой деревни с 50 крестьянскими дворами, общей площадью 2500 га. После этого в немецкой прессе появился ряд статей относительно реализации этого плана. В частности, стоит упомянуть статью Шредера-Поггелова, опубликованную в газете «Berliner Neueste Nachrichten»[5]. Шредер-Поггелов был одним из значительных членов колониального движения, и в своей

статье он подверг резкой критике план Розенберга и позицию губернатора Восточной Африки по вопросу заселения колонии выходцами из России. Критика Шредера-Поггелова была направлена на три основных пункта предложенного плана переселения:

1. поддержка переселения русских немцев, а не немцев из Германии;

2. освобождение русских немцев, как иностранцев, от службы в армии;

3. создание мелких переселенческих хозяйств без использования рабочей силы из числа местного населения. По мнению автора статьи, это нарушало престиж белой расы в колонизации данной территории.

В статье позиция колониального отделения рассматривалась как «не патриотическая». Появление этой статьи побуждало немецкое общество не рассматривать «восточных немцев» как часть немецкого народа. Эта статья вызвала опасение в колониальных кругах относительно осуществления данного плана при заселении восточноафриканских колоний. Позицию Шредера-Поггелова поддержал также правительственный советник Хелльвиг, который в письме губернатору Восточной Африки писал, что планируемое переселение немцев из Восточной Европы, в частности из России, нуждается в использовании государственных денег, что в свою очередь вызовет возмущение в немецком обществе и нападки на колониальное управление.

26 января 1906 г. Хелльвиг вновь подчёркивает эту же мысль в телеграмме, отправленной губернатору Восточной Африки Гетцену. В телеграмме отмечалось, что планируемое поселение русских немцев в Восточной Африке подвергается многочисленным нападкам, особенно из-за того, что в плане речь идёт об использования иностранцев, а не имперских немцев. К тому же в немецком обществе нет уверенности, что данный план будет успешным. Эти нападки на проведение колониальной политики были постоянными. Они отражали позицию реакционных кругов в проведении политики заселения восточноафриканских колоний, особенно в отношении использования буров. Эти взгляды нашли своё отражение в резких по содержанию статьях в немецкой прессе. Поэтому, чтобы избежать острого конфликта, колониальное ведомство решило от данного плана отказаться.

После телеграммы Хелльвига губернатору Восточной Африки Гетцену было послано специальное письмо директора колониального ведомства Гогенлое-Лангенбурга, в котором говорилось, что при ближайшем ознакомлении с переселенческим планом Розенберга у колониального ведомства не возникло чувства уверенности в возможности его претворения в жизнь. Однако Гетцен не отказался от своего первоначального решения о возможности создания переселенческого поселения на основе эмигрантов-немцев из России.

В начале 1906 г. состоялось заседание немецкого колониального общества в Эссене, на котором обсуждался вопрос о значении переселения российских немцев в африканские колонии Германии. Также были вынесены на обсуждение вопросы об экономической значимости такого переселения для будущего развития этих территорий. В решениях заседания было зафиксировано намерение колониального ведомства создать в Германии специальное учреждение, которое контролировало бы вопросы иммиграции российских немцев в Восточную Африку. На основе решений эссенского заседания немецкого колониального общества такое учреждение было создано к весне 1906 г. и получило название Восточно-Африканского переселенческого комитета. В функции вновь созданного органа, рассматривающего возможности переселения российских немцев, входили следующие задачи:

1. оказание конкретной материальной помощи немцам – переселенцам из России в Восточную Африку;

2. обеспечение иммигрантов земельными наделами;

3. создание на основе переселения немцев из России компактного европейского поселения в восточноафриканской колонии[6].

Чтобы избежать дальнейших трений с немецкой общественностью, в колониаль-

ном отделении возникла также идея организации специального комитета, который должен был состоять из лиц, отвечающих за организацию и переселение российских немцев в Восточную Африку. В этот комитет, естественно, должен был войти пастор Розенберг, а также Эдуард Воерманн, директор Восточноафриканской пароходной компании.

10 апреля 1906 г. пастор Розенберг дал согласие на организацию комитета, а также высказал окончательные предложения по этому поводу. Со стороны Розенберга его стремление организовать переселение немцев из России подкреплялась ещё и тем, что в Острово «почти каждый день приезжают немцы из России, которые хотят получить разъяснения по “африканскому вопросу”». Розенбергу приходило также огромное количество писем с аналогичными вопросами. Так, например, в письме Иохана Бетцольда от 20 апреля 1906 г. из немецкой колонии Николаевка на Кавказе прямо отмечалось, что «когда в Восточную Африку будет возможно переселение, которое для нас, немцев России, будет выгодным, большинство из нас будет готово к переселению»[7].

План организации поселения российских немцев был передан 30 апреля 1906 г. немецкому Восточно-Африканскому переселенческому комитету на заседании колониального общества, на котором присутствовал пастор Розенберг. Для координации вопросов, касающихся организации переселения российских немцев в африканские колонии Германии, от колониального общества был выделен специальный референт по восточноафриканским делам государственный советник доктор Шпальдинг, а также были переведены определённые средства.

Ещё 31 марта 1906 г. в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» была опубликована статья, в которой сообщалось: «Пастор Розенберг из Латовица, провинция Познань, обратился к колониальным службам с предложением о переселении определённой части немцев из России и использовании их при колонизации восточноафриканских колоний Германии»[8].

25 апреля 1906 г. Розенберг отправил телеграмму в колониальное ведомство, в которой сообщал, что среди российских немцев имеются желающие переселиться в Восточную Африку. Идея эмиграции российских немцев в колонии Германии в письмах Розенберга обосновывалась их тяжёлым экономическим положением в немецких колониях России, а также желанием самих колонистов изменить своё экономическое состояние путём эмиграции[9]. Он предлагал также, чтобы переселение российских немцев в Восточную Африку и его организацию взял на себя Восточно-Африканский переселенческий комитет. По его мнению, переселением могут быть охвачены целые районы, в которых проживают российские немцы, что, в свою очередь, может привлечь к переселению тысячи представителей этого этноса.

В своих письмах пастор Розенберг также отмечал необходимость финансовой помощи переселенцам. Однако колониальные круги не поддержали это мнение. В частности, секретарь правительства Германии фон Шпалдинг в ответном письме пастору Розенбергу писал следующее: «Колониальное управление не имеет таких средств, чтобы организовать массовое переселение российских немцев в Восточную Африку»[10].

Историческое значение писем Розенберга в том, что адресат в них указывает конкретные области Российской империи, откуда могла идти эмиграция российских немцев в восточноафриканские колонии Германии.

Переписка пастора Розенберга с колониальным ведомством показывает, насколько остро стоял вопрос об использовании российских немцев в колониальных мероприятиях Германии. Вопрос о переселении российских немцев и их использовании при освоении северных районов этой колонии широко обсуждался в прессе Германии и различных союзах, тем или иным образом связанных с колониальными вопросами.

После предложения Розенберга об использовании российских немцев в колониальных мероприятиях Германии в Восточной Африке прошло определённое время,

прежде чем колониальное ведомство приступило к осуществлению каких-либо конкретных шагов относительно этого вопроса. Несмотря на высказанное пожелание создать переселенческую колонию из числа российских немцев, губернатор Восточной Африки Гетцен всё-таки очень осторожно подходил к вопросу заселения северных регионов колонии. Его позиция объяснялась тем, что в этом районе не имелось нормальных дорог, и прежде всего железнодорожной сети, что, по его мнению, осложняло бы заселение этого региона выходцами из России[8].

Пастор Розенберг, будучи инициатором и организатором этого мероприятия, продолжал настойчиво требовать дальнейшего рассмотрения вопроса о возможности использования большего числа российских немцев при колонизации Восточной Африки. По мнению Розенберга, сложность переселения немцев из России в Восточную Африку заключалась в том, что большинство потенциальных переселенцев не имело нужных средств для этого. В связи с этим Розенберг обратился с новым предложением к государственному секретарю Шпальдингу – оказать материальную помощь переселенцам. Помимо этого, Розенберг предпринял ещё одну попытку формирования заинтересованности колониального ведомства в этом вопросе. Он направил письмо на имя директора колониального ведомства при министерстве иностранных дел Германии Гогенлое-Лангебургу, в котором пояснил общую ситуацию в среде российских немцев, особенно в поволжских колониях.

В частности, в этом письме от 12 июля 1906 г. он писал, что «с поволжских колоний, а именно из Самарской и Саратовской губерний, приходят устные сообщения об экономическом состоянии немецких колонистов». Далее Розенберг предлагал использовать поволжских немцев в колонизационных мероприятиях Германии в Восточной Африке. Он отмечал, что «это может быть не только область Килиманджаро-Меру, где уже началось заселение российскими немцами, но и другие области Восточной Африки»[9].

В результате этого в Восточную Африку было переселено 22 семьи с Волги. Переселение немцев с Кавказа и немецких колоний на Волге шло по двум направлениям. Первая группа переселенцев-немцев с Кавказа, искавших возможность через Германию эмигрировать в Канаду, добралась до провинции Познань, откуда была отправлена в Гамбург, а из Гамбурга далее в Восточную Африку. Другая группа добралась до местечка Мютценхаузен, где обратилась в Евангелический союз с просьбой о своей отправке в Восточную Африку. В этой группе было немало эмигрантов из немецких колоний на Волге[13]. В августе 1906 г. Переселенческий комитет послал своих представителей, штабного врача Арнинга и капитана колониальной службы Лейе[14], в Острово, чтобы они ознакомились на месте с контингентом желающих переселиться в Восточную Африку. Позже они свидетельствовали, что при отправке российских немцев из Гамбурга им были разъяснены цели и задачи этого переселения в северные регионы Восточной Африки. Поэтому поводу «Deutsch-Ostafrikanische Zeitunng» ещё в мае 1906 г. поместила статью, которая сообщала, что «создание поселения российских немцев в районе Узамбары нужно принять с полной серьёзностью, так как энергия, которую приложил пастор Розенберг, способствовала реализации этого плана»[15].

24 октября 1906 г. «Usambara Post» писала, что «прибыли пароходом в колонию семьи российских немцев для того, чтобы создать здесь поселение в районе Килиманджаро-Меру. Это смогло осуществиться через посредничество пастора Розенберга в Острово»[16]. Немецкое колониальное общество и имперское правительство давали материальную помощь российским немцам-переселенцам. Германия выделяла для этой цели от 850 до 1600 рейхсмарок, при этом учитывая семейное положение каждого отдельно взятого переселенца. Кроме финансовой помощи от немецкого колониального общества российские немцы-переселенцы после прибытия в Восточную Африку получали также материальную помощь от Пере-

селенческого комитета в размере 3000 рупий. Для заселения области Узамбары российскими немцами немецкое колониальное общество выделило 100 тыс. марок[17].

Примечания

[1] Пастор Иосиф Розенберг родился 19 марта 1861 г. в местечке Гостынин (русская Польша). Учился в Дерпте и Лейпциге. В 1889 г. сдал экзамен, став пастором в деревне Константиново недалеко от Лодзи.

[2] См. *Sommer, Franz Erich.* Die Einigungsbestrebungen der Deutschen im vorkriegs Russland (1905–1914). Leipzig, 1940. S. 47–48.

[3] *Zechlin, Egmont/Ruppel,* Edith: Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch-Ostafrika. Leipzig, 1944. S. 11.

[4] Ibid. S. 64.

[5] Berliner Neueste Nachrichten vom 23.01.1906, Nr. 36.

[6] Deutsche Kolonialzeitung, № 20 (1906). S. 91.

[7] *Zechlin, Egmont/Ruppel*. Op. cit. S. 67.

[8] Deutsch-Ostafrikanische Zeitung vom 31.03.1906. Nr. 13.

[9] *Шмидт В.* Эмиграция российских немцев в Восточную Африку (1906–1907): из колониального прошлого Германии // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 571.

[10] *Zechlin, Egmont/Ruppel.* Op. cit. S. 23.

[11] *Tezlaff, Rainer.* Koloniale Entwicklung und Ausbeutung. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Deutsch-Ostafrikas 1885–1914. Berlin, 1970. S. 110–111.

[12] *Zechlin, Egmont/Ruppel.* Op. cit. S. 68–69. Письмо священника Розенберга директору колониального ведомства внешнеполитического ведомства, наследному принцу Гогенлое-Лангебургу от 12/20 июля 1906 г.

[13] Deutsche Kolonialzeitung. Berlin, 1907. Nr. 24. S. 240.

[14] Август Лейе родился 1 октября 1854 г. в Дюльцене при Миндене в Вестфалии, обучался в высшей технической школе в Ганновере. В начале 1880-х гг. примкнул к колониальному движению. Был секретарём общества немецкой колонизации, затем секретарём Немецкого Восточно-Африканского общества. В 1887 г. организовал поселение Дарессалам и в 1888 г. ввёл там немецкое управление. В 1907–1919 гг. был представителем Немецкого Восточно-Африканского переселенческого комитета в Лейдорфе. Во время Первой мировой войны был выслан в Германию. Умер в 1922 г.

[15] Deutsch-Ostafrikanische Zeitung vom 20.05. 1906. Nr. 20.

[16] Usambara Post. Nr. 51 vom 24.10.1906.

[17] *Samassa, Paul.* Die Besiedlung Deutsch-Ostafrika. Leipzig, 1909. S. 63.

Т.В. Котюкова

«ОЧЕРК БЫТА ЖЕНЩИНЫ ОСЕДЛОГО ТУЗЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНЫ» В.П. И М.В. НАЛИВКИНЫХ

Неопубликованные рецензии

На страницах журнала «Восточный архив» в 2010 г. мы уже знакомили читателей с воспоминаниями о В.П. Наливкине его внука, дочери и снохи[1]. В 2015 г. Издательским домом «Марджани» была опубликована книга, посвящённая выдающемуся русскому этнографу и туркестановеду Владимиру Петровичу Наливкину «Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды»[2], в которую авторскому коллективу, помимо переиздания самых известных работ, удалось включить много новых архивных материалов, проливающих свет на неоднозначные и даже порой скандальные страницы биографии Наливкина.

Но как это нередко бывает, когда книга была полностью готова и находилась в типографии, в архивах были обнаружены ранее не публиковавшиеся рецензии на, пожалуй, самую важную и уникальную работу Владимира Петровича, написанную в соавторстве с женой Марией Владимировной, «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», изданную в 1886 г. в Казани. Эти рецензии не вошли в новую книгу, но мы хотим познакомить с ними читателей журнал «Восточный архив».

Владимир Петрович и Мария Владимировна Наливкины, учёные-самоучки, прожили в Туркестане без малого полвека (в 1870–1918 гг.). После падения Временного правительства их жизни трагически оборвались, но остались их научные и публицистические труды о Средней Азии.

Под началом генерала М.Д. Скобелева В.П. Наливкин участвовал в Хивинском и Кокандском военных походах 1873–1875 гг. Суровая проза жизни быстро развеяла его юношеские иллюзии. Простившегося с военной службой в 1876 г. Наливкина назначили помощником начальника Наманганского уезда Ферганской области. Здесь он столкнулся с рядом трудностей в связи с незнанием языка, быта, истории края и хотел восполнить эти пробелы, несмотря на отсутствие специального востоковедческого образования. В 1878 г., оставив карьеру чиновника, вместе с женой Марией Владимировной Наливкин поселился в урочище Радван среди кипчаков, а затем в небольшом кишлаке Нанай, где чета Наливкиных прожила шесть лет. Результатом этого «хождения в народ» стало создание двух уникальных для своего времени работ: «Русско-сартовского и сартовско-русского словаря» и «Очерка быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», высоко оценённых Русским Императорским географическим обществом. Наливкин быстро завоевал репутацию человека, обладающего обширными знаниями о Туркестане, причём не только среди чиновников краевой администрации, но и среди выдающихся отечественных востоковедов того времени.

Первый публикуемый ниже документ – отзыв академика Николая Ивановича Веселовского на книгу супругов Наливкиных «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», изданную в 1886 г. в Казани. Несмотря на то, что в заглавии отзыва в качестве автора упоминается только Владимир Петрович Наливкин, Веселовский подчеркивает огромный вклад в написание книги Марии Владимировны Наливкиной. Веселовский называл Марию Владимировну «первой русской женщиной-этнографом» и считал её не только соратницей и помощницей, а полноценным соавтором Владимира Петровича. Отмечая не только научное, но и практическое значение «Очерка», Веселовский рекомендует «вполне сознательно» использовать его в системе администрирова-

ния для улучшения управления Туркестаном.

Вторая рецензия принадлежит некоему Лебедеву. Кто это – мы сейчас можем только гадать, поскольку в самом документе и исторической справке к фонду, имеющейся в АРГО, отсутствует какая-либо дополнительная информация, включая инициалы. Позволим себе предположить, что это Н.А. Лебедев, в 1910 г. временно исполнявший обязанности начальника Капальского уезда Семиреченской области. В архиве сохранилось небольшое этнографическое исследование Лебедева «Киргизская песня, записанная в Каркалинском уезде Семиреченской области»[3]. Из текста рецензии понятно, что автор очень хорошо был знаком с туркестанскими реалиями и жизнью коренного населения края. Так же, как Веселовский, Лебедев отдельно отмечает вклад Марии Владимировны в подготовку «Очерка».

Рукопись рецензии академика Веселовского хранится в Архиве Института истории материальной культуры РАН (ИИМК) в Санкт-Петербурге в личном фонде Н.И. Веселовского. Рецензия Лебедева – в Архиве Русского географического общества (РГО) в фонде (разряде) «Ферганская губерния».

Публикуется с учётом современных правил орфографии.

№ 1
Отзыв о работе Наливкина «Очерк быта женщины оседлого туземного населения» (черновой и не закончено)

Вследствие известных особенностей строя семейного быта у мусульман мужское население мало привязано к домашнему очагу, а потому улица и базар имеют для него очень много заманчивого. Описанию этой уличной жизни и посвящены первые главы труда г.г. Наливкиных. Описание картинное, точное. Особенно удалось базаров городского и сельского.

Авторы не только излагают основные начала семейного быта у оседлых туркестанцев, но после везде стараются объяснить причину происхождения того или иного явления их религиозных постановлений. Такие, по-видимому, мелочи, как походка женщины, вся одежда – объясняется из предписаний самого Мухаммеда, а не есть результат личных желаний или капризов.

В «Очерке» представлена вся жизнь среднеазиатской женщины (у оседлых) от колыбели до могилы, жизнь со всеми её тревогами, радостями, надеждами, жизнь во всей её неприглядности, обусловленной обычаем многожёнства. Действительно, положение женщины в Средней Азии крайне печально. За весьма редким исключением, которые не могут идти в счёт, женщина до выхода замуж – раба своих домашних, замужем – она раба мужа, но никогда не подруга жизни, хотя Мухаммед и рекомендовал советоваться со своими жёнами.

Угнетённое положение развило в туземной женщине Средней Азии коварство, лицемерие, страсть к сплетням и другие составляющие… [неразборчиво] черты характера; а ненормальность семейных отношений побудили её искать удовлетворение своих сердечных влечений на стороне, чему способствует и сам костюм женщины. Отчего нравственность их сильно расшатана, а есть места, как Наманган, которые известны необыкновенной лёгкостью поведения прекрасного пола.

Всё это подробно описано и объяснено в книге г.г. Наливкиных.

Относительная свобода получается женщиной путём развода, который у мусульман весьма лёгок, или вдовством. Но так неблагополучно сложилась для женщины жизнь в Средней Азии, что она не знает, что ей делать с этой свободой, и потому всегда готова опять выйти замуж и снова и снова попасть в кабалу.

Как поддерживалась нравственность (собственно наружная) в Фергане до прихода русских, мы можем видеть из этого труда.

В очерке следующие главы: наружность женщины и её одежда, занятия и пища; характер женщины, её привычки, занятия и поведение в отношении окружающих, бере-

менность и роды, детский возраст девочки, сватовство и брак, многожёнство, развод, вдовство и смерть женщины, проституция.

Самые интересные это: характер женщины и пр. (узнаём интимную, самую сокровенную сторону мусульманской женщины); её суеверия, её развлечения и т.д.; затем положение детей дома, воспитание их, их игры, забавы и т.п.

Брак разобран очень подробно.

В ряде книг и трудов по этнографии обращает на себя внимание «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886 г. 244 стр.) В. Наливкина и М. Наливкиной. Под этим заглавием представлен в главных чертах быт всего оседлого населения мусульман Средней Азии, а потому этот труд имеет для нас двоякое значение: научное и практическое. В названной книге мы знакомимся с понятиями и взглядами наших инородцев Туркестанского края на их частную и общественную жизнь и узнаём строй этой жизни, основанной, с одной стороны, на религиозных постановлениях, а с другой – выработанной историческими событиями в течение многих и многих столетий, а ознакомившись, можем действовать по отношению к этим нашим подданным уже не наугад и не по ощущению, как прежде, а вполне сознательно.

Труд, в роде названного, был нам давно необходим. И если для описания быта мужского населения сделано несколько попыток, более или менее удачных, то быт женщины был известен нам скорее понаслышке, чем путём личного изучения. И это понятно. Проникнуть на женскую половину и приподнять скрывающую её завесу может только женщина. У оседлых мусульман семейная жизнь скрыта от посторонних, т.е. скрыта от мужчин.

Чтобы изучить быт женщины – нужно немало. Нужно знание местных языков, а этим знанием обладают весьма немногие, даже из старожилов, свидетелей взятия Ташкента или близких к тому времени. Госпожа Наливкина объясняется с туземцами вполне свободно, как на родном языке. Дальше нужна наблюдательность и время для наблюдений. Умение же наблюдать и подмечать характерные черты обнаруживаются на каждой странице книги, что касается до времени, то очерк мы в этом случае не можем назвать работой скороспелой.

Он оказывается результатом девятилетних наблюдений, причём авторы несколько лет прожили вместе с туземцами, следовательно, наблюдали предмет не издали, а у самого источника.

Н.И. Веселовский

Архив ИИМК РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2об.

Подлинник. Рукопись.

№ 2
Отзыв на г.г. Наливкиных

Из ряда книг и трудов по этнографии обращает на себя особое внимание «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», В. Наливкина и М. Наливкиной (Казань. 1886 г.)

Под этим названием представлен в главных чертах быт всего оседлого населения мусульман Средней Азии, а потому, кроме научного значения, он имеет ещё и практическое. В названной книге мы знакомимся с понятиями и взглядами наших инородцев Туркестанского края на свою частную и общественную жизнь. Из неё узнаём строй этой жизни, основанной с одной стороны на религиозных постановлениях, а с другой – выработанной историческими событиями в течение многих и многих столетий; а ознакомившись с этим строем, можем действовать по отношению к нашим среднеазиатским подданным уже не наугад, не ощупью, как прежде, а вполне осознанно. Труд вроде названного был нам давно необходим, но осуществить его было нелегко. Если для описания быта мужского населения сделано несколько попыток более или менее удачных, то быт женщин был нам известен скорее понаслышке, чем путём личного изучения. И это понятно. Проникнуть на женскую половину и заглянуть за скрывающую её завесу может только женщина. У оседлых му-

сульман семейная жизнь скрыта от посторонних мужчин, а потому наши исследователи в крае, при всём своём добром желании, не имели никакой возможности близко узнать эту жизнь.

Чтобы изучить быт женщины туземного населения, требуется знание местных языков, способность наблюдать и время для наблюдений. Г-жа Наливкина объяснялась с туземцами вполне свободно, умение же наблюдать и подмечать характерные черты обнаруживается на каждой странице книги, а что касается до времени, то «Очерк» никак нельзя назвать скороспелой работой: он является результатом 9-летних наблюдений, причём авторы несколько лет прожили вместе с туземцами, следовательно, наблюдали предмет не издали, а у самого источника.

Вследствие известных особенностей строя семейного быта у мусульман мужское население их весьма мало привязано к домашнему очагу, а потому улица и базар имеют для мужской половины очень много заманчивого. Описанию этой уличной жизни отведено в книге г.г. Наливкиных довольно значительное место. Описание всегда картинное и совершенно верное. Особенно удачно описание базаров сельского и городского. Общественная жизнь изложена вполне удовлетворительно. Здесь же мы знакомимся с занятиями туземцев, ремёслами, торговлей со всеми её особенностями, с пищей и одеждой оседлого населения, с его религиозным состоянием.

Это можно назвать первою частью «очерка». Во второй речь идёт о женщине. Здесь представлена вся жизнь среднеазиатской (оседлого населения) женщины от колыбели до могилы; жизнь со всеми её тревогами, радостями, надеждами; жизнь во всей её неприглядности, обусловленной обычаем многожёнства. Действительно, положение женщины в Средней Азии крайне печально. За весьма редкими исключениями, которые не могут идти в счёт, девочкой она раба своих родителей, которые могут продать её замуж за кого угодно, лишь бы это было им выгодно, замужем она раба своего мужа, но никогда не подруга его, хотя Мухаммед и рекомендовал мужьям советоваться со своими жёнами. Такое униженное положение развило в туземной женщине Средней Азии коварство, лицемерие, страсть к сплетням и другие непривлекательные черты характера; а ненормальность семейных отношений побудила её искать удовлетворения своим сердечным влечениям на стороне, чему немало способствует и сам костюм женщины, для всех одинакового покроя и почти одинаковой материи с густою сеткою на лице. Оттого нравственность их не очень высока, а есть города, как Наманган, которые далеко известны необыкновенною лёгкостью поведения прекрасного пола.

Относительную свободу женщина получает или путём развода, который у мусульман весьма лёгок, или вдовством. Но так неблагоприятно сложилась в Средней Азии жизнь для туземной женщины, что она зачастую не знает, что ей делать с этой свободой, и потому всегда готова снова выйти замуж, чтобы снова попасть в кабалу.

Авторы не только излагают основные начала семейного быта у оседлых туркестанцев, но почти везде стараются объяснить причину происхождения того или другого явления из религиозных постановлений. Такие, по-видимому, мелочи, как походка женщины, её одежда объясняются из предписаний Корана, а не есть результат личных желаний или личного каприза.

Вдаваться в подробности я не буду; перечислю только, что в «Очерке» описываются: наружность женщины и её одежда, занятия и пища, характер женщины, её привычки, занятия и поведение в отношении окружающих, беременность и роды, детский возраст, сватовство и брак, многожёнство, развод, вдовство и смерть женщины, проституция. Все эти главы представляют большой интерес, знакомят нас с новыми особенностями туземного быта, но едва ли не самой интересной следует признать главу: характер женщины, её привычки, занятия и поведение в отношении окружающих. Здесь нам раскрывается самая сокровенная, интимная сторона мусульманской женщины, её суеверия, развлечения, умственный кругозор и

т.д. В следующей главе знакомимся с положением детей вообще, их домашним воспитанием, их играми, забавами и т.п. Брак описан очень подробно и приведены статьи шариата, на которых он заключается.

Словом, «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» принадлежит к числу таких трудов, которые именно и желательны от наших деятелей на окраинах; им и только им и могут быть доступны подобные труды. «Очерк» же г.г. Наливкиных займёт почётное место в нашей литературе о Востоке.

Лебедев

Архив РГО. Разряд 74. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2об.

Рукопись. Подлинник.

Примечания

[1] *Котюкова Т.В.* Антипод «человека в футляре». Воспоминания о В.П. Наливкине // Восточный архив. 2010. №. 1 (24).

[2] Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. М., 2015.

[3] Архив РГО. Разряд 70. Оп. 1. Д. 120 .

В.В. Беляков

У ИСТОКОВ СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Отчёт представителя ВОКС в Каире за 1944 год

26 августа 1943 г. между Советским Союзом и Египтом были, наконец, установлены дипломатические отношения, и в ноябре того же года в Каире была учреждена советская дипломатическая миссия. На первое время главным направлением в деятельности миссии было налаживание культурных связей, благодаря которым можно было бы рассказать и о героической борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков, и о советской действительности. Да и собственно нашу культуру из-за отсутствия более чем четверти века межгосударственных отношений в Египте практически не знали. Хотя в русской эмигрантской общине были и музыканты, и деятели культуры и искусства, и учёные, число их было невелико, и знакомы с их творчеством были немногие, причём в основном не собственно египтяне, а осевшие в стране европейцы.

Одному из сотрудников советской миссии в Каире было поручено представлять в Египте Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). Публикуемый документ представляет собой отчёт о первом годе деятельности ВОКС в Египте, когда только закладывались основы будущих отношений двух государств в области культуры. Он интересен ещё и тем, что содержит штрихи и к обстановке в Египте, и к состоянию египетской культуры.

* * *

Отчёт о работе уполномоченного ВОКС при миссии СССР в Каире за 1944 год

В течение отчётного периода 1944 года в качестве уполномоченного ВОКС в Египте работали три человека: тов. Султанов с момента приезда миссии в Египет, т.е. с ноября 1943 г., по 11 апреля 1944 г., тов. Соколов с 11 апреля по 10 августа 1944 г. и я с 10 августа по настоящее время.

I. Обстановка работы.

Первое, с чем пришлось здесь столкнуться по работе ВОКСа, это то, что здесь до нашего приезда вообще отсутствовали культурные связи с местными кругами. Никаких знакомств, никаких наводящих справок в этой области не было. Естественно, первое время пришлось работать вслепую в незнакомой обстановке, поэтому большая часть времени ушла на всякого рода розыски и выяснения о существовании различного рода обществ и организаций, встречи и заведение знакомств в кругах местного египетского общества.

Нечего говорить, что обстановка для работы была исключительно трудной. До нашего приезда сюда о Советском Союзе знали очень мало или, лучше сказать, ничего не знали. Все те сведения об СССР, которые сюда проникали, были страшно извращены и дики до невероятности. К нам с большим интересом присматривались и старались узнать, что мы за люди и какие можно с нами иметь отношения.

С нарастанием величайших побед нашей Красной Армии и здесь возрастал интерес к Советскому Союзу. К нам стали обращаться по различным вопросам, и мы постепенно знакомились с обстановкой. Росли знакомства с тем кругом, который мы имеем на сегодняшний день. Он продолжает расти, расширяться, углубляться, отсеиваются случайные знакомые и крепнут более устойчивые, которые искренне желают быть в контакте с нами по линии культурных и деловых связей.

Правда, вся наша работа всё ещё встречает сильное противодействие со стороны

официальных [кругов] и некоторых видных деятелей Египта, а ещё более со стороны могущественных здесь органов английской и американской пропаганды, которые совершенно беззастенчиво стоят за спиной египтян и противодействуют нашей работе.

II. Использование материалов ВОКСа.

1. Выставки.

В 1944 г. из присланных вами выставочных материалов мы организовали и показали 4 выставки, из них 2 показали в Каире и 2 в Александрии. Первая выставка под названием «Разрушение немецкими варварами памятников культуры», дополненная материалами выставки «Дети – жертвы гитлеризма», была показана в Каире в марте 1944 г. Эту выставку организовал и показал в Каире комитет «Лиги прав человека и гражданина» под общим руководством и указанием миссии. («Лига прав человека и гражданина» организована здесь французами и состоит исключительно из французов. Председатель комитета Лиги француз проф. Жан Рапнуй).

После показа этой выставки в Каире среди арабов пошли разговоры о том, что советскую выставку организовали и показали в Каире не местные жители арабы, а иностранцы-французы и в их помещении (выставка была устроена в помещении комитета Лиги). Мы учли эти разговоры и решили показать эту выставку в Александрии от имени советской миссии. Но в вопросе о помещении мы встретились с непреодолимыми трудностями. У арабов помещения не оказалось, и нам пришлось устраивать выставку в помещении общества художников «Ателье», членами которого в большинстве являются иностранцы: греки, итальянцы и другие.

Как в Каире, так и в Александрии на этой выставке были использованы и дополнительные материалы, как-то фотоальбомы «Блокада Ленинграда», «Таня-партизанка», альбом «Карикатуры советских художников», а также использованы некоторые плакаты и окна ТАСС.

Вторая большая выставка под общим названием «СССР в войне», составленная из материалов «Урал – арсенал Красной Армии», «Ленинград – Сталинград», «Лауреаты Сталинской Премии», «Советское здравоохранение», была показана в Каире в июле м-це, а затем повторена в Александрии в октябре м-це.

На этой выставке были также использованы фотоальбомы «Герои Советского Союза», «Военные фотокорреспонденты», фотохроника, фотоподборка и другие.

Эта выставка была подготовлена и проведена исключительно силами миссии.

На всех наших выставках были устроены столы, где мы раскладывали книги, журналы, брошюры и т.д., которые с удовольствием рассматривались посетителями. Брошюры усиленно разбирали посетители выставки, главным образом представители беднейших слоёв местной арабской интеллигенции и населения. Эти люди с большим интересом осматривали наши фотографии на выставке и были рады получить какую-нибудь книжку или брошюру о Советском Союзе, об этой чудесной стране, о народе, жизнь которого является заветной мечтой каждого бедного араба.

Ваше замечание о том, что мы якобы игнорировали ваше указание о правильном показе наших выставок, мы не можем принять полностью на себя по следующим причинам: во-первых, вам хорошо известно, что мы здесь до сих пор не имеем помещения не только для выставки и вообще для работы ВОКСа, т.е. помещения типа клуба или общества, где можно было показать выставку и другие наши материалы. Этот, казалось бы, маленький вопрос стоит для нас очень большой проблемой. В других помещениях, где устраивают свои выставки другие организации, нам надо становиться на очередь чуть ли не за полгода, т.е. наряду со всякими мелкими организациями армянскими, коптскими или же частными художниками, которые устраивают в этих помещениях выставки своих картин для распродажи.

Большие организации и дипломатические миссии здесь мало устраивают свои

выставки, за весь 1944 г. были показаны по одной только выставке у чехов, югославов и французов.

Англичане устраивают чаще, но для них все помещения открыты и без всякой очереди.

Во-вторых, те выставки, которые показывали в Каире, мы должны были в том же виде показывать и в Александрии, т.е. как было разрешено цензурой и имелась договорённость с МИДом, иначе всё оформление разрешения на выставку нужно было делать сначала.

Относительно расположения фотографий в два ряда надо сказать следующее. Если вы помните выставку «Урал – арсенал Красной Армии», которая имела фотографии величиной в развёрнутый газетный лист, а некоторые фото в рост человека, то нам трудно понять, почему нужно было развешивать эти фотографии на уровне роста человека. Тогда мы не смогли бы показать и половины всех выставочных материалов или же нам понадобилось бы помещение размеров Эрмитажа в Ленинграде, и только тогда мы смогли полностью разместить все наши материалы по указанной вами схеме. Посоветовавшись с руководством миссии, мы решили показать материалы только в таком виде, и другого выхода у нас не было.

Все наши выставки, показанные в Каире и в Александрии, прошли вполне успешно, т.к. результаты этой работы стали чувствоваться немедленно. К нам стали больше обращаться по всякого рода вопросам. Среди них наиболее частые запросы о государственном устройстве СССР, о работе нашей промышленности и сельского хозяйства, образовании, здравоохранении и т.д. (подробнее см. в разделе «Характер запросов»).

Подвижные фотовыставки «А.М. Горький» и «М.Ю. Лермонтов» мы пока не смогли использовать, т.к. они, во-первых, на русском языке, а во-вторых, у нас нет помещения, где бы мы смогли их показать как выставки.

Материалы, присылаемые вами, например, альбомы, различные сборники, мы использовали в качестве дополнительных материалов на выставках, которые мы клали на столы для осмотра их посетителями. И надо сказать, что эти альбомы привлекали большое внимание посетителей. Особенно следует отметить сборники по Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, павильоны Армянской, Грузинской, Таджикской, Узбекской ССР. Многие просят подарить им эти книги или фотографии и очень обижались, когда мы им отказывали в этом, т.к. имели всего только по одному экземпляру. Были даже случаи хищения отдельных фотографий из альбомов. Многие сборники из-за интенсивного просматривания потрёпаны до такой степени, что мы не можем их больше показывать.

2. Книги.

Книг в хороших изданиях в 1944 г. нами было получено очень мало. Из того, что мы получили от вас, бóльшую часть мы роздали в качестве подарков различным лицам, помогавшим нам в устройстве наших выставок, а также хорошо знакомым журналистам, профессорам, художникам и общественным деятелям, в большинстве случаев лицам, которые в определённой степени зарекомендовали себя в качестве людей, благоприятно относящихся к Советскому Союзу и в отношении которых может быть некоторая уверенность, что они используют наши книги надлежащим образом.

Все такого рода подарки мы делали с ведома и разрешения руководства миссии – посланника или в е г о отсутствие поверенного в делах.

По одному экземпляру присылаемых книг имеется у уполномоченного ВОКС для всевозможных справок и дачи ответов здесь на месте на поступающие запросы.

Присланные вами материалы в адресаты аккуратно передаются по назначению. Материалы, поступившие в наше распоряжение, например, календари за 1944 г. и за 1945 г., мы разослали в качестве подарков некоторым влиятельным лицам, издательствам, редакциям газет и журналов, общественным деятелям и научным обществам. Интерес к этому календарю огромный, им

пользуются как справочным материалом о Советском Союзе.

Те лица, которые хоть немного информированы о действительности в Советском Союзе, литературе, идущей из Лондона, не доверяют, а прямо просят книги о Советском Союзе, изданные в Москве.

Из присылаемого вами книжного фонда мы стараемся по возможности удовлетворять поступающие к нам запросы на месте и в некоторых случаях обращаемся к вам, когда здесь удовлетворить тот или иной запрос не представляется возможным.

Вопрос распространения наших книг и возможность наладить регулярный книгообмен встречает пока большие затруднения в связи с тем, что официальные власти Египта, а за их спиной, несомненно, англичане, боятся широкого проникновения нашей книги в среду египетской массы. Так, например, александрийская библиотека любезно приняла у меня список книг, данный московской библиотекой им. Ленина, обещала подобрать книги по этому списку, составить свой список и послать в Москву, но до сих пор ничего не сделала. На мои повторные запросы отвечает, что они ещё не отобрали книги. Моя попытка договориться об установлении регулярного обмена литературой по научным и культурным вопросам между египетской центральной библиотекой и советской библиотекой им. Ленина в Москве успеха не имела. Дирекция библиотеки прямо заявила, что они могут производить обмен книгами только непосредственно через министерство иностранных дел Египта и теми книгами, которые оно разрешит. Если вы найдёте желательным установление хотя бы такого обмена с официальным правительственным фильтром, прошу сообщить об этом нам, и миссия поставит тогда вопрос перед МИДом.

В книготорговой сети до сих пор не удалось найти какой-нибудь крупный книжный магазин, который согласился бы в Каире, кроме «Ронд Поинт», продавать наши книги. Отказываются под самыми различными предлогами, а самым главным моментом является то, что египетская и английская полиция замечает, кто ходит и покупает советские книги, и иногда приходит и делает обыски дома.

Слухи об этом ходят по Каиру и, конечно, многие боятся этих преследований.

В качестве общего замечания надо прямо сказать, что мы здесь ещё не имеем в достаточной степени твёрдо установившихся и проверенных связей, которые давали бы полную уверенность в том, что наша литература попадает в надёжные руки, ещё очень короткий срок нашего пребывания здесь не дал возможности выявить всё в полной мере. Кроме того, никогда не надо забывать, что здесь существуют могущественные пропагандистские и разведывательные английские органы, которые очень внимательно следят за всей нашей работой здесь и всемерно нам её тормозят.

III. Предложения о переводах и издании в Египте нашей литературы.

Несмотря на целый ряд затруднений, чинимых официальными египетскими властями, а за их спиной англичанами, к нам поступают запросы относительно переводов и переиздания в Египте некоторых наших литературных произведений на арабский или другой язык, как от организаций, так и от отдельных лиц, которые изъявляют желание переводить и издавать наши книги в Египте (см. наше письмо от Акц. об-ва «Ле скриб эжипсьен»). Или, например, сотрудник университета Фуада Магдеддин Насыр написал несколько книжек о Советском Союзе, перевёл книжку Морис Добба «Жизнь в Советском Союзе» на арабский язык. Он просил нас ознакомить его с литературой Советского Союза по социально-экономическим вопросам, промышленности и сельского хозяйства, литературы и искусства и т.д. Любую книгу о Советском Союзе он сможет перевести по нашему указанию и издать, если ВОКС оплатит ему расходы.

Подобные предложения были и от других лиц, которые интересуются жизнью Советского Союза и ему симпатизируют.

IV. Фотоальбомы.

Все фотоальбомы, присылаемые вами, мы показывали на наших выставках, если они только не были адресованы кому-нибудь персонально. Эти фотоальбомы передавались немедленно адресату. Фотоальбом «Советская карикатура», «Шевченко-художник» после показа на выставке были подарены главному устроителю, члену общества художников «Ателье». Фотоальбом выставки «Советская культура за рубежом» и фото-подборка «Танцы народов СССР» и др. фотоматериалы также были использованы на выставке.

V. Фотохроника.

Некоторые материалы мы раздавали в редакции газет и журналов, а также давали отдельным лицам – авторам статей и книг о Советском Союзе. Так, например, дали несколько фотографий зам. директора отдела прессы министерства внутренних дел проф. университета Фуада I Мухамеду Абдель Инену, который пишет учебник по всеобщей истории, где даёт большой раздел о Советском Союзе (см. наше спец. письмо о его запросе), также раздали несколько фотографий другим лицам по их запросам.

Фотовитрину, где мы могли бы периодически вывешивать наши фотографии, нам пока не удалось организовать из-за отсутствия помещения. В миссии устраивать это мы считаем нецелесообразным, а в городе не удаётся достать такое помещение. Причина та же – боязнь представить нам хотя бы окна какого-нибудь магазина, т.к. их немедленно обвинят в советской пропаганде и обрушатся репрессии.

В дальнейшем пока трудно сказать, как нам удастся пробить эту брешь. Возможно, что с организацией общества друзей Советского Союза, может быть, удастся что-нибудь сделать в этой области.

VI. Музыка.

Возможность проката наших музыкальных произведений здесь очень ограничена. Из местных жителей арабов очень мало, кто интересуется европейской музыкой, и тем более русской, потому что о ней арабы почти ничего не знают.

Из иностранцев, особенно англичан и американцев, интересуются и знают только классическую музыку, особенно любят Чайковского, некоторые знают Глинку, Даргомыжского, а из современных Хачатуряна, Шостаковича, некоторые слышали их произведения, будучи в Англии или Америке.

В Египте крупных музыкальных организаций нет, а есть только небольшие кружки любителей музыки семейного типа или круга близких друзей.

Имеющееся в Каире местное музыкальное общество, которое состоит главным образом из европейцев и в большинстве своём армян, имеет замкнутый характер и не проявляет признаков жизни, пропагандой музыки не занимается и не имеет никаких средств для устройства концертов или музыкальных вечеров.

Председатель этого общества г-н Папазьян, армянин, владелец крупного магазина музыкальных инструментов, среди музыкальных кругов Каира он довольно известное лицо, к нам относится благоприятно, но сделать что-либо для пропаганды нашей музыки не имеет возможности.

Больших и хороших оркестров здесь тоже нет, за исключением палестинского оркестра, который время от времени приезжает сюда и даёт концерты. Руководит им теперь вместо Кестенберга Левертов, большой проныра и плут.

Ранее в Каире был небольшой оркестр европейской музыки при каирском радио, но теперь этот оркестр прибрала в свои руки E.N.S.A. (английская военная культурная организация), и этот оркестр целиком перешёл на обслуживание английских военных частей, расположенных на Среднем Востоке.

VII. Концерты.

Как я уже указывал выше, в Каире музыкальных организаций, которые могли бы устраивать концерты от своего имени, нет, иногда приезжает палестинской оркестр и даёт здесь концерты, но он приезжает со

своей программой и бывает здесь короткое время.

Осенью прошлого года был здесь один из дирижёров палестинского оркестра проф. Кац, который вёл переговоры здесь с англичанами и американцами и с нами относительно организации концерта союзных стран, но эти переговоры, как сообщил мне Кац, не были закончены – тянули англичане, и Кац уехал обратно в Палестину, обещал скоро вернуться и до сих пор не приехал. Позже выяснилось, что Кац хотел работать в английской E.N.S.A., но его не приняли, он рассердился и уехал и теперь не показывает признаков жизни.

В данное время бывш. дирижёр каирского оркестра, ныне работающий в чехословацкой миссии, Джозеф Хюттель, пытается организовать концерт музыки славянских стран от имени Советской, Чехословацкой и Югославской миссий. В данное время ведёт переговоры о помещении, получить которое является далеко не лёгким делом.

Концерт намечается на октябрь-ноябрь месяцы [1945 г.]. Кроме того, он вёл разговоры с руководителем палестинского оркестра Левертовым, потребовавшим плату за 2 концерта в Каире 3.200 ег. фунтов. Такую сумму, конечно, нельзя будет покрыть из средств, собранных с концерта. Дотаций на покрытие расходов по концерту ни чехи, ни югославы, а также и мы не имеем, следовательно, с палестинским оркестром пришлось прекратить переговоры.

Хюттель обещал переговорить с оркестром E.N.S.A., который, может быть, удастся взять для этого концерта примерно за 500 ег. фунтов. Эти расходы можно надеяться покрыть от сборов с этого концерта.

По мере развития переговоров и подготовки этого концерта будем вас информировать.

VIII. Ноты.

Присланные вами ноты мы частично использовали в качестве подарков по указанию посланника т. Новикова[1], например, подарили около 30 названий нот греческой принцессе Ирине[2], затем подарили различным лицам, как мадам Азми[3], Пападопуло и другим, около 20 названий. Ноты армянского композитора Спандарьяна[4] были подарены на вечере армянской музыки одному армянскому музыканту. Сборник русских народных песен и 20 нот народных песен подарены югославскому хору народных песен, которые стали с удовольствием их исполнять в своих выступлениях. До этого они знали только одну «Дубинушку», которую исполняли в своих концертах.

Кроме того, мы также дали ноты во временное пользование некоторым знакомым лицам из европейцев, на квартирах которых собираются отдельные любители музыки. Таким образом, в Египте нет солидного музыкального общества, музыкальной школы, и единственный оркестр европейской музыки передали англичанам. Имеющаяся одна известная среди арабской публики певица мадемуазель Колсум[5], которая часто выступает по радио и поёт только хвалебные поэмы королю Фаруку о его славном царствовании.

IX. Кино.

С вопросом продвижения наших кинофильмов в Египте до сих пор дело обстоит неблагополучно, до нашего приезда сюда был заключён договор Союзинторгкино с местным жителем, египтянином Хагаром, который купил примерно около 20 кинокартин и ни одной из них не показал в течение 2-х лет. Мы подозреваем здесь также руку англичан, которые не хотят, чтобы наши картины появлялись на экране в Египте.

Хагар всё время аргументировал тем, что с одной стороны наши кинокартины якобы более худшего качества, чем американские, и к американским фильмам больше привык кинозритель, поэтому, чтобы приучить публику к советским картинам, надо давать самые лучшие картины и более современные и по возможности избегать военной тематики, т.к. якобы здешняя публика не любит смотреть военные картины. Кроме того, почти все сколько-нибудь значительные кинотеатры связаны годовыми контрак-

тами с крупнейшими американскими фирмами и получают регулярно картины и кинохронику (подробный отчёт т. Белого послан в Союзинторгкино).

В 1944 г. было организовано 3 общественных кинопоказа: в Александрии «Битва за Орёл» и два в Каире – «Сталинград», показанный египетским комитетом помощи Советскому Союзу[6], и от имени миссии хроникально-документальные кинофильмы «Узбекистан» на арабском языке, «Кёльн – Люблин», «Конвоирование пленных немцев в Москве». Эти просмотры прошли весьма успешно, и в результате интерес к нашему кино здесь значительно повысился, к нам стали чаще обращаться по вопросам связи с нашими кинокругами и возможности организации проката наших кинокартин. Но все эти предложения не солидные и дают пока мало надежды на улучшение положения нашего кино здесь.

В начале апреля с.г. [1945] в Каир приезжал уполномоченный Союзинторгкино в Тегеране тов. Белый с целью познакомиться и выяснить положение с прокатом наших фильмов. Он разорвал контракт с Хагаром, перепродал эти картины фирме «Беронд», которая дала заверения, что она пустит в прокат эти кинокартины, но как это выйдет в действительности, пока сказать трудно. Без длительной аренды или постройки своего кинотеатра здесь на широкое проникновение наших кинокартин рассчитывать пока трудно. Очень сильна конкуренция американцев, и они уже имеют здесь очень сильные позиции, свой кинотеатр, лучший в Каире, и имеют специальные представительства крупнейших кинофирм «Фокс», «ЭРКАО», «Метро Гольден Майер» и др. с квалифицированным и хорошо подобранным штатом киноработников.

X. Радио

С каирской радиостудией имеется договорённость о включении в программу музыкальных передач наших советских пластинок для передачи по местному каирскому радио русских народных песен. Теперь периодически передаём партии присланных вами патефонных пластинок в радиостудию. Часть пластинок с армянской музыкой мы подарили местным армянским организациям и некоторым другим лицам, помогающим в нашей работе и интересующимся советскими песнями.

XI. Характер поступающих запросов.

Все поступающие запросы мы, как правило, стараемся удовлетворить на месте из числа имеющегося книжного фонда ВОКС, и только наиболее важные и имеющие серьёзное значение мы направляем вам и получаемые от вас материалы передавали адресатам.

Запросы можно разделить примерно на три части:

1. Группа лиц, которые симпатизируют Советскому Союзу и искренне хотят знать действительность Советского Союза и содействовать росту популярности СССР среди египтян. К сожалению, эта группа ещё немногочисленна.

2. Группа лиц из любознательности и благодаря тому, что они очень много слышали лживого о Советском Союзе, хотят узнать и проверить, что правда и что неправда. Сюда относятся дилетанты литературы, второсортные политики, торговцы, которых интересует вопрос открытия торговых отношений и возможность торговли с СССР. Другие просто хотят узнать о Советском Союзе так же, как они, например, знают об Англии или Америке.

3. Группа лиц, это в большинстве молодёжь, которые хотят узнать политический строй, обязательно спрашивают конституцию, организацию органов власти, о коммунизме и т.д. Некоторые из них приходят прямо с запросами о том, как мы организовали Советскую власть и такую сильную Красную Армию и просьбами «научить нас, как это сделать, мы хотим сделать то же у себя здесь в Египте».

Вполне понятно, эти лица возбуждают у нас сильное подозрение как явные провокаторы и специально подосланные люди с тем, чтобы найти какой-либо предлог для обвинения нас в коммунистической пропаганде.

Конечно, среди этих лиц, особенно студентов, есть люди, которые действительно хотят как-то изменить существующее для них тяжёлое положение и естественно обращаются к нам с просьбой указать им путь. Но нам известно, что студенты здесь находятся под весьма строгим наблюдением правительства и особенно англичан, которые давят в самом зародыше возникновение всяких течений свободной мысли среди египетской молодежи.

XII. Спрос на литературу.

[Спрос на литературу] о Советском Союзе всё возрастает, несмотря на все противодействия египетских официальных властей и стоящих за их спиной англичан. Большинство лиц спрашивают, главным образом, серьёзную литературу по вопросам организации и работы органов Советской власти, планирования и работы советской промышленности и сельского хозяйства, устройства колхозов, машинотракторных станций и т.д.

О системе народного образования, работе низших, средних и высших школ, о медицине, работе больниц и профилактических учреждений, о науке, искусстве и литературе, о спорте и т.д. и т.п. Почти все лица, обращающиеся к нам по этим вопросам, просят дать серьёзную научную литературу, и когда мы даём им имеющиеся некоторые брошюры, их берут весьма неохотно.

XIII. Изучение русского языка.

Многие арабы и другие иностранцы, американцы, англичане, французы, греки и др. изъявляют желание изучать русский язык, спрашивают у нас учебники для изучения русского языка. Англичане и американцы для офицерского состава своих армий открыли несколько курсов для изучения русского языка, куда приглашают главным образом в качестве преподавателей белоэмигрантов. Разрабатывают и пишут несколько учебников русского языка для этих курсов. Некоторые офицеры в частном порядке спрашивали у нас также учебники русского языка с английским переводом, но мы им ничего дать не могли. Присланные вами экземпляры учебников, безусловно, не подходят, т.к. им нужен учебник на начальной ступени изучения языка и обязательно с построчным переводом на английский, французский или арабский языки.

По вопросу об организации общества культурной связи СССР и Египта мы сообщим вам специальным письмом следующей почтой.

Уполномоченный ВОКС
(Харламов)

Государственный архив Российской Федерации.

Ф. 5283. ВОКС. Оп. 2а. Д. 37. Л. 73–84.

Машинописный оригинал. Подпись – автограф.

Примечания

[1] Новиков Николай Васильевич (1903–1989) – советский дипломат, в 1943–1944 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посланник СССР в Египте.

[2] Принцесса Ирина (урожд. Ирина Александровна Овчинникова) – дочь эмигрировавшего из России крупного коммерсанта, жена греческого принца Петра – двоюродного брата короля Георга II. Во время фашистской оккупации Греции королевская семья жила в Каире.

[3] Мадам Азми (урожд. Клара Исаевна Розовская) – журналист, выехала из России до революции 1917 г., жена доктора экономики Махмуда Азми, советника короля.

[4] Спандарьян (правильно: Спендиарян, Спендиаров) Александр Афанасьевич (1871–1928) – композитор, ученик Римского-Корсакова, один из основоположников армянской классической музыки.

[5] Колсум (правильно: Умм Кольсум, 1902–1975) – выдающаяся певица, кумир миллионов египтян.

[6] Фильм «Сталинград» был показан в кинотеатре «Опера» 15 мая 1944 г. Просмотр, на котором присутствовал весь цвет местной политической элиты во главе с королём Фаруком, дал старт кампании по сбору средств в Египетский фонд помощи гражданскому населению СССР.

Н.А. Лысенков

ПРИЕЗД НАЗЫМА ХИКМЕТА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В 1951 ГОДУ

История с побегом Назыма Хикмета из Турции через Чёрное море в Румынию и затем в Советский Союз долгое время была известна только по воспоминаниям его жены В.В. Туляковой, которой об этом рассказал сам Назым[1]. На публике он говорил о своём побеге неохотно и на вопрос о том, как ему удалось бежать, обычно отшучивался. Между тем, в российских архивах имеется большое количество документов на данную тему, значительная часть которых до сих пор не опубликована[2]. Опираясь на эти документы, мы можем лучше понять двигавшие Назымом мотивы, вынудившие его покинуть родину, а также мотивы решений советского руководства относительно него.

В 1938 г. Назым Хикмет был осуждён турецким судом в общей сложности на 28 лет и четыре месяца тюремного заключения. Формально его обвиняли в «подстрекательстве к мятежу», но фактической причиной осуждения стали его политические взгляды[3]. Во время длительного заключения поэта поддерживали главным образом его родные и друзья из числа литераторов и журналистов (сочувствующих коммунистической партии Турции или её членов). Советский Союз тогда не принимал заметного участия в судьбе поэта, хотя попытки привлечь внимание Москвы к его положению предпринимались по меньшей мере дважды[4].

Когда в 1949 г. стартовала международная кампания за освобождение Назыма Хикмета из тюрьмы, Советский Союз первое время также не принимал в ней никакого участия. Инициатива принадлежала друзьям поэта из демократических кругов Турции и других стран. В Париже[5] они создали международный комитет за освобождение Назыма Хикмета с участием Пабло Пикассо, Поля Элюара, Луи Арагона[6] и других известных деятелей культуры. Председателем комитета был избран французский поэт румынского происхождения Тристан Тцара[7]. В Турции кампанию за освобождение Назыма вели благожелательно к нему настроенные турецкие газеты[8].

На эту кампанию, хотя и не сразу, обратил внимание советский МИД, и 15 октября 1949 г. И.Н. Бакулин, заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР, направил в ЦК ВКП(б) письмо, в котором предложил организовать аналогичную кампанию, опубликовав статьи в поддержку поэта в странах народной демократии. «Хотя маловероятно, что турецкое правительство освободит Н. Хикмета, однако кампания за его освобождение поможет ещё раз разоблачить реакционность турецкого правительства и вместе с тем будет способствовать оживлению деятельности прогрессивных элементов в Турции», – так мотивировал своё предложение Бакулин[9].

Письмо Бакулина обсуждалось во Внешнеполитической комиссии ЦК (отвечавшей за связи с зарубежными компартиями), что затянулось на несколько месяцев. Наконец, в январе 1950 г. председатель Внешнеполитической комиссии В.Г. Григорьян дал указание написать статью «Преступление турецкой реакции», которая была опубликована в советском журнале «Новое время» (№ 4 за 1950 г.)[10]. С этого момента Советский Союз начал принимать участие в кампании за освобождение Назыма Хикмета из тюрьмы. С апреля 1950 г. материалы о нём регулярно публикуются в прессе, в том числе в «Правде», «Известиях» и «Литературной газете»[11]. В том же году в СССР после длительного перерыва вновь стали переводить и печатать его стихи, а в следующем году вышел уже сборник его произведений[12].

Международная кампания сыграла свою роль, и в марте 1950 г., накануне очередных парламентских выборов, правительство Тур-

ции внесло в меджлис (парламент) законопроект об амнистии, под которую подпадал в том числе Назым Хикмет[13]. Но через две недели законопроект был отозван: сторонники освобождения поэта были уверены, что это было сделано под давлением американцев[14]. В знак протеста Назым и другие политзаключённые объявили голодовку[15], которая началась 8 апреля, в день годовщины убийства турецкого писателя Сабахаттина Али[16]. В Стамбуле проходили демонстрации в поддержку Назыма, в которых приняла участие его пожилая мать Джелиле. 9 мая она вышла на одну из улиц Стамбула с плакатом следующего содержания: «Несправедливо осуждённый мой сын Назым Хикмет объявил голодовку. Я также хочу умереть. Мы постимся и днём и ночью. Те, кто хочет спасти нас, пусть подпишутся под петицией». Джелиле была задержана полицией, но вскоре освобождена[17].

В Турции на фоне всего этого произошла смена режима. На состоявшихся 14 мая выборах в меджлис правящая народно-республиканская партия потерпела сокрушительное поражение, и к власти пришла ранее оппозиционная демократическая партия. В связи с изменившейся обстановкой Назым по просьбе своих сторонников 20 мая прекратил голодовку[18], а 14 июля новый состав турецкого парламента принял закон об амнистии и поправку к нему, позволявшую освободить Назыма, который под эту амнистию не подпадал[19]. На следующий день, 15 июля 1950 г., поэт вышел на свободу[20].

Как впоследствии говорил сам Назым, своим освобождением из тюрьмы он был обязан международному движению солидарности и турецким студенческим организациям, которые организовали демонстрации протеста. «Во время этих демонстраций, когда свыше 150 человек было арестовано и избито, сторонники мира распространили около 100 тыс. листовок. Даже моя престарелая слепая мать вышла тогда на улицы Стамбула с воззванием в руках, под которым подписывались рабочие, служащие, домашние работницы, юноши и девушки, требуя моего освобождения», – сказал он[21].

После выхода из тюрьмы Назым Хикмет женился на своей родственнице Мюневвер Андач, у них родился сын. Несмотря на личное счастье, жизнь на свободе была для него очень тяжёлой. Назым был сторонником дружбы с СССР, а пришедшая к власти демократическая партия по-прежнему придерживалась политики ориентации на США, в частности, Турция послала свои войска воевать в Корею[22]. Внутриполитический режим также не изменился, и КП Турции, к которой принадлежал Назым, оставалась под запретом (эта партия находилась на нелегальном положении практически всю свою историю). О своих переживаниях после выхода на свободу Назым рассказал в стихотворении «Вечерняя прогулка»[23].

Уже после прибытия в Румынию в июне 1951 г. Назым Хикмет написал заявление на имя ЦК Румынской рабочей партии, в котором подробно объяснил, что вынудило его бежать из Турции и как удалось осуществить сам побег. Вскоре после выхода из тюрьмы он получил письмо из Парижа от Всемирного комитета в защиту мира с приглашением принять участие в конгрессе сторонников мира, который должен был состояться в Лондоне[24]. В связи с этим Назым и его друг, журналист Зекерия Сертель в августе 1950 г. обратились в правительство с просьбой выдать им заграничные паспорта. Назым собирался выехать во Францию, а Сертель – в Италию[25]. Полиция Стамбула в связи с этим распространила в прессе ложную информацию, что Назым уже покинул страну[26], что потом было опровергнуто[27].

В ноябре 1950 г. на втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве[28] Назыму Хикмету была присуждена Международная премия мира совместно с Пабло Неруда[29]. Так как Назым не мог присутствовать на присуждении премии, за него произнёс речь чилийский поэт[30]. Награждение Назыма привело к тому, что слежка за ним усилилась, а в турецкой прессе была организована кампания против него, поэта называли «платным агентом русских»[31]. Назым был вынужден ограничить свои контакты и вести размеренный образ жизни, чтобы не

возбуждать подозрений. В декабре он вновь обратился за паспортом, и его адвокату сообщили, что Назыму Хикмету дадут паспорт для выезда в Швейцарию на лечение. Но через несколько дней Назыма неожиданно вызвали в военкомат, где ему заявили, что он не отбыл военную службу и подлежит призыву в армию[32] (Назыму было 48 лет).

Хотя Назым в молодости учился в военно-морском училище (откуда был исключён) и короткое время служил во флоте на крейсере «Хамидийе», формально он так и не отбыл воинской повинности. Поэт сослался на то, что ранее был освобождён от военной службы по состоянию здоровья, и в военкомате ему обещали найти соответствующие бумаги. Одновременно его поместили под домашний арест. «Так как я был уверен, что мне не дадут паспорта, и из-за домашнего ареста партия решила, чтобы я выехал из Турции нелегально», – писал он[33].

В целях конспирации было решено, что Назым сам организует свой побег. Для этой цели он привлёк мужа своей сестры[34] как человека, не известного полиции. Деньги у него были, так как часть его международной премии удалось получить через турецкую журналистку и члена КП Турции Сабиху Сертель, находившуюся за границей[35] (это была половина причитавшейся ему суммы). Рассматривались три варианта побега: добраться до советской границы, перейти в Сирию с контрабандистами или бежать в одну из восточноевропейских стран через Чёрное море. Первый вариант был отброшен, потому что они не знали дороги к границе, которая находилась очень далеко; второй – потому, что правительство Сирии арестовало бы Назыма и выдало бы его Турции. Оставался только вариант побега через Босфор и Чёрное море[36].

Для этой цели Назым приобрёл моторную лодку, но, чтобы выйти на ней в море, нужно было ждать лета, когда море спокойно. Первоначально он собирался бежать в Болгарию и решил связаться с коммунистической партией этой страны при помощи французских коммунистов[37], но из этой затеи ничего не вышло[38].

В июне 1951 г. Назыма снова вызвали в военкомат и сообщили, что он подлежит призыву в армию, так как не были найдены документы, освобождавшие его от военной службы. Его осмотрели врачи и признали годным к службе (несмотря на больное сердце). Назым потребовал, чтобы его осмотрела комиссия врачей, и таким образом выиграл некоторое время. «Положение создалось такое, что я должен был предпринять сейчас же что-либо. Тогда 17 июня я решил бежать», – писал он[39].

Сумев уйти от наружного наблюдения, Назым добрался до Босфора и встретился там со своим помощником, который ждал его с моторной лодкой. Вдвоём они вышли в море и направились в Болгарию[40]. Опасность была велика: премьер-министр Аднан Мендерес ранее пригрозил, что поэт будет «на этот раз сидеть до конца своих дней»[41], а тайная полиция даже угрожала Назыму убийством, если он попытается бежать[42]. Это была не пустая угроза: в 1948 г. при сходных обстоятельствах был убит писатель Сабахаттин Али, пытавшийся бежать в Болгарию через сухопутную границу.

«Выйдя из Босфора, мы встретили пароход “Плеханов”, и тогда я решил вместо того, чтобы идти в Болгарию, остановить пароход в море, назвав своё имя, и, если меня согласятся взять на пароход, приехать в Румынию, так как мне было безразлично, куда бежать. Если бы меня не приняли на пароход, я поехал бы в Болгарию», – писал Назым[43]. На борт его взяли не сразу, так как капитан румынского[44] парохода сначала связался с Констанцей (портом назначения), а затем с Бухарестом и, возможно, с Москвой. На всё это ушло полтора-два часа, после чего Назыма взяли на пароход, а его напарник вернулся[45].

Так выглядит история с бегством в изложении самого Назыма в июне 1951 г. Своей жене Туляковой в начале 1960-х, т.е. десять лет спустя, он рассказал её с некоторыми дополнительными подробностями. Например, в официальном заявлении Назым не

стал заострять внимание на том, что он больше часа ждал, пока его возьмут на борт. Туляковой он рассказал, что высказал морякам своё недовольство после того, как поднялся на борт. «Вы же моряки! Вы видели, человек гибнет[46], так взяли бы его, потом, если бы оказалось, что он сволочь или что его нельзя было брать, бросили бы назад. Но нельзя же так!» – заявил он. По его словам, они замялись с ответом, а потом (видимо, чтобы его успокоить) показали поэту стенгазету с материалами о нём[47]. Кроме того, Назым не стал упоминать о предложении своего помощника Рефика дать взятку морякам, чтобы они взяли их на борт (которое он с негодованием отверг)[48].

В РГАСПИ в архиве Коминформа сохранились копии радиограмм, которыми обменивался с капитаном парохода «Плеханов», вероятно, Констанцский обком Рабочей партии Румынии. В первой радиограмме, отправленной «Плеханову», говорится следующее: «На радиограмму 67 не брать на борт никого стоп идите в Констанцу без опоздания подтвердите»[49]. А во второй радиограмме даётся уже противоположное указание: «На радиограмму 68 аннулируется наша радиограмма 179 стоп разрешается взять на борт лицо наблюдайте за ним всё время»[50].

18 июня «Плеханов» прибыл в Констанцу, где Назыма встретили сотрудники государственной безопасности Румынии, которые расспросили его об обстоятельствах приезда в страну и затем передали Констанцскому обкому Румынской рабочей партии. На следующий день, 19 июня, его отвезли в Бухарест[51]. В Бухаресте, как сообщал международный отдел ЦК РРП в своём письме в ЦК ВКП(б), Назыма поместили в дом гостей ЦК партии и снабдили всем необходимым, «так как он кроме одежды, которая была на нём, ничего не имел с собой»[52].

В Бухаресте Назым написал цитировавшееся выше заявление для ЦК РРП, сделал заявление для прессы, опубликованное газетой румынских коммунистов «Скынтейя», и встретился с представителями румынской общественности[53]. В заявлении для прессы Назым, в частности, крайне резко отозвался о политике турецкого правительства.

«Моя страна, по существу, оккупирована американцами. Моя Турция стала одной из колоний американского империализма. Вся Анатолия превращена в американскую военную базу. Предатели, продавшие американским империалистам мою страну, – это горстка эксплуататоров, помещиков, банкиров, крупных коммерсантов, которые по приказу своих заокеанских хозяев превращают Турцию в “фабрику смерти”; детей трудящихся они отрывают от семьи и посылают в Корею, делая из них преступников. Наших детей одевают в американскую форму, вооружают американскими винтовками, а американские генералы приказывают им убивать корейских детей, женщин и стариков», – говорил он[54].

В Турции о побеге Назыма Хикмета стало широко известно 23 июня. Как предполагала пресса, он бежал на одном из румынских пароходов, проходивших через Босфор[55]. Турецкая печать уделила большое внимание этому событию, обвиняя Назыма в «измене родине», в том, что он «избрал рабство», писала о его «моральной смерти» и т.д.[56] А депутат меджлиса Шевкет Моджан сделал запрос правительству, потребовав выяснить обстоятельства побега. «Как органы безопасности допустили бегство Назыма Хикмета? Кем, как и где было организовано бегство, являющееся поучительным примером ловкости и умения добиваться победы со стороны организации, устроившей побег этой твари, которая, само собой разумеется, будет использоваться Коминформом в качестве знамени борьбы против нашей родины и её независимости? Лишит ли правительство этого предателя турецкого гражданства?» – негодовал депутат[57].

В первый же день после приезда в Бухарест Назым заявил принимавшим его представителям Румынской рабочей партии, что ему срочно нужно в Москву[58]. «Я бежал из Турции для того, чтобы организовать связи партии и решить важные вопросы для нашей партии и активно работать в Междуна-

родном комитете мира. Для того, чтобы решить эти вопросы, я хочу поехать в Москву. Если я смогу эти вопросы решить здесь, я останусь в Бухаресте. Я остаюсь в распоряжении братских партий и Всемирного комитета защиты мира», – писал он в своей записке в ЦК РРП[59].

В Москве Назым собирался просить помощи для турецких коммунистов, о чем ЦК РРП, в свою очередь, сообщил в ЦК ВКП(б). «Он хочет просить ВКП(б) оказать помощь для укрепления КП Турции. Турецкая коммунистическая партия нуждается в моральной помощи большевиков и братских партий из стран народных демократий, а материальную помощь, он считает, что сумеет дать он и ещё другие товарищи, люди искусства и культуры, своими работами. Он всё время занят мыслью о том, что нужно реорганизовать КП Турции и укрепить её моральной помощью со стороны ВКП(б) и братских партий стран народной демократии», – говорилось в записке ЦК Румынской рабочей партии[60].

О побеге Назыма Хикмета из Турции и его желании посетить Москву было доложено советскому руководству, и 28 июня заместитель председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономарёв направил И.В. Сталину[61] записку, в которой говорилось, что Союз советских писателей (А.А. Фадеев) просит разрешить пригласить Назыма Хикмета в СССР в качестве своего гостя[62]. В Союзе писателей, в свою очередь, составили план пребывания Назыма Хикмета в Советском Союзе, рассчитанный на 10 дней (29 июня – 8 июля). Ответственным за встречу был назначен Н.С. Тихонов[63].

Назым прилетел в Москву 29 июня. В аэропорту Внуково его встречали советские писатели, в том числе Н.С. Тихонов, К.М. Симонов, И.Г. Эренбург. Выступая перед встречающими, поэт произнёс речь, в которой поблагодарил за тёплый прием[64]. Когда официальная часть встречи закончилась, Назым отправился гулять по Москве, которую он знал ещё по двадцатым годам[65]. Город ему понравился, хотя многое для него было новым и необычным. «Большое удивление вызывает Москва не только тем, что большие стройки и улицы такие широкие, что человек может потеряться, и дома новые. Мне кажется, что люди сделались более красивыми, женщины и мужчины стали красивее, они хорошо одеты, но это не только одежда… Я ощутил, что в Москве сейчас темпы жизни и в три-четыре раза большие, чем раньше, сколько раз я мог попасть под автомобиль, если бы меня не останавливали за руку», – рассказывал он на встрече с писателями, которая состоялась 30 июня[66].

На встрече с советскими писателями Назым также сообщил им о положении в Турции и турецкой литературе. О своём отъезде из страны он тогда ничего говорить не стал, кратко сказав только, что он бежал. «Всё время войны они поддерживали немцев. Когда шли бои около Москвы, они писали: завтрашний день будет большим днём для человечества, т.к. победоносные танки Гитлера будут гулять по Москве. Так они писали, хотя были официальными союзниками Англии и Франции», – рассказывал Назым о том, как он сидел в тюрьме[67]. После войны формирование из СССР образа врага продолжалось. «Самый большой враг мусульман и верующих людей – это Советский Союз. Тот турок, который убьёт одного коммуниста, прямо попадёт в рай. Это говорит ходжа откровенно и это передают по радио», – говорил Назым[68].

Вопрос о том, что Назым Хикмет останется в Москве надолго, по-видимому, был решён в эти дни. 29 июня Б.Н. Пономарёв направил членам Политбюро записку с сообщением о приезде Назыма, в которой отмечал, что тот нуждается в отдыхе и лечении, и предлагал предоставить ему постоянную квартиру в Москве. Также Пономарёв сообщал, что Назым выразил желание побеседовать по вопросу о работе КП Турции с представителем ЦК ВКП(б)[69]. Согласно постановлению Политбюро, принятому 3 июля, приём и обслуживание Назыма Хикмета были возложены на Управление делами ЦК, его лечение – на Лечебно-санитарное управление (Лечсанупр) Кремля. Кроме того, ему было решено выделить квартиру в Москве

из 3–4 комнат[70] (всем этим Назым был потом крайне недоволен, так как считал, что таким образом он обирает советских трудящихся[71]). Кроме жилья и лечения, Назым также получил деньги – гонорар за издание его произведений на русском языке, всего 131 986 рублей[72]. Так как сумма была большой, сначала ему выплатили только часть гонорара в размере 72 740 рублей. По этому поводу также было принято специальное постановление Политбюро[73].

Просьба Назыма о встрече с представителем ЦК также была удовлетворена. Его принял Г.М. Маленков[74]. Встреча состоялась в июле[75]. Назым пришёл на неё со своим товарищем по партии Маратом (псевдоним Исмаила Билена), бывшим представителем КП Турции в Коминтерне[76]. После беседы в ЦК Назым и Марат представили свои предложения в совместной записке, адресованной Маленкову[77]. В ней была изложена подробная программа действий КП Турции. Авторы записки резко критиковали политику правящих кругов этой страны, называя их «фашистскими», и обвиняли турецкие власти в том, что они превратили Турцию в одну из «военных баз американского империализма»[78]. Характеризуя внутриполитическое положение в стране, Назым и Марат отмечали, что господство американцев в Турции подорвало турецкую экономику, ухудшило положение народных масс. Это создавало базу для формирования «широкого и единого национального фронта в Турции против американского империализма и его лакеев» во главе с коммунистами[79].

Назым и Марат хотели реорганизовать турецкую компартию применительно к новым условиям и предлагали ряд конкретных мер: усиление пропаганды, в том числе создание радиостанции под названием «Радио независимой Турции», улучшение радиовещания из Москвы на Турцию, возобновление печатного органа КП Турции и создание нового печатного органа, который будет распространять идеи единого фронта. Авторы записки планировали организовать выезд из Турции за границу ряда активистов партии и сочувствующих, чтобы эти кадры приняли участие в работе за рубежом. В конце записки они подчеркнули, что рассчитывают на помощь ЦК ВКП(б) в решении всех этих вопросов[80].

На все эти предложения был поначалу дан утвердительный ответ[81], и Назым немедленно приступил к реализации своего плана. В августе 1951 г. он выехал в Берлин для участия в III Всемирном фестивале молодёжи, где встретился с представителями турецкой эмиграции – членами КП Турции и сочувствующими. Разрешение на поездку было дано ему специальным постановлением Политбюро от 2 августа[82]. В поездке Назыма сопровождал сотрудник Комитета информации при Совете министров СССР (внешней разведки) Ф. Адилов, который потом написал об этом подробный отчёт для В.Г. Григорьяна[83]. По словам Адилова, Назым активно включился в работу фестиваля, а в свободное время встречался с турками, с которыми он, по-видимому, обсуждал дела КП Турции. Адилова он в содержание этих бесед не посвящал и старался проводить их конспиративно. Как заключил Адилов, он, видимо, «хочет держать партийные тайны от меня в секрете». Тем не менее, потом Назым сам проинформировал Адилова о результатах своей деятельности на фестивале и сообщил ему, что после окончания фестиваля отправит «девушку Севим» (Севим Тары) в Турцию с партийным поручением, после чего она должна будет вернуться обратно с двумя-тремя товарищами. Назым просил Адилова посодействовать им через Григорьяна (т.е. через Внешнеполитическую комиссию) в переходе границы в Румынию или Болгарию[84].

Адилов также оставил не лишённую интереса характеристику Назыма, отметив его положительные и отрицательные качества. Свои впечатления от него он суммировал следующим образом. «Назым как поэт, конечно, Вам известен. Но если его охарактеризовать хотя бы за краткий период времени, исходя из его поведения и работы, то можно было бы сказать следующее: он – очень способный человек, хороший организатор; он быстро приспосабливается ко всем

условиям и к людям различных взглядов и культурного уровня. Он работает быстро, не любит медлить, ни в коем случае сегодняшнее дело не оставит на завтра. Когда он увлекается работой, интересующей его, он не знает усталости, забывает еду. Он любит похвалы, он хочет, чтобы всегда и везде он отличался от других, он всегда требовал, чтобы на все приёмы ему давали почётный билет. Маленький пример: он всегда интересовался, приглашают ли Пабло Неруда на приём и дают ли ему почётный билет наравне с ним; когда он узнавал, что Пабло не приглашён или ему не прислан почётный билет, то он радовался и говорил, что с ним так не считаются. Суммируя всё это, надо сказать, что если у Назыма нет задних мыслей, т.е. если он наш человек, то он очень ценный человек», – писал Адилов Григорьяну[85].

Назым направил в ЦК ВКП(б) отчёт о поездке в Берлин практически одновременно с Адиловым, 28 августа (кроме Назыма, отчёт подписал также Марат). В отчёте излагалась собранная во время фестиваля информация о положении в Турции и сообщалось о проделанной работе по ранее представленному плану (организация единого фронта, издание газеты, на которую Назым выделил собственные деньги из полученной им премии мира, установление контактов и т.д.)[86]. Кроме того, в этом письме была выдвинута новая идея организации своего рода «восточного Коминформа», возникшая у Назыма в Берлине. «На Берлинском фестивале Назым Хикмет близко познакомился с делегациями стран Ближнего Востока и Северной Африки. По мнению, сложившемуся из бесед, в этих странах возможно действовать единым фронтом против англо-американского империализма. Мы уверены, что осуществление этого фронта может быть облегчено установлением связей между коммунистическими партиями этих стран, между обществами сторонников мира, молодёжными и культурными организациями и между известными деятелями литературы и искусства», – говорилось в документе[87].

По поводу этого письма Политбюро приняло 4 сентября постановление с указанием В.Г. Григорьяну в пятидневный срок подготовить ответ[88]. Проект ответа был готов 7 сентября и содержал положительные ответы почти на все предложения Назыма Хикмета и Марата, ранее сделанные ими в записке на имя Маленкова, за исключением просьбы помочь в установлении связей с нелегальными организациями КП Турции внутри страны: в этом было решено отказать «ввиду нарушения связей и имеющихся трудностей»[89]. Проект «восточного Коминформа», выдвинутый Назымом после Берлинского фестиваля, Григорьян упоминать не стал. Этот проект ответа на предложения Назыма и Марата так и не был утверждён Политбюро.

С сентября 1951 г. советское руководство начинает всё более осторожно относиться к предложениям Назыма Хикмета, что было связано с несколькими факторами. Во-первых, в июле-сентябре Внешнеполитическая комиссия ЦК собирала информацию о нём, как при помощи сотрудников госбезопасности (например, Адилова), которые наблюдали за Назымом непосредственно, так и в архиве Коминтерна, где устанавливались факты его политической биографии. В частности, по архивным документам выяснилось, что Назыма четыре или пять раз исключали из КП Турции в связи с участием в оппозиции и по другим причинам, причём последний раз он был исключён в 1934 г. и формально даже не был восстановлен[90]. Одновременно с Назымом архивные справки составлялись также на Марата[91]. Ходу этому компромату, впрочем, не дали, и в результате все собранные справки были сданы в архив и включены соответственно в личные дела Назыма Хикмета и Исмаила Билена (Марата).

Во-вторых, в сентябре от Комитета информации поступило сообщение о попытке турецкой контрразведки внедрить своего агента в окружение Назыма Хикмета[92]. Очевидно, в связи с этим советское руководство решило тогда отказать Назыму и Марату в удовлетворении их просьбы помочь в налаживании нелегальных связей с КП Турции[93], а контроль за Назымом и его контактами во

время его зарубежных проездок был усилен. Если в Берлине он мог, в сущности, делать что хотел, несмотря на попытки Адилова контролировать, с кем он встречается (в полной неудаче которых признался сам Адилов), то во время поездки в Болгарию в начале сентября того же года Назым был практически полностью изолирован от необходимых ему неофициальных встреч с турецкими политэмигрантами, находившимися в этой стране. Ему удалось провести только одну встречу с турками в здании ЦК Болгарской компартии[94], а вторая аналогичная встреча, запланированная Назымом, была сорвана Адиловым (как он считал, «незаметно для Назыма»), который при этом руководствовался поступившей от болгарского МВД информацией о наличии среди турецких эмигрантов агентов турецкой контрразведки[95].

В дальнейшем ситуация с реализацией плана Назыма становилась только хуже. В октябре-ноябре 1951 г. в связи с очередным обострением советско-турецких отношений (Турция тогда собиралась вступить в НАТО)[96] турецкие власти провели массовые аресты коммунистов[97]. Ответственность за этот провал в КП Турции Внешнеполитическая комиссия ЦК решила задним числом возложить на Назыма Хикмета. В своей записке в Политбюро от 15 января 1952 г. глава этой комиссии В.Г. Григорьян писал, что к провалу привёл арест Севим Тары, которую с партийным поручением отправил в Турцию Назым Хикмет. После прибытия Севим в Турцию за ней была установлена слежка, полиция зафиксировала все её контакты и арестовала связную турецкой компартии в тот момент, когда она собиралась возвращаться из Турции в Париж, после чего она «рассказала органам следствия всё, что знала». Григорьян также обвинил самого Назыма в неосторожном поведении на Берлинском фестивале, где тот «в присутствии посторонних открыто обсуждал с представителями компартий стран Среднего Востока вопросы организации между партиями нелегальной связи, возможности нелегальных переходов коммунистами границ Турции» и выдвинул предложение о «создании Информбюро компартий стран Ближнего Востока»[98].

В самой турецкой компартии причины провала объясняли по-другому. В ноябре 1952 г., т.е. через несколько месяцев после письма Григорьяна, подробную записку «О положении в компартии Турции в настоящее время» отправил в ЦК ВКП(б) Марат. Он объяснил провалы в течение последнего года, во-первых, стремлением турецких властей «прочистить тыл в стране» в связи со вступлением Турции в НАТО, а во-вторых, нарушением конспирации со стороны партийных работников, которые не отнеслись всерьёз к необходимости ухода в подполье[99].

Сам Назым узнал об арестах ещё в ноябре 1951 г., когда он присутствовал на заседании сессии Всемирного Совета мира в Вене и встретился там с Зекерия Сертель, который только что прибыл из Турции[100]. Потом, в мае 1952 г., в разговоре с Сабихой Сертель и Адиловым в Берлине, Назым упомянул о том, что ему перестали доверять именно после провала Севим Тары. «Я в Москве был у одного большого товарища. Я рассказал ему о своём плане, всё было принято. Часть плана я провёл во время Берлинского фестиваля. Но вот послали девушку Севим в Турцию. Там её забрали. Теперь нам не верят и правильно делают. На их месте я поступил бы так же. Мало ли предателей?» – цитирует его Адилов и добавляет, что «Назым привёл примеры: Тито, события в Чехословакии»[101].

Провал в КП Турции сильно осложнил положение турецких коммунистов в эмиграции, так как все они оказались под подозрением на предмет работы на турецкие спецслужбы. Как сообщал Назыму его корреспондент из Франции в письме от 4 апреля 1952 г., у него состоялся разговор с представителем советской стороны по поводу Догана (турка, с которым Назым встречался в Берлине и которого советская сторона считала провокатором). «Здесь ведётся следствие над Доганом. Мне дали отрицательный ответ на все вопросы, которые я задавал по

этому поводу, и сказали, что мне необходимо немного подождать. В этой связи, несмотря на то, что они раньше дали положительный ответ в отношении печати, теперь сообщили, что об этом не может быть и речи. И опять, несмотря на то, что обещали, что они окажут всевозможную помощь в случае, если приедет во Францию тов. Кемаль Даян, бежавший из Турции, однако последний раз сообщили, что об этом также не может быть разговора», – докладывал он Назыму[102]. Адресат Назыма также сообщил ему последние новости из Турции об арестованных товарищах. «Пытки зверские. Сообщают, что кроме Шевки Акшита ещё несколько человек помешались. Кроме того, в результате пыток многие ослепли, многие избиты до полусмерти и многие несколько раз пытались покончить [жизнь] самоубийством», – писал он[103].

Несмотря на то, что Григорьян в своем письме фактически обвинил Назыма в провале КП Турции, лично для него заметных отрицательных последствий не наступило. Так, через две недели после этого письма, 24 января 1952 г., в Москве в концертном зале им. Чайковского торжественно отмечалось 50-летие Назыма Хикмета, на котором выступали советские писатели (в том числе К.М. Симонов, Н.С. Тихонов, Н.М. Грибачёв) и приехавший Жоржи Амаду[104]. Назым и дальше вполне благополучно жил в СССР и принимал участие в деятельности турецкой компартии[105], хотя, по-видимому, на реализации его политических планов в Турции тогда был окончательно поставлен крест.

Советское руководство, конечно, использовало Назыма Хикмета в своих интересах, но то же самое можно сказать про самого Назыма: он использовал советское руководство в интересах турецкой компартии (хотя и не очень удачно). Назым горячо любил свой народ и, несомненно, был патриотом Турции. Его переход на сторону СССР, который в 1940–1950-е гг. рассматривался турецким правительством в качестве врага, был продиктован твёрдой убеждённостью в том, что народ Турции не заинтересован в конфронтации с Советским Союзом и что Турции необходимы дружеские отношения с северным соседом (как это было во времена Ататюрка), а не ориентация на США и участие в войнах на другой стороне земного шара. Как писала В.В. Тулякова, человек, далёкий от политики и от коммунизма, Назым Хикмет был «самым сознательным, самым оптимистичным и самым нежным патриотом своей отчизны»[106].

Примечания

[1] Рассказ Назыма Хикмета (со слов Туляковой) опубликовал в своей книге А.А. Бабаев, опустив некоторые подробности (см. *Бабаев А.А.* Назым Хикмет. Жизнь и творчество. М., 1975). Полностью он был напечатан только в 2009 г., когда мемуары Туляковой вышли на русском языке (см. *Тулякова-Хикмет В.* Последний разговор с Назымом. М., 2009).

[2] Начало их вводу в научный оборот положил Д. Гасанлы, см. *Гасанлы Д.* Хрущёвская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954–1959). М., 2009. С. 404–425.

[3] Сначала его приговорили к 35 годам, но, так как по турецким законам посадить человека больше чем на 30 лет было нельзя, срок пришлось сократить. См.: *Бабаев А.А.* Указ. соч. С. 186.

[4] Вопрос о помощи Назыму Хикмету ставился перед Исполкомом Международного общества помощи борцам революции (МОПР) в 1938 г., в связи с чем представитель КП Турции в Коминтерне Исмаил Билен (псевдоним – Марат) написал на Назыма положительную характеристику (Российский государственный архив социально-политической истории, далее РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 85). Кроме того, в 1945 г. друзья Назыма Хикмета обратились в советское посольство в Турции с просьбой сообщить в печати факты издевательств над Назымом в тюрьме (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 77).

[5] Во Франции училось много турецких студентов, через которых стихи Назыма Хикмета,

который тогда сидел в тюрьме, попадали в печать (сначала в переводе на французский). См.: *Фиш Р.Г.* Назым Хикмет. Этюды жизни и творчества. М., 1984. С. 243.

[6] По словам Г.Г. Колесниковой, инициатором всей кампании был Арагон, которому студенты рассказали об участи Назыма. См.: *Колесникова Г.* Семь лет с Назымом Хикметом. Ижевск, 1999. С. 17.

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 455. Л. 8.

[8] Там же. Д. 151. Л. 8.

[9] Там же. Л. 8-9. Отношения СССР и Турции, дружественные во времена Ататюрка, постепенно ухудшились в период президентства Исмета Инёню, который стал во внешней политике ориентироваться сначала на Англию и Францию, а затем на США (см.: *Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948. С. 197). Наибольшее обострение советско-турецких отношений пришлось на начальный период холодной войны в 1946–1953 гг., чему в том числе способствовало неосторожное выдвижение территориальных претензий к Турции со стороны СССР (см.: *Бухерт В.Г.* «Тема моей диссертации не является случайной…» К истории кризиса в советско-турецких отношениях в 1945–1947 годах // Восточный архив. 2013. № 1 (27).

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 151. Л. 12. Вопрос предварительно согласовывался с В.М. Молотовым, который курировал работу Внешнеполитической комиссии.

[11] Публикации в советской прессе носили руководящий характер по отношению к кампании в защиту Назыма Хикмета. Например, когда в апреле 1950 г. друзья Назыма обратились к азербайджанской общественности с просьбой подключиться к этой кампании, секретарь ЦК КП Азербайджана Г. Гасанов решил просить указаний у Внешнеполитической комиссии. Там ему ответили, чтобы он «по вопросу защиты Н. Хикмета руководствовался нашей прессой». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 455. Л. 1.

[12] *Хикмет Н.* Избранное. М., 1951. Последний раз произведения Назыма Хикмета издавались на русском языке в 1932 г.: *Хикмет Н.* Стихи. М., 1932.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 455. Л. 2.

[14] Там же. Л. 3.

[15] В.В. Тулякова со слов Назыма Хикмета приводит другую причину объявления голодовки. В то время Назым (благодаря содействию расположенного к нему начальника тюрьмы) встречался со своей родственницей Мюневвер Андач, которая была замужем, но обещала развестись, чтобы выйти за него. После отмены амнистии Мюневвер изменила своё решение и заявила Назыму, что разводиться с мужем не будет. В отчаянии Назым объявил голодовку, но его друзья на воле не знали об этой её истинной причине и восприняли его поступок как политический акт. Вдохновившись их поддержкой, Назым потом и в самом деле стал выдвигать политические требования. *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 223 (с Мюневвер они помирились после того, как она принесла ему в тюрьму корзину земляники).

[16] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 455. Л. 4. По поводу даты убийства Сабахаттина Али есть расхождения. Он был убит полицейским агентом вскоре после освобождения из тюрьмы при попытке перейти турецко-болгарскую границу.

[17] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 59.

[18] Там же. Л. 55.

[19] Там же. Л. 53. Суть поправки состояла в том, что для лиц, не подлежащих амнистии, срок наказания сокращался на две трети. Назым к тому времени отсидел 13 из 28 лет, на которые он был осуждён, т.е. почти половину срока.

[20] Правда. 1950. 17 июля.

[21] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 7.

[22] Отправка турецких войск в Корею была связана с желанием руководства Турции вступить в НАТО. *Атаев Т.* США, НАТО и Турция. М., 1973. С. 217.

[23] Литературная газета. 1951. 24 июля.

[24] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 18. Заявление датировано 19 июня 1951 г.

[25] Там же. Л. 48.

[26] Там же. Л. 18.

[27] Там же. Л. 47.

[28] Конгресс запретили проводить в Лондоне, и его пришлось переместить в Варшаву.

[29] Правда. 1950. 23 ноября.

[30] Литературная газета. 1950. 12 декабря.

[31] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 19.

[32] Там же. Л. 19.

[33] Там же. Л. 19–20.

[34] Это был Рефик Эрдуран (р. 1928). «Мужем сестры» Назым назвал его в своей записке, предназначенной для ЦК компартии Румынии. В опубликованной десять лет спустя поэтической «Автобиографии» он фигурирует как «молодой товарищ» (Литературная газета. 1962. 16 января). Публично Назым никогда не раскрывал имени своего помощника, и в результате Рефик благополучно избежал преследования со стороны турец-

кой полиции. Назым сообщил его имя только Туляковой и попросил её никому об этом не говорить, «пока он сам не откроется». См.: *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 167. В изданной в 1975 г. книге Бабаева, который привёл почти дословно рассказ Туляковой, Рефик упомянут не был.

[35] Турецкие журналисты, супруги Зекерия и Сабиха Сертель, были друзьями и доверенными лицами Назыма Хикмета. Сабиха Сертель выехала за границу в сентябре 1950 г. по его поручению, чтобы просить помощи французской компартии в организации его побега из Турции. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 161; Ф. 495. Оп. 266. Д. 23. Л. 26-27.

[36] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 20.

[37] Там же. Л. 21.

[38] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 161. По словам отправившейся в Париж Сабихи Сертель, французские коммунисты не захотели ей помочь.

[39] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 22.

[40] Там же.

[41] Литературная газета. 1951. 16 июня.

[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 752. Л. 2. Речь шла об «автомобильной катастрофе». Был также план убить Назыма во время службы в армии, якобы при попытке перейти границу (*Бабаев А.А.* Указ. соч. С. 204).

[43] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 22.

[44] Советский пароход «Плеханов» был продан Румынии в 1948 г., но не исключено, что на нём была ещё советская команда.

[45] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 22. Так написал Назым в 1951 г., но Туляковой он рассказал, что Рефик приехал с ним в Румынию и оттуда вернулся в Стамбул. *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 166.

[46] У лодки заглох мотор.

[47] *Бабаев А.А.* Указ. соч. С. 204-207; *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 166.

[48] *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 166. Бабаев это печатать не стал, так же как и упоминание о Сталине (Назым говорил Туляковой, что моряки «звонили Сталину в Москву»).

[49] РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 187. Л. 43.

[50] Там же. Л. 44.

[51] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 23.

[52] Там же. Л. 30.

[53] Там же. Л. 15-16.

[54] Там же. Л. 15.

[55] Государственный архив Российской Федерации, далее ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 13053. Л. 159.

[56] Там же. Л. 165.

[57] Там же. Л. 194. Назым вскоре действительно был лишён турецкого гражданства, которое было ему возвращено только посмертно, в 2009 г.

[58] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 30.

[59] Там же. Л. 23. В Бухаресте в то время находился секретариат Коминформа.

[60] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 30–31.

[61] Записка была адресована И.В. Сталину, копии разосланы членам Политбюро. Подлинники этой и других подобных записок, направленных Сталину, к сожалению, не сохранились, поэтому какую роль сыграл лично Сталин в решении связанных с Назымом вопросов, точно сказать нельзя. Из членов Политбюро Назымом Хикметом занимались В.М. Молотов (многие документы о нём, направлявшиеся в Политбюро, проходили через его секретариат) и Г.М. Маленков (впоследствии лично принимавший Назыма).

[62] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 62.

[63] Российский государственный архив литературы и искусства, далее РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 5602. Л. 1-2.

[64] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 74; Правда. 1951. 30 июня; Литературная газета. 1951. 30 июня.

[65] В одном из своих публичных выступлений Назым говорил, что поэтому считает себя не просто старым москвичом, а «очень старым москвичом». См.: *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 196.

[66] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 5603. Л. 11.

[67] Там же. Л. 11.

[68] Там же. Л. 13.

[69] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1590. Л. 113–114. С кем именно Назым хотел встретиться, в записке не говорится, но у Туляковой есть указание, что он рассчитывал на личную встречу со Сталиным. См.: *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 256.

[70] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1590. Л. 112. В Москве Назым Хикмет в 1952–1963 гг. жил по адресу: Вторая Песчаная улица, д. 6. В 1976 г. там была открыта мемориальная доска. См.: *Сверчевская А.К.* Известный и неизвестный Назым Хикмет. Материалы к биографии. М., 2001. С. 65. Первое время после приезда в СССР он жил в гостинице «Москва». См.: *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 175.

[71] *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 257.

[72] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 752. Л. 145.

[73] Там же. Оп. 163. Д. 1612. Л. 146.

[74] Назым рассказал Туляковой, что на одном банкете в Москве он раскритиковал советский театр, а заодно культ Сталина, и «после этого банкета он (т.е. Сталин) передал, что болен и увидеться со мной не сможет. Вместо себя на эту встречу послал толстого Маленкова». См.: *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 256. Любопытно, что в первый свой приезд в СССР в 1921 г. Назым тоже надеялся на встречу лично с Лениным, но вместо этого его послали учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), который готовил руководящие кадры для Коминтерна. Как вспоминает А.К. Сверчевская, об этом Назым рассказал в 1961 г. на вечере, посвящённом В.Э. Мейерхольду. «Я приехал в Москву, – сказал он тогда, – надеясь встретиться с Лениным. У меня был вопрос к нему. Я хотел спросить его: “Товарищ Ленин, как можно скорей, скажи, что и как ты сделал в Советской России? Я хочу сделать это же у себя в Турции”. Но мне сказали, что этот секрет надо изучать долго: “Ты пока сиди в университете и учись”» (см. Азия и Африка сегодня. 2002. № 2. С. 69).

[75] Записка Назыма Хикмета и Марата на имя Г.М. Маленкова датирована 23 июля 1951 г., следовательно, они встретились с ним до этой даты, но после приезда Назыма в Москву. Адресат записки подтверждает свидетельство Туляковой о том, что встречались они именно с Маленковым.

[76] Исмаил Билен (1902–1983), псевдоним – Марат. После упразднения Коминтерна Марат остался в СССР на положении политэмигранта и работал комментатором по Турции в Комитете радиовещания. Впоследствии – генеральный секретарь КП Турции (1974–1983).

[77] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 82.

[78] Это те самые идеи, которые Назым развивал сразу же после отъезда из Турции.

[79] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 83–84.

[80] Там же. Л. 84-86.

[81] По-видимому, в устной форме. Постановление Политбюро по этому вопросу так и не было принято, хотя имеются несколько его проектов от 4 августа, 7 сентября и 21 сентября 1951 г. (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 90–92, 109–111, 116–118). Сам Назым также потом подтвердил, что ему дали в ЦК положительный ответ (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 101).

[82] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1593. Л. 48.

[83] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 158. Докладная записка Ф. Адилова В.Г. Григорьяну от 27 августа 1951 г.

[84] Там же. Л. 159. Позднее Назым также через Адилова просил помочь Сабихе Сертель, оказавшейся в трудном положении в эмиграции. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 100 (эта просьба была удовлетворена).

[85] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 162–163. Как говорил сам Назым Хикмет, поэты похожи на красивых женщин, потому что они ревнуют друг к другу. Он также утверждал, что «лично я никогда не испытывал этого по отношению к коллегам – ни к прошлым, ни к будущим» (Литературная газета. 1962. 4 октября).

[86] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 101.

[87] Там же. Л. 106.

[88] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1596. Л. 151.

[89] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 111.

[90] Там же. Л. 121. О том, что Назыма снова приняли в партию, было известно со слов Марата, но по документам восстановление Назыма не подтвердилось, т.е. формально в партии он восстановлен не был, но вновь стал принимать участие в её работе (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. I. Л. 14), в частности, в кампании солидарности с испанскими республиканцами, в ходе которой он и оказался за решёткой вместе с другими турецкими коммунистами (Новейшая история Турции. М., 1968. С. 163).

[91] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 12. Ч. I. Л. 30–33, 35–38. Самым существенным компроматом на Марата, который удалось найти, оказалось то, что он увёл жену у товарища по партии. Сбор информации именно на этих двух лиц может говорить о том, что советское руководство хотело знать, можно ли им доверять и как относиться к тем инициативам, которые они выдвигали в письме Маленкову.

[92] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 124. Об этом говорилось в направленной В.Г. Григорьяном в Политбюро справке на Назыма и Марата от 21 сентября 1951 г.

[93] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 118.

[94] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 154.

[95] Там же. Л. 156-157.

[96] *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 227; СССР и Турция. 1917–1979. М., 1981. С. 193–194.

[97] Аресты проходили в конце октября – первых числах ноября 1951 г., за решёткой оказались десятки человек, в том числе несколько руководителей КП Турции (Решад Фуад Баранер, Зеки Баштымар и Мехри Белли). См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 129.

[98] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1330. Л. 128.

[99] Там же. Л. 132.

[100] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 130–131.

[101] Там же. Л. 101. У провала в КП Турции может быть и другое объяснение. Адилов упоминает со слов Сабихи Сертель о «советском человеке по фамилии Бакланов», с которым она была связана в Турции и который потом якобы стал предателем. Дипломат по фамилии Бакланов в 1941–1946 гг. был сотрудником консульства СССР в Стамбуле (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 218. Л. 93).

[102] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 111. Письмо было передано Назыму через Марата, копия письма в русском переводе сохранена в личном деле Назыма Хикмета.

[103] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 116.

[104] Комсомольская правда. 1952. 25 января.

[105] В апреле 1962 г. Назым Хикмет был введён в состав Загранбюро ЦК ТКП вместе с Зеки Баштымаром и Исмаилом Биленом (Маратом). См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 266. Д. 47. Ч. II. Л. 5.

[106] *Тулякова-Хикмет В.* Указ. соч. С. 167. «Мне, обыкновенной русской женщине, трудно понять эти разговоры об измене родине поэта, которого посадили в тюрьму за поэзию и приговорили к пятидесяти пяти годам заключения, а когда под нажимом честных людей многих стран помиловали, возникла угроза убийства. Ты говорил мне об этом, я верю тебе. Да, тебе была дорога жизнь, но для чего? Для того чтобы на твоей родине больше не сажали поэзию в тюрьмы, чтобы Турция всегда была матерью самым верным своим сыновьям», – писала Тулякова.

К 200-летию Института востоковедения РАН

А.М. Хазанов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОСТОКОВЕДА

От редакции. «Восточный архив» начинает серию публикаций, посвящённых предстоящему в 2018 г. 200-летию Института востоковедения. В них ветераны института расскажут о своих коллегах, о необычных случаях в своей жизни. Первое слово предоставляется Анатолию Михайловичу Хазанову, работающему в Институте востоковедения с 1958 года.

Иван Иванович Коваленко

В руководимом мною отделе комплексных проблем международных отношений в течение 20 лет работал человек с удивительной биографией – Иван Иванович Коваленко (1918–2005). До Института востоковедения он занимал должность заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС, был доктором исторических наук, профессором. Я очень любил подолгу беседовать с Иваном Ивановичем в своём кабинете (комната 332 на третьем этаже), и эти беседы вечером записывал в свой дневник. Вот некоторые из них.

В самом конце войны с японцами маршал Василевский вызвал к себе И.И. Коваленко, показал шифрограмму о том, что ЦК КПСС принял решение об издании газеты для японских военнопленных, и назначил его главным редактором этой газеты. Так 1 сентября 1945 г. майор Коваленко стал главным редактором газеты «Нихон Симбун», издававшейся в Хабаровске для 600 тысяч японских военнопленных тиражом 150 тысяч экземпляров.

Когда 1 января 1946 г. по радио было передано заявление императора, в котором он публично отрёкся от мифа о своём божественном происхождении, оно несколько недель подряд печаталось в «Нихон Симбун».

Это заявление произвело ошеломляющее впечатление на японских военнопленных, так как оно похоронило лежащий в основе национального сознания японцев миф о том, что они являются «божественной нацией».

Другим потрясением для них стал меморандум генерала Макартура о запрещении культивирования милитаристской и ультраправой идеологии, преподавания военных дисциплин и военного обучения в школах. Генералы и офицеры запрещали солдатам читать эту газету, называя её «красной пропагандой». Они рекомендовали солдатам использовать её в качестве туалетной бумаги.

27 мая 2002 г. И.И. Коваленко рассказал мне, что, когда он был главным редактором «Нихон Симбун», он написал письмо в Москву, предлагая отделить японских офицеров от солдат. Дело в том, что среди военнопленных была своего рода дедовщина – офицеры били солдат и плохо на них влияли. КГБ было против этого предложения, и последовало молчание. Тогда И.И. Коваленко написал письмо В.М. Молотову, а тот передал его И.В. Сталину. Было созвано заседание Политбюро и назначена комиссия во главе с Молотовым. Берия дал указание найти компромат на автора письма. Его спасла только смерть Сталина и последующий арест Берия.

Однажды японец попытался отравить Ивана Ивановича, подсунув ему бокал с ядом.

Особенно запомнился рассказ И.И. Коваленко о том, как зимой 1950 г. он был приглашён к И.В. Сталину, и они проговорили с глазу на глаз четыре часа. Сталин произвёл на него впечатление необычайно сильного, волевого человека, который своим

взглядом гипнотизировал собеседника и парализовал его волю. Сталин подробно расспрашивал Коваленко о положении в японской компартии, о психологических особенностях японцев. Только позже стало ясно, что, получив отказ со стороны американцев на предложение оккупировать советскими войсками часть острова Хоккайдо и не подписав Сан-Францисский мирный договор, Сталин, сговорившись с Мао Цзедуном, хотел взять реванш у американцев, организовав подъём антиамериканского сопротивления среди японского народа, чтобы добиться ухода войск США из Японии.

Сталин спросил у Коваленко:

– Что происходит в КПЯ? Вы в курсе дела?

– В полной мере никто не знает, но кое-что я знаю.

– Кто там верховодит? Что у них происходит? Как можно исправить?

Всё это было связано с тем, что один из лидеров КПЯ, Носака, развивал теорию о возможности «мирной революции» в Японии в условиях американской оккупации. Сталина очень беспокоила перспектива перехода КПЯ на китайские позиции. В газете «За прочный мир, за народную демократию!» вышла статья, конец которой написал сам Сталин. Он заклеймил теорию «мирной революции» как контрреволюционную.

«Теория Носаки льёт воду на мельницу американского империализма», – писал Сталин. Генсек КПЯ Токуда написал письмо в Москву в защиту Носаки. Вот именно в связи с этим Коваленко и был вызван в Кремль.

В конце беседы Сталин сказал Ивану Ивановичу: «Благодарю. Вы многое прояснили».

Когда Иван Иванович вышел из кабинета Сталина, Поскрёбышев многозначительно сказал ему: «О встрече никому ни-ни. А то, знаете…»

Позже Ивана Ивановича и ещё одного политработника отправили в Северный Китай искать Носаку (он там создавал КПЯ из японских военнослужащих).

Официально была легенда: «Ищем сбитый советский самолёт». С большим трудом разыскали Носаку. Коваленко ему сказал: «Товарищ Носака, у нас есть поручение доставить вас в Москву». «Хорошо. У меня там много друзей, ведь я работал в Коминтерне».

В Москве состоялась встреча Носаки со Сталиным. К этому времени ЦК КПЯ избрал генсеком Токуда. Сталин сказал Носаке: «Берите дело руководства КПЯ в свои руки». В Токио Носаку коммунисты даже не встретили. Носака возвращался из Москвы в Токио через Сеул. Там он имел встречу с американским разведчиком, который порекомендовал ему «вести мягкую линию». Позже выяснилось, что Носака был агентом четырёх разведок, в том числе и японской, и был внедрён в Коминтерн. Носака ухитрился быть одновременно и китайским, и японским, и советским, и американским шпионом. Оказалось, что после войны родной брат жены Носаки работал начальником полицейского управления в Японии.

Как мне рассказал И.И. Коваленко, когда мы начали выводить войска из Маньчжурии, секретарь КПК Северо-Восточного Китая Пынь Чжен пришёл к командующему нашей армии Р.Я. Малиновскому и заявил: «Вслед за советскими войсками мы займём города Маньчжурии». Малиновский возразил: «Мы обязаны передать эти города Чан Кайши». «Нет, мы сразу займём их», – сказал Пынь. «В таком случае мы вынуждены будем стрелять», – жёстко отрезал Малиновский.

Когда Малиновский начал выводить войска из Маньчжурии, к нему пришёл сын Чан Кайши Цзян Цзинго – наместник в Маньчжурии.

Он заявил решительный протест: «Коммунисты собираются захватить Харбин и другие города. В соответствии с договорённостью вы обязаны передать Маньчжурию законному правительству Чан Кайши. Вы должны приостановить вывод войск. Мы требуем: без нашего разрешения не выводить советские войска».

Как только ушёл Цзян Цзинго, к Малиновскому снова явился Пынь Чжен с прежними требованиями. При этом он заявил:

«Стреляйте, мы не возражаем. Это для нас меньшие жертвы, чем те, которые будет означать занятие Маньчжурии чанкайшистами». Вслед за Пэнем снова пришёл Цзян Цзинго.

И вдруг ночью Малиновскому по телефону звонит Молотов: «Вы безмозглый политик. Вы нас втягиваете в войну с Америкой. Кто вам дал право вступать в контакты с КПК? Надо немедленно передать власть в Маньчжурии Чан Кайши».

Малиновский немедленно вызвал своих генералов и повторил им слова Молотова. Советские войска были возвращены в Маньчжурию.

Американцы перебросили в Китай пять или шесть дивизий. Цзян Цзинго занял города в Маньчжурии, а наши войска стали выходить из Мукдена. Китайские коммунисты рванулись в Мукден, но чанкайшисты дали им отпор.

То же случилось и в Чунцине. Началась гражданская война в Китае. Китайская компартия подняла большой шум, бурно выражая недовольство политикой Кремля. Тогда по приказу из Москвы Малиновский отдал Мао Цзедуну всё захваченное нами японское оружие.

Благодаря этому Пынь Чжен выбил чанкайшистов из Маньчжурии.

В 1968 г. северные корейцы захватили американский шпионский корабль «Пуэбло» и шесть месяцев не отдавали его американцам. Ким Ир Сен сообщил в Москву: «Мы провели глубокий анализ международной обстановки и решили не отдавать “Пуэбло”. Пусть приезжают советские специалисты, посмотрят, вам это будет очень полезно». Вашингтон решил нажать на Ким Ир Сена через Москву, и во Владивосток пришла телеграмма от Б.Н. Пономарёва с требованием направить в Пхеньян представителя и убедить Кима отдать американцам «Пуэбло». Эта миссия была поручена И.И. Коваленко. Пономарёв сообщил: нашего посла в Вашингтоне Добрынина пригласил президент Джонсон и сказал: если вы не нажмёте на Ким Ир Сена, мы примем самые жёсткие меры, вплоть до атомной бомбы – сбросим её на Корею и Вьетнам.

Пономарёв добавил: передайте Ким Ир Сену, мы считаем, что дальше держать «Пуэбло» нецелесообразно.

И.И. Коваленко передал всё это Ким Ир Сену и тот коротко сказал: «Согласен», и инцидент был исчерпан.

Григорий Максимович Бонгард-Левин

19 июня 1998 г. я присутствовал на защите диссертации. Председательствовал на учёном совете ИВ РАН академик Григорий Максимович Бонгард-Левин (1933–2008). Оппонентом соискателя был директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский – в костюме (несмотря на ужасную жару) и чёрном шарфе. Перед объявлением счётной комиссией результатов голосования Бонгард-Левин неожиданно заявил: «Михаил Борисович, как всегда, пришёл в чёрном шарфе. Так одеваются искусствоведы. А сейчас я покажу, как одеваются востоковеды». С этими словами он эффектным театральным жестом обмотал вокруг своей шеи красивый цветной шарф, многозначительно добавив: «Это подарок мне от премьер-министра Индии».

«Не говори гоп, пока не переехал Чоп»

Моя поездка в Болгарию в начале 1980-х гг. чуть было не закончилась для меня печальным, а, возможно, и фатальным финалом. Меня направили тогда в Болгарию читать лекции о международном положении по линии общества «Знание». К подобным лекциям готовиться по нашей прессе было бессмысленно, поскольку, как тогда говорили, в «Правде» не было известий, а в «Известиях» не было правды. Оставался один «Труд». Поэтому я, как всегда, залез на несколько дней в «спецхраны» библиотек и сделал много выписок из западных газет и журналов. С ними-то я и отправился в Болгарию. Мои лекции там имели успех, и я даже получил солидный гонорар.

Но неприятности, как известно, всегда приходят с неожиданной стороны. Они ждали меня на обратном пути. Когда наш поезд достиг границы на станции Чоп, в него вошли наши пограничники и таможенники и учинили основательный «шмон». Я купил в Болгарии кожаный пиджак и дублёнку для жены Томочки (кожа там была очень дешёвая и качественная). Таможенники мне безапелляционно заявили, что в Союз можно ввозить только одну кожаную вещь, и мне пришлось подарить им «за здорово живёшь» новый кожаный пиджак. Но это были цветочки – ягодки были впереди. Раскрыв мой чемодан, таможенник сразу же как кот на мышь набросился на мои выписки из иностранных газет и стал их внимательно читать. По мере чтения его лицо становилось всё более мрачным. По этому посуровевшему лицу я понял, что надвигается гроза. Когда он закончил своё увлекательное чтение, его нахмуренные брови и грозный вид не предвещали ничего хорошего.

– С какой целью вы возили за границу всю эту антисоветчину? – прокурорским голосом спросил он, и я почувствовал, что по моей похолодевшей спине забегали мурашки.

– Я читал лекции в Болгарии по линии общества «Знание», – ответил я.

– Разве вы не знаете, что за границу разрешается провозить только печатную продукцию? Я обязан вызвать нашего эксперта по идеологическим вопросам, – сказал он.

Вскоре в купе вошёл молодой человек, который с не меньшим интересом погрузился в чтение моих бумаг. Я понял, что запахло жареным и что что-то надо срочно предпринимать.

– Где вы учились? – неожиданно для самого себя спросил я «эксперта».

– В МГИМО.

У меня сразу отлегло от сердца.

– А кто был вашим научным руководителем?

Он назвал фамилию.

– Это мой близкий друг, – сказал я, хотя сам в этом далеко не был уверен. Постепенно слово за слово мы выяснили, что у нас есть не только много общих знакомых, но и много общих духовных интересов. На последних остатках своего обаяния я сумел расположить к себе «эксперта». Всё кончилось тем, что он сказал первому таможеннику: «Никакой антисоветчины тут нет. Это уважаемый профессор. Можно его пропустить».

А ведь всё могло кончиться совсем иначе. Время-то было лихое… К счастью, чекисты бывали разные.

Георгий Маркович Корниенко

В моём отделе одно время работал Георгий Маркович Корниенко (1925–2006). В прошлом он занимал высокие посты и был даже первым заместителем министра иностранных дел СССР. Уже работая в нашем отделе, Георгий Маркович опубликовал две книги: «Холодная война: свидетельство одного из её участников» и «Глазами маршала и дипломата» (в соавторстве с маршалом С.Ф. Ахромеевым, застрелившимся после путча ГКЧП в августе 1991 г.).

Георгий Маркович рассказал мне много интересного о людях, с которыми он работал, и о событиях, участником которых он был. По моей просьбе он много раз выступал в нашем отделе с интереснейшими докладами. Я по своей давней привычке записал многое из того, что он нам сам рассказывал. Приведу маленькие отрывки из своих записей: «Азиатско-африканское направление находилось в ведении не столько МИД СССР, сколько международного отдела ЦК КПСС (Б.Н. Пономарёва). Могло создаться впечатление, что это направление было под партийным, а не государственным контролем. А когда мы влезли в Афганистан, Анголу, нам приходилось эту кашу расхлёбывать по государственной линии. Горбачёв возмущался: “У нас засилье американистов в МИДе”. МИД из афро-азиатских стран занимался только Японией и Китаем. А в США Совет безопасности и госдепартамент занимались всеми странами».

«”Холодная война” не закончилась. Она имеет несколько аспектов: риторика, концептуальные представления друг о друге,

гонка вооружений. Материальная часть “холодной войны” сохраняется. Экономические отношения неравноправны».

В Индии вместе с Р.Б. Рыбаковым

С 26 ноября по 1 декабря 1998 г. я был в Индии. Это была моя вторая поездка в «страну волшебных сказок» (первая состоялась в 1989 г., я описал её в своей книге «Восток глазами востоковеда»). На этот раз я ехал туда как участник международного семинара «Азия в многополярном мире». От нашего института были ещё наш тогдашний директор Р.Б. Рыбаков и его заместитель В.А. Исаев.

Жили и заседали мы в Российском культурном центре в Дели. Это шикарный комплекс зданий с бассейном, библиотекой, конторой Аэрофлота и т.п. Посмотрели Дели – рынок, Радж Патх (улица раджей, на одном конце которой – Ворота Индии, на другом – Президентский дворец), Храм Лотоса, Гробницу Гумаюна, Храм всех религий.

Нашим суперквалифицированным и неутомимым гидом был Ростислав Борисович Рыбаков.

Ростислав Борисович – крупный учёный-востоковед, специалист по философии и культуре Индии. Он потомственный историк в третьем поколении. Его отец – выдающийся историк, академик Борис Александрович Рыбаков читал мне лекции в МГУ.

Ростислав Борисович – суперинтеллектуал, обладающий живым, творческим умом и обширнейшей эрудицией. В Индии я был потрясён и восхищён его энциклопедическими знаниями об этой стране. Общаться с ним было огромным духовным наслаждением. По существу, в нашем автобусе он прочитал нам совершенно блестящий курс лекций по истории, культуре и религиям Индии. Ростислав Борисович обладает великолепным чувством юмора. Каждое его выступление – это фейерверк остроумия.

Леонид Иванович Медведко

Одним из признанных мэтров нашего отдела по праву считается Леонид Иванович Медведко. Известный востоковед-арабист, он много лет работал по линии ГРУ, а потом в качестве корреспондента «Правды» в странах Арабского Востока. Потом работал в Институте Африки РАН, а оттуда перешёл в наш Институт.

Л.И. Медведко автор более 100 научных и публицистических работ, в том числе и переведённых на ряд иностранных языков: «К востоку и западу от Суэца», «Ветры перемен в Персидском заливе», «Этот Ближний бурлящий Восток», «Мины под оливами», «Именем Аллаха (политизация ислама и исламизация политики)», «Седьмая ближневосточная война».

В своей большой книге «Россия, Запад, ислам: столкновение цивилизаций?» Л.И. Медведко, используя малоизвестные факты из открывшихся недавно архивов, предпринял попытку цивилизационного подхода к двум мировым и «холодной» войнам, рассматривая их итоги и последствия с использованием методологии социо- и футуросинергетики. В этой книге рассматривается роль исламского мира в Великих катастрофах XX века и его место в борьбе с международным терроризмом.

Выступая на юбилее Л.И. Медведко, я сказал: «Нельзя объять необъятное – но в какие-то моменты развития науки стремление к этому неизбежно и чрезвычайно плодотворно. Специализацию можно уподобить расщеплению луча на составляющие его цвета – можно выделить белый, серый цвет, но при этом потеряется представление об этом луче в целом. В наше время нельзя понять процессы общественной жизни вне контекста общих гуманитарных и естественных знаний.

Для Л.И. Медведко характерна универсальная осведомлённость в самых разнообразных отраслях знания. Он обладает удивительно живым, ясным и пытливым умом. Я думаю, что эта пытливость ума и позволила ему сделать этот гигантский прорыв, этот скачок от известных знаний к новому их пониманию».

Памяти коллег

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ХОХЛОВ

(1929–2015)

Не стало Александра Николаевича Хохлова – кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН, давнего друга, одного из идейных вдохновителей создания «Восточного архива», стоявшего у его истоков, члена редакционного совета и постоянного автора нашего журнала. Более тридцати лет назад мне выпала честь встретиться и познакомиться с Александром Николаевичем. Тогда я был аспирантом Ленинградского отделения Института востоковедения РАН, приехавшим из города на Неве в Москву для участия в международной научной конференции «Общество и государство в Китае». А.Н. Хохлов был активным постоянным участником и одним из организаторов таких конференций. Вспоминается он молодым, полным сил, открытым и жизнерадостным человеком, светившимся доброжелательностью, с чуткостью и вниманием относившимся к молодым учёным. Ведь наука – это, прежде всего, люди, которые относятся к ней как к своей суженой и, тем самым, являются примером подражания для молодёжи, избравшей научную стезю. Таким человеком и учёным был Александр Николаевич Хохлов. И годы, казалось, не были властны над ним, он пребывал в этом состоянии все тридцать лет, которые я знал его – мудрым и душевным. Александр Николаевич был разносторонним и увлекающимся человеком, он оставил свой оригинальный след и в синологии, и в архивном востоковедении, и в изучении истории народов Центральной Азии, и в истории отечественного востоковедения.

Начиная с первого номера «Восточного архива» в 1998 г. А.Н. Хохлов публиковал в нашем журнале статьи на основе лично им найденных в итоге скрупулёзной работы архивных документов, проливающих свет на различные аспекты российско-китайских отношений. Он первым обратил свой взор на деятельность школ российских переводчиков в Монголии – Урге и в Восточном Туркестане – Кульдже. Он наглядно и полно восстановил память об отечественных журналистах и ориенталистах начала XX столетия – С.Н. Сыромятникове и В.Н. Рогове. Благодаря публикациям А.Н. Хохлова в новом свете вырисовывается образ легендарного художника-баталиста В.В. Верещагина, запечатлевшего на художественном полотне драматические сюжеты в истории нашей страны – России и Центральной Азии. Человек, олицетворяющий собой гуманистическую суть отечественной науки и являвшийся, по образному выражению его друга и коллеги В.И. Шеремета, «певцом архивного поиска», А.Н. Хохлов на страницах нашего журнала уделял большое внимание гуманитарным аспектам политики России в Китае. Он пролил свет и на просветительскую деятельность русских православных миссионеров на «Земле Обетованной», в Палестине и Сирии в конце XIX – начале XX в.

До последнего своего дня А.Н. Хохлов не прекращал научные изыскания… Увы, его докладов мы больше не услышим, но не раз вспомним встречи с Александром Николаевичем в архивах, на конференциях, в редакции нашего журнала, вспомним обсуждения совместных проектов. И с благодарной памятью обратимся к его творческому наследию.

А.Ш. Кадырбаев

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ АРАПОВ

(1943–2015)

14 декабря 2015 г. скоропостижно скончался Дмитрий Юрьевич Арапов, один из наиболее видных исследователей истории ислама и мусульманского вопроса в Российской империи, современных России и Средней Азии.

Дмитрий Юрьевич родился 16 марта 1943 г. в Еревана, в 1966 г. окончил Исторический факультет Московского государственного университета, тема дипломной работы: «История взаимоотношений Средней Азии и Ирана в конце XVI в.».

В 1978 г. Д.Ю. Арапов защитил кандидатскую диссертацию на тему «История изучения Бухарского ханства в русской востоковедческой дореволюционной историографии». Итогом стала монография «Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии», которая до сих пор не теряет своей актуальности для специалистов и всех, кого интересует история русско-среднеазиатских отношений.

Впоследствии интерес к изучению Востока в России приведёт Дмитрия Юрьевича к той теме, которой он занимался большую часть своей творческой жизни – изучению вопросов взаимодействия русской власти и ислама во всех их проявлениях и на всех уровнях (административном, клерикальном, социальном, культурном). Тема государственного регулирования ислама, взглядов высших чиновников Российской империи и СССР на мусульманский вопрос, законодательного и юридического оформления ислама в правовой системе государства – вот лишь основные направления исследований Д.Ю. Арапова.

Будучи первоклассным знатоком архивов и библиотечных собраний России, Дмитрий Юрьевич мастерски анализировал и делал достоянием общественности малодоступные документы по истории государственного регулирования ислама и взаимоотношений сторон в самые сложные и тревожные периоды. В 2001 г. выходит подготовленный им сборник документов «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)». Сборник становится одним из первых (если не первым) в России сборником законодательных актов (военных и гражданских) и документов об исламе. В 2006 г. выходит ещё одни сборник материалов, подготовленный Дмитрием Юрьевичем – «Императорская Россия и мусульманский мир».

За год до этого Д.Ю. Арапов защитил докторскую диссертацию на тему: «Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.» Диссертация стала основой для одноимённой монографии, которую можно считать лучшим очерком по истории отношений власти и ислама в Российской империи. Защита докторской диссертации стала определённым этапом в творческой деятельности Дмитрия Юрьевича. Теперь перед ним открывалась ещё более широкая и не менее интересная, актуальная тема – ислам и Советское государство. И здесь деятельность учёного также была не менее продуктивной – выпущена монография «Мусульмане и ислам по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 г.» (М., 2007, в соавт. с Г.Г. Косачем), трёхтомник документов «Ислам и советское государство» (М., 2010–2011. Вып. 1, 2, 3).

Дмитрий Юрьевич по свои взглядам был «державником», что, видимо, отчасти и повлияло на выбор и формулировку основного направления его исследований. Его отличал типичный взгляд русского человека, русского учёного на государство и его значение для российского общества.

Работу по изучению ислама Д.Ю. Арапов вёл параллельно с преподавательской деятельностью на Истфаке МГУ, на кафедре Истории России до начала XIX в. Он по праву пользовался любовью и уважением студентов, которые ценили его самоотдачу, готовность помочь

и энциклопедический склад ума. Об участии Дмитрия Юрьевича в полевых исследованиях и летних студенческих экспедициях Истфака ходили легенды.

Д.Ю. Арапов был не просто выдающимся учёным, но ещё и прекрасным соседом для двоих авторов данного некролога. Каждая даже случайная встреча в окрестностях наших родных Патриарших прудов, на улице, в магазине зачастую заканчивалась общением на самые разные темы – научные, литературные и жизненно актуальные, будь то история или литература, бытовые дела и политика, курьёзы преподавательской деятельности и меню новых близлежащих кондитерских и кафе.

Дмитрий Юрьевич запомнится всем нам не только как высочайший профессионал своего дела, энциклопедист и блестящий знаток архивных фондов, но и как общительный жизнелюб и человек, умевший радоваться приятным мелочам жизни и ценить их.

Преждевременный уход Дмитрия Юрьевича не просто трагедия для всех нас. Ушёл человек, который был связующим звеном поколений историков-востоковедов, источниковедов и религиеведов. Но оптимистическое ощущение жизни, которое он дарил окружающим во время общения с ним, сохранится неотделимой частью не только наших воспоминаний о нём, а и примером преодоления проблем и тягот повседневности.

Дело жизни Д.Ю. Арапова – изучение истории Востока и России, истории ислама и научного подвига русских востоковедов, как и разработанные им источниковедческие методики, несомненно, найдут своё продолжение в трудах его друзей, коллег и учеников.

В.В. Беляков
А.Д. Васильев
Д.Д. Васильев

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru, сайт www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. E-mail: dmivas46@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КОТЮКОВА Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: kotyukovat@mail.ru

ЛАПИН Павел Андреевич – кандидат исторических наук, первый секретарь Первого департамента Азии МИД РФ. E-mail: waijiao2000@mail.ru

ЛИСИЦЫНА Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета. E-mail: lisitsyna2n@mail.ru

ЛЫСЕНКОВ Николай Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: nlysenkov@gmail.com

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de